

НЕ СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Литературно-публицистический альманах

**30 лет
исполнилось, как
в ДРА был введен
Ограниченный
контингент
советских войск.
Кто были эти -
ПЕРВЫЕ?**

В номере:

- ★ Предновогодняя «чехарда» поэтов
- ★ «Секреты» органов безопасности России
- ★ Афганистан - это военная судьба наших воинов-интернационалистов
- ★ «Чеченский» синдром - что за ним?
- ★ Морская пехота - особые войска
- ★ Ю.Сергеев:
«Мой отец воевал в Войске Польском...»
- ★ Новые стихи А.Челышева, В.Волконской, А.Зайцевой
- ★ Отрывок из нового «чеченского» романа А.Никонова
- ★ А.Надыктов с повестью «Русский олигарх»
- ★ «Черный ящик» - эссе Артема Горшенина

НЕ СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Патриотический,
литературно-
публицистический
альманах

ВЫПУСК ШЕСТОЙ
декабрь 2009

Ульяновский региональный
благотворительный общественный фонд
поддержки ветеранов и офицеров
запаса КГБ, ФСБ, МВД
«Эгида»

Об авторах

**Виктория
ВОЛКОНСКАЯ**
Член совета ДПО.
Поэтесса, автор
нескольких книг стихов.
Одна из лучших поэтесс
нашего края.

Алевтина ЗАЙЦЕВА
Член ДПО. Жена
офицера. Объехала
с мужем полстраны.
Работала
библиотекарем, главным
хранителем в музее
ДААЗа, она участница
творческих встреч
с читателями
в городском
поэтическом клубе
“Эхо”. Публиковалась
в “Автостроителе”,
журнале “Черемшан”.

**Валерий
ГОРДЕЕВ**
Член Союза писателей
СССР, Союза писателей
России. Автор многих
книг и публикаций.
Лауреат нескольких
литературных премий.
Поэт, публицист,
переводчик, издатель.

**Артем
ГОРШЕНИН**
Студент ДИТУДа.
Поэт и прозаик.
Лауреат городских
и областных
литконкурсов.
Публиковался
на страницах СМИ,
в литературно-
краеведческом
журнале «Черемшан».
Член ДПО.

Василий КОРОБКОВ
Член Союза писателей
России. Автор многих
книг. Лауреат
областного литконкурса.
Поэт, прозаик.

Об авторах

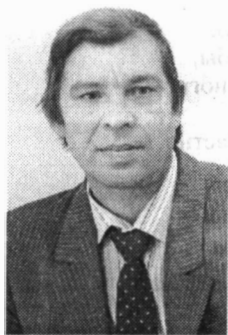
Александр НАДЫКТОВ
Учился в МГУ.
Независимый публицист. Автор литературно-критических работ. Публиковался в журналах и газетах Украины и Ульяновской области. Член ДПО, живет и работает в Дмитровграде.

Елизавета ПАРФЕНОВА
Член ДПО. Автор многих публикаций и произведений для детей и юношества. Поэтесса, прозаик.

Виктор СЫСУЕВ
Автор двух книг. Член ДПО. Поэт, прозаик, переводчик, краевед. В настоящее время работает над книгой о древнейшей истории родного края. Автор пового переложения на современный язык памятника древнерусской литературы «Слово о полку Игореве».

Александр НИКОНОВ
Член Союза писателей России. Автор четырех книг прозы. Прозаик, сказочник, сценарист. Лауреат областного литконкурса.

Александр ЧЕЛЫШЕВ
Воин-десантник. Воин-интернационалист. Участник боевых действий в Республике Ангола (март 1976 по октябрь 1977 годов). Имеет боевые награды. Автор цикла стихов «Из афганского дневника». Член ДПО, живет в Новой Мылке.

Рождественская СКАЗКА

для литераторов и читателей

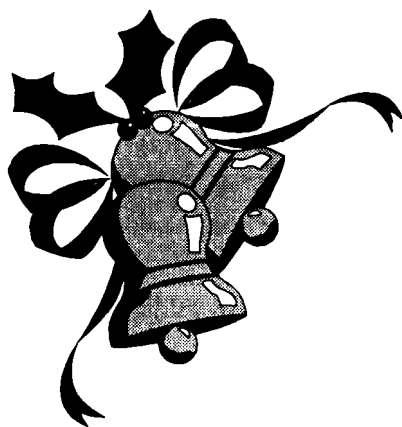
Под Новый год принято не только дарить подарки, петь веселые песенки и хороводить. У литераторов есть «забава», писать друг другу предновогодние посвящения, каламбуры, дружеские пародии. Мы решили воспользоваться этим, не нарушать традиций и открыть этот номер альманаха такими вот посвящениями в кругу членов Димитровградского писательского отделения Союза писателей России. С праздником, друзья!

**Виктория ВОЛКОНСКАЯ
и Владимир КОНОНОВ**

Марине Панкратовой – Принцессе Откровений

Целуй меня нежно, целуй меня грубо...
Целуй меня в груди, целуй меня в губы,
Целуй меня... в спину, целуй меня в ноги, -
Я скину одежды земной недотроги!
Целуй меня, милый, безудержно, страстно...
Твои поцелуи, касанья – прекрасны!
Целуй меня всю, целиком, наяву...
Не любишь?!

Любимым тебя назову!!!
Ну что ж ты, Архангел, не смотришь в глаза?
Я столько могла бы тебе рассказать...
Путей неземных перепутались нити,
Свиваясь в клубок сумасшедших соитий.
О, сколько обид я в себя приняла!
О, сколько ночей я в слезах провела!
Чтоб снова понять (это, право, не сложно) –
Любимой тобою мне быть – НЕВОЗМОЖНО!

*Василю СТРЮЧКОВУ – доброму,
мирному Гному*

Настала ночь. Запел сверчок.
Встал Гномик из кровати.
Надел цветастый колпачок,
Достал свои тетрадки.
И в темный лес пошел гулять,
В раздумьях о романе,
Что захотел он написать
Сегодня, сидя в ванне.
Увидел под кустом грибок,
С большою шляпкой красной.
Сорвал и сунул в кузовок...
Вдруг – слышит шум ужасный!
Летит по небу самолет,
Крылатый, словно птица, -
Надрывно двигатель ревет
В попытке приземлиться.
Забился Гномик под кусток:
- Вот тема для романа!
Спуститься самолет не смог
И - рухнул на поляну.
Ополоумевший пилот, -
Почти самоубийца, -
Взирал в слезах на самолет,
Пытаясь застрелиться!
В патроне он от рая был,
Но Гном не растерялся, -
Его дубиной оглушил
И легчик «обломался».
Исчез Маниловский мираж,
На место встала «крыша».
Пилот тот был российский, наш,
Он звался: Фирсов Миша.
Сюжет романа все крепчал,
Деталей добавлялось.
И Гном без усталости писал,
Все больше вдохновляясь.
Прошел всего лишь краткий миг
И тут – случилось что-то...
Автобус из леса возник,
Он мчался на пилота!
Мелькали фары. Голоса
Ругались на иврите:
- Арабский террорист – Мусса!
Ой, Яхве, помогите!

Закрыв глаза усталый Гном
И уши закупорил.
Подумал:
- Допишу потом...
Вокруг – сплошное горе!
И по тропиночке лесной
Пошел в родной домишко.
Так рассуждал он сам с собой:
- Схожу в лесок. Денек-другой –
И скоро будет книжка...

Александр ОСИПОВ

Пленник

(шутка)

Не Есенин, не Манухин,
но опять сажусь писать.
Строчки, точки ... словно мухи
не дают поутру спать.

И роятся бесконечно
в головёнке вновь и вновь
мысли глупые про Вечность,
а порой и про Любовь.

Говорю себе я в осень:
- Всё. Отныне ни гу-гу,
«завязал» к чертям. Забросил.
А, поди ж ты, не могу!

И опять вяжу я строчки
своим сломанным крючком.
- Проза лучше, - между прочим,
молвил мне Василь Стрючков.

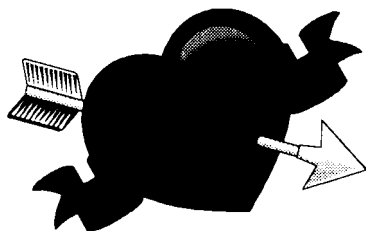
Юрий КОНОНЕНКО

Посвящение Олегу Варакину...

Два бокала на белой скатерти
И снимает вино, не спеша –
Боль любую, как губы матери,
Боль снимают у малыша...
У дороги в кафе тебя встретил –
Слева, - справа: открытый простор,
Серебристый ковыль и ветер,
О любви мы ведем разговор.
Ты морщинки старательно прячешь, -
Не вернется весна – не зови!
Я – в погоне всю жизнь за удачей,
Ты же – в поисках вечной любви.
«Наша карма – в фамилии, в отчестве», -
Говоришь, усмехаясь слегка.
В наши лица с клеймом одиночества,
Въелась серою пылью тоска...
Мы умеем у края пропасти,
Усмехаться в лицо беде.
Пей вино и обиды прошлого
Разойдутся кругами в воде!
В этой жизни мы вехи не ставили.
Все богатство – котомка в руке.
Золотым мы считали правило:
Если в путь, то – идти налегке.
Долгим взглядом друг к другу прикованы,
Я ловлю твоих глаз ворожбу,
Не ломай ты ковыль так взволнованно,
Не испытывай больше судьбу!
Вот и все: что искал, то и встретил,
Сгусток нежности и простоты,
На равнине российской ветер,
В ковыле серебристом следы.

Признание Крюковой...

Сегодня время так спешит,
Ах, как летят года!
Но молодость твоей души,
С тобою навсегда.
Она звучит в твоих словах,
Мне кажется всегда.
Как пела в Славкинских краях
Речушка Кадада.
Улыбки ласковый полет,
С хитринкой разговор, -
Нас снова молодость зовет,
Бодрит как ветер с гор.
Да, молодость в тебе жива,
У Крюковых она в крови.
Прими же скромные слова
Признания в любви!

Сергей СИНЯЕВ

Посвящение Димитровграду...

Я в этом городке и был, и не был.
Не знаю точно где, но долго жил.
Смотрел в окно и видел... только небо
Или – как ветер на бок тучи уложил.
Светило солнце как-то по-другому,
Дождь поливал, но – землю не мочил.
И странный номер был присвоен дому,
В котором, вроде, жил я, и – не жил...

Лидия СТЕПАНОВА

Василию Коробкову...

*«Сочинял я «заочницам» оды,
И душевные письма писал.
Но, лишенный любви и свободы,
Поэтический дар угасал»...*

Вновь свободным я стал, словно птица,
И любви опять не лишен.
Как по маслу поэма струится,
Своей Музой я снова прощен.
И над рифмой корпеть нам не надо.
Ну, конечно, - где «кровь», там «любовь»!
И частушки (вот сердцу услада!),
Как стихи предлагаю вам вновь.
Пошлость я выдаю за эротику,
И печатают смелый мой стих...
Может, видят все в этом экзотику, -
В прикроватных поэмах моих?

**20 декабря – День работников
органов безопасности**

Структура ФСБ

(<http://www.agentura.ru/>)

Структура Федеральной службы безопасности разработана в результате реализации указа президента от 11 июля 2004 года.

2 декабря 2005 года Президент внес изменения в Указ от 11.08.03 № 960 “Вопросы Федеральной службы безопасности РФ”. Теперь ФСБ разрешено иметь одного первого заместителя директора ФСБ, одного первого заместителя директора - руководителя Погранслужбы ФСБ и трех заместителей директора ФСБ, в том числе одного статс-секретаря - заместителя директора ФСБ.

Директор - Александр Васильевич Бортников

* Первый заместитель - Сергей Смирнов, председатель Совета РАТС ШОС

* Первый заместитель директора - Владимир Егорович Проничев, руководитель Пограничной службы ФСБ России

* Заместитель директора - Владимир Кулишов (с 19.08.08), донего Владимир Булавин, руководитель аппарата Национального антитеррористического комитета (НАК), заместитель руководителя Федерального оперативного штаба

* Заместитель директора, статс-секретарь - генерал-майор юстиции Юрий Сергеевич Горбунов, назначен 20.12.05. Ранее возглавлял департамент правовых вопросов безопасности Государственно-правового управления Администрации Президента РФ

* Заместитель директора - Сергей Беседа

* Заместитель директора - Вячеслав Ушаков

* Заместитель директора - Сергей Буравлев, бывший руководитель 16 Центра (до него Владимир Анисимов)

1. Служба контрразведки (СКР) - генерал армии Олег Владимирович Сыромолотов, заместитель - Николай Зайцев

* Департамент контрразведывательных операций - руководитель (в статусе первого заместителя начальника службы) - Нечаев М.В. (умер 5.12.07)

* Управление координации и анализа контрразведывательной деятельности - бывший руководитель А. Ручьев, назначен начальником УФСБ Санкт-Петербурга

* Управление специальных мероприятий

* Управление контрразведки на объектах

* Управление информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности

* Центр информационной безопасности - В.В. Скорик, первый заместитель Джигоев Г.Я., заместитель Герасимов А.В. Центр создан на основе Управления компьютерной и информационной безопасности департамента контрразведки

- В.М. Матросов (до него Борис Николаевич Мирошников, - перешел на работу в ГУСТМ МВД)

* Департамент военной контрразведки - генерал-полковник Александр Безверхний (источник: Постановление Правительства РФ №656 от 31.08.02), заместитель Владимир Носов, заместитель Коренков С.А. (источник: Указ Президента от 28.12.2005 №1550)

2. Служба по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом (СЗКСИБТ) - Алексей Седов (до него А.Брагин), заместитель генерал-майор Александр Машкин (ушел в отставку в 2007 году), заместитель - Владимир Муратов (бывший шеф УФСБ Дагестана)

* Управление по борьбе с терроризмом и политическим экстремизмом (УБТПЭ) - Михаил Белоусов (источник: РИА Новости), первый заместитель Сергей Борисович Шурыгин (источник: Постановление Центризбиркома от 29.04.2005 №144/984-4)

* Антитеррористический центр / Центр специального назначения - Александр Тихонов. Почта - csnsput@fsb.ru

* Управление по борьбе с международным терроризмом (УБМТ) - Юрий Сапунов

* Организационно-оперативное управление

* Оперативно-розыскное управление (ОРУ) - (до 2004 года И. Миронов), первый заместитель Евгений Колесников, заместитель А.Плотников

3. Пограничная служба - Владимир Егорович Проничев

4. Служба экономической безопасности (СЭБ) - Юрий Яковлев, бывший первый заместитель, глава Управления "П" (источник: Указ Президента № 1615 от 27.12.04), до 13.05.08 генерал армии Александр Бортников (до него Юрий Евгеньевич Заостровцев), первый заместитель - до июня 2008 г. - Ю.В. Яковлев

* Управление по контрразведывательному обеспечению предприятий промышленности (Управление "П")

* Управление по контрразведывательному обеспечению транспорта "Управление Т" - Чернышев Сергей Михайлович, до него Федоров А.В. (источник: Распоряжение Правительства от 18.04.2005 №431-р)

* Управление по контрразведывательному обеспечению кредитно-финансовой системы (Управление "К")

* Управление по контрразведывательному обеспечению МВД, МЧС, Минюста (Управление "М")

* Организационно-аналитическое управление - Юрий Алешин

* Управление по борьбе с контрабандой и незаконным оборотом наркотиков - С.Фоменко

* Административная служба

5. Служба оперативной информации и международных связей (бывшая Служба анализа, прогноза и стратегического планирования) - Сергей Беседа,

до него Виктор Иванович Комогоров (также президент спортивного клуба “Динамо”. Источник: Распоряжение Правительства от 29.05.03 № 701-р)

- * Департамент оперативной информации (ДОИ) - Олег Храмов

- * Аналитическое управление - первый заместитель руководителя В.Скворцов

- * Управление стратегического планирования

- * Отдел открытой информации - ooi@fsb.ru

- * Управление международного сотрудничества - генерал-лейтенант Кузюра Алексей Федорович, заместитель - Орлов Михаил Павлович, научный консультант - Гробовой В.А. (источник: Распоряжение правительства от 13.03.02 №291-р)

6. Служба организационно-кадровой работы (СОКР) - генерал-полковник Е.Н. Ловырев, бывший руководитель генерал-майор Евгений Соловьев

- * Управление специальных регистраций - dacto@fsb.ru

- * Организационно-плановое управление

- * Управление кадров - заместитель начальника А.Котов

7. Контрольная служба - Юрий Игнащенко, до него Александр Иванович Жданьков (назначен аудитором Счетной Палаты)

- * Инспекция по личному составу

- * Контрольно-ревизионное управление

- * Управление собственной безопасности - генерал-лейтенант Александр Купряшкин, ранее возглавлял Управление “М”, заместитель - Наиль Мухитов. Почта - usb@fsb.ru

8. Научно-техническая служба - Николай Климашин, первый заместитель Преснов А.И. (источник: Распоряжение Правительства от 12.08.2005 №1212-р)

- * Управление заказов и поставок вооружений, военной и специальной техники

- * Управление оперативно-технических мероприятий (УОТМ) . Почта - uotm@fsb.ru

- * НИИ информационных технологий - генерал-майор Кузин Сергей Иванович, заместитель - Расторгуев Сергей Павлович

- * Научно-исследовательский центр - первый заместитель Летуновский В.В. (источник: Указ Президента от 19.02.2005 №182)

9. Служба обеспечения деятельности - генерал-полковник Михаил Васильевич Шекин, до него генерал-полковник Сергей Шишин, первый заместитель - Новиков Н.К. (Источник: Распоряжение Правительства от 23.07.2005 №1026-р)

- * Финансово-экономическое управление

- * Управление материально-технического обеспечения (УМТО)
- * Управление капитального строительства - А.Круглов
- * Финансово-экономическое управление

Подразделения центрального подчинения

- * Следственное управление - генерал-лейтенант Николай Олешко, до него Мильченко, до него генерал-лейтенант С.Д. Балашов
- * Следственный изолятор "Лефортово" - генерал-майор В.И. Маков, потом Сорочкин, потом Репкин (с января 2006 года передан в подчинение Минюсту)
- * Управление делами
- * Приемная ФСБ (на правах отдела) - начальник полковник Виталий Александрович Кондратьев (состав - шесть сотрудников)
- * Договорно-правовое управление
- * Центр безопасности связи ЦБС (бывший ГУБС ФАПСИ) - руководитель Виктор Сергеевич Горбачев, заместитель А.С. Кузьмин
- * Центр радиоэлектронной разведки на средствах связи - ЦРРСС (бывший ГУРРСС ФАПСИ) - начальник генерал-лейтенант Козлов Сергей Николаевич
- * Специальная служба (шифрование)
- * Центр по лицензированию, сертификации и защите государственной тайны ФСБ России (Центр «ЛСЗ»)
- * ФГУП НТЦ Атлас - Клянчин Валерий Константинович (Интерполитех 2006)
- * Центр специальной техники - Земцов Евгений Сергеевич (источник: Интерполитех 2006), первый заместитель начальника Бородинов Л.Ю. (источник: Указ Президента от 19.02.2005 №182)
- * Институт криминалистики
- * Центр оперативно-пограничных исследований - начальник Улеватый О.В. (источник: Указ Президента от 19.02.2005 №182)
- * Оперативно-поисковое управление (ОПУ)
- * Управление программ содействия - В. Н. Дворников, до него - Александр Александрович Зданович (ныне заместитель председателя ВГТРК)
- * Центр общественных связей - руководитель Сергей Игнатченко, до него Андрей Ларюшин (до него Василий Ставицкий)
- * Управление регистрации и архивных фондов (УРАФ) - генерал-майор Василий Христофоров (бывший начальник Яков Федорович Погоний), заместитель - Владимир Константинович Виноградов,
- * Центральный архив - Николай Михейкин, заместитель Жадобин А.Т. (источник: Распоряжение Правительства РФ №1618-р от 03.12.01)
- * Управление радиоконтрразведки (управление "Р"). Почта - drad@fsb.ru
- * Управление авиации - начальник - герой России Н. Гаврилов.
- * Управление специальной связи - начальник А. Преснов
- * Военно-медицинское управление (ВМУ) - Алексей Лапин (источник: Граница России 16.06.04 "Сочи встречает Солнечным")
- * Военно-строительное управление - заместитель начальника Клыш Ю.Г.
- * Комендантская служба
- * Дежурная служба

* Десятый отдел (военно-мобилизационный) Самцов Геннадий С.

* Академия ФСБ Руководитель - Остроухов Виктор Васильевич, до него Валентин Александрович Власов, заместитель Колобашкин Сергей Михайлович (упоминается в постановлении Правительства Москвы от 8 августа 2000 года № 616-71), заместитель Алексеев Александр Борисович (Постановление Правительства Москвы от 05.08.03 № 654-пп)

*Для справки: направление - до 7 сотрудников,
отдел - от 8, управление - от 55 человек.*

А также:

* Совет ветеранов ФСБ - Председатель Пирожков В.П. (источник: Указ Президента от 27.04.02 №418), первый заместитель Жирнов Б.Д., заместитель Виноградский В.Н.

* Общественный совет при ФСБ

* Совет ветеранов Академии ФСБ - председатель Божков С.И.

* Региональный общественный фонд содействия социальной и правовой поддержке ветеранов и сотрудников ФСБ России - президент полковник запаса В.М. Сойма, Председатель Попечительского совета - генерал-лейтенант А.А. Зданович

Система органов ФСБ

В систему, согласно Положению о Федеральной службе безопасности, принятым по указу президента № 960 от 11.08.2003, входят:

Федеральная служба безопасности Российской Федерации; в прямом подчинении ФСБ находятся:

* управления (отделы) ФСБ по отдельным регионам и субъектам РФ (территориальные органы безопасности);

* управления (отделы) ФСБ в Вооруженных Силах РФ, войсках и иных воинских формированиях, а также в их органах управления (органы безопасности в войсках).

* Управления (отряды, отделы) ФСБ России по пограничной службе (пограничные органы)

* Другие управления (отделы) ФСБ России, осуществляющие отдельные полномочия ФСБ России или обеспечивающие деятельность органов федеральной службы безопасности и пограничных войск (другие органы безопасности)

* Авиационные подразделения, центры специальной подготовки, подразделения специального назначения, предприятия, образовательные учреждения, научно-исследовательские, экспертные, судебно-экспертные, военно-медицинские и военно-строительные подразделения и иные учреждения и подразделения, предназначенные для обеспечения деятельности федеральной службы безопасности

* Схема составлена по материалам открытых источников и не претендует на полноту и точность содержания.

БОРТНИКОВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ

Родился 15 ноября 1951 года в г. Перми. Образование высшее. В 1973 году окончил Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта, работал по специальности на предприятиях г. Гатчины Ленинградской области. В органах государственной безопасности с 1975 года. Проходил службу на должностях оперативного и руководящего состава в контрразведывательных подразделениях УКГБ СССР по Ленинградской области. С 2003 года – начальник УФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области с должности зам. руководителя УФСБ по контрразведывательным операциям. Сменил на этом посту Сергея Смирнова, назначенного первым заместителем директора ФСБ. 2 марта 2004 года

Александр Бортников был назначен заместителем директора ФСБ России — начальником департамента экономической безопасности. До последнего времени эту должность занимал генерал-полковник Юрий Заостровцев. С июля 2004 года — руководитель Службы экономической безопасности ФСБ России.

Указом Президента Российской Федерации 12 мая 2008 года Бортников назначен Директором Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Генерал армии. Имеет государственные награды: орден «За заслуги перед Отечеством» 3 и 4 степеней, орден «За военные заслуги», орден Почета, 6 медалей. Награжден также наградами ряда зарубежных стран.

Женат, есть сын.

Центр специального назначения ФСБ

<http://www.agentura.ru/>

Центр входит в структуру Службы по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом

Руководитель - генерал-лейтенант Александр Тихонов, до него - генерал-майор Валерий Андреев

Структура:

- * Управление "А"

- * Управление "В"

- * Управление (ранее Служба) специальных операций (ССО)

"Время МН" 23.01.01: "В департамент по борьбе с терроризмом входит Центр специального назначения, состоящий из отрядов "Альфа" и "Вымпел" (бывший спецназ внешней разведки). Повседневная работа сотрудников отряда "Альфа" - нейтрализация террористов, захватывающих воздушные и водные суда, наземный транспорт, а также удерживающих заложников в зданиях. У сотрудников "Вымпела" - "атомная" специализация: в мирное время - обезвреживание террористов на ядерных объектах, в предвоенное и военное время их задача меняется на противоположную - они должны уничтожать АЭС, ракетные установки с ядерными боеголовками и прочие спецобъекты на территории противника. Однако эта специфика в нынешних условиях в расчет не берется, бойцы "Вымпела" способны действовать и в Чечне".

База Центра спецназначения расположена в г. Балашиха-2, войсковая часть № 35690. Контактные телефоны: 523-63-43, 523-90-60. Центр подготовки группы "Альфа" уже двадцать пять лет носит название "Прибой". (Источник: Московский Комсомолец 27.01.2001).

Управление "А" ЦСН ФСБ России (Группа "Альфа")

Начальник - генерал-майор Владимир Винокуров, помощник - участник ликвидации террористического акта на Дубровке, капитан 1 ранга - О. Пильщиков.

Создана 29 июля 1974 года по инициативе председателя КГБ СССР Ю. Андропова и начальника Седьмого управления КГБ СССР генерала Алексея Бесчастного. До 1985 года сверхсекретное подразделение "Альфа" находилось в личном подчинении генерального секретаря и руководства КГБ. Полное название подразделения до августа 1991 года - группа "А" службы ОДП 7-го Управления КГБ СССР. Первоначально количество сотрудников не превышало 40 человек. Комплектовалось в основном из сотрудников КГБ СССР, прошедших специальную подготовку и годных по состоянию здоровья к службе в ВДВ.

Целевое назначение группы "А" - борьба с терроризмом и "экстремистскими" действиями, которые связаны с захватом заложников, транспортных средств, государственных объектов на территории СССР и за рубежом.

К моменту развала СССР насчитывала около 500 офицеров. (Отделения - в Киеве, Минске, Краснодаре, Екатеринбурге, Алма-Ате). На данный момент в Москве, не считая трех региональных подразделений (Краснодар, Екатеринбург, Хабаровск), служит около 250 человек.

После распада СССР группа "А" входила в Главное управление охраны (ГУО) РФ. В числе прочих задач, "А" до 1993 года обеспечивала охрану Президента РФ. В 1993 году "Альфа" отказалась штурмовать Белый дом. В августе 1995 года, после того как М. Барсуков возглавил ФСБ РФ, группа "Альфа" была передана из ведения ГУО РФ в состав Федеральной службы безопасности РФ.

В 1998 году Путин, в бытность директором ФСБ, вспомнил об "Альфе". Он выпустил приказ о "реорганизации управлений "А" и "В". Согласно ему: "...в целях сокращения дублирующих структур" в "Альфе" и "Вымпеле" - расформировывались штабы и управление, а заодно и подразделения обеспечения - снайперы, взрывники, связь. Оставшиеся в одиночестве боевые группы сводились в "антитеррористический центр" - детище Савостьянова, переименованный в департамент по борьбе с терроризмом. Одновременно появились сообщения, что в результате реорганизации около трети офицеров спецгрупп "Альфа" и "Вымпел" были вынуждены покинуть службу, поскольку у государства нет средств на содержание высококлассных специалистов по борьбе с терроризмом.

Руководители:

* С 1974 по 1978 год руководителем группы был Герой Советского Союза (звание присвоено за боевые действия на о. Даманский) полковник Виталий Бубенин. (Из пограничников. В 1978 году вернулся в ПВ).

* С 1978 по 1988 год командиром группы "А" был генерал-майор, Герой Советского Союза Геннадий Николаевич Зайцев.

* С 1988 по август 1991 год - генерал-майор, Герой Советского Союза Виктор Федорович Карпухин.

* С 1991 по 1992 гг. - полковник Михаил Головатов.

* С 1992 года по март 1995 года - снова Геннадий Зайцев.

* С марта 1995 года по 1999 год группу возглавлял генерал-майор Александр Гусев.

* С 1999 по 2000 год - генерал-майор Александр Мирошниченко.

* В настоящее время - Владимир Винокуров.

Ассоциацию ветеранов группы возглавляет бывший заместитель командира группы Сергей Гончаров. Пресс-секретарь Ассоциации - Дмитрий Лысенков.

Управление “В” (бывший “Вымпел”)

Самым известным силовым подразделением внешней разведки КГБ СССР была группа “Вымпел”. Созданная 19 августа 1981 года для специальных операций группа “Вымпел” входила в состав управления “С” (нелегальная разведка) Первого главного управления (ПГУ) КГБ СССР. В организационном отношении “Вымпел” делился на отделения (в боевых условиях - группы) численностью от 10 до 20 человек.

Предшественниками “Вымпела” были отряды “Зенит” и “Каскад”. Официальное название - “Отдельный учебный центр КГБ СССР». За 20 лет истории подразделения бойцы “Вымпела” проводили специальные операции за пределами СССР (Афганистан) и накопили уникальный опыт разведывательной и диверсионной работы, боролись с террористами и освобождали заложников.

По распоряжению председателя КГБ СССР группу создал начальник управления “С” генерал-майор Дроздов Юрий Иванович. Он же был ее наставником. Первым командиром “Вымпела” стал Герой Советского Союза (за взятие дворца Амина) Козлов Эвальд Григорьевич. В состав “Вымпела” входило около тысячи человек. Боец знал минимум один иностранный язык, особенности страны, где предстояло работать. Бойцы “Вымпела” осваивали легководозащитную подготовку в 17 бригаде СпН в г. Очаков, обучались стрельбе у никарагуанских инструкторов, проходили стажировку на Кубе. Постигали горную подготовку, тренировались в полетах на СЛЛА (сверхлегких летательных аппаратах) и многое еще чего умели. По словам Дроздова Ю.И., раньше обучение одного бойца “Вымпела” стоило 100000 рублей в год. На подготовку уходило до пяти лет. “Вымпелу” маленькую территорию на двадцать пятом километре Горьковского шоссе, на территории 101-й разведшколы КГБ СССР возле подмосковной Балашихи, отдали в 1981 году. Теперь это территория ФСО.

Подготовка первых групп была завершена к началу 1982 года. А боевое крещение “Вымпел” получал в Афганистане.

По словам заместителя руководителя Департамента по борьбе с терроризмом генерал-лейтенанта Владимира Козлова (бывшего «вымпеловца»), в то время работа подразделения велась по трем направлениям: оперативному (добывание разведывательной информации), оперативно-боевому (реализация полученной развединформации и подготовка спецподразделений из военнослужащих Афганской армии для

совместного участия в боевых операциях) и ведению “оперативных игр” с целью сталкивания между собой лидеров вооруженных формирований противника.

В мирное время подразделение использовалось для поиска слабых мест в охране стратегических объектов. Диверсантов засылали на АЭС и военные заводы с целью “захвата объектов и проведения диверсий”. Охрана объектов при этом заранее оповещалась о “возможном проникновении диверсантов с целью проведения терактов”. Некоторых из бойцов специально “засвечивали”, чтобы остальные выполняли задачу в отсутствие участников группы или каких-то звеньев операции. Но, тем не менее, все без исключения задачи «вымпеловцы» выполняли на “5”.

При выполнении всех этих операций они имитировали закладку подрывных зарядов в наиболее уязвимых местах “атакованных” объектов. С началом развала СССР “Вымпел” стал использоваться и на своей территории. Бойцы побывали во всех горячих точках бывшего Союза: Баку, Ереване, Нахичевани, Карабахе, Абхазии, Приднестровье, Чечне, Москве.

В 1991 году, после путча, “Вымпел” перешел в подчинение Министерству безопасности РФ. С мая 1991 года группу возглавлял Борис Петрович Бесков (в системе КГБ с 12 лет - с момента зачисления в Суворовское училище при МГБ СССР в 1952 году, службу проходил в 9-м управлении КГБ, в Первом главном управлении, работал за границей. Воевал в Афганистане в группе “Каскад”, имеет боевые награды). В 1993 году группа оказалась в составе Службы безопасности Президента. “Вымпел” переориентировали на новые задачи: освобождение от террористов атомных объектов, борьбу с наркобизнесом, вооруженными преступными группировками или незаконными вооруженными формированиями. «Вымпеловцам» пришлось отрабатывать варианты различных операций по освобождению от террористов российских ядерных электростанций, кораблей с атомными силовыми установками и центров по производству ядерного оружия.

В ходе октябрьских событий “Вымпел”, как и “Альфа” отказался штурмовать парламент. В это время подразделение возглавлял генерал-лейтенант Дмитрий Герасимов. Вследствие этого, подразделение передали в ведение МВД. Там “Вымпел” получил название “Вега”. Из нескольких сот человек надеть милицейские погоны согласилось пятьдесят. Узнав о распаде “Вымпела” в Москву приехали представители крупнейшего в США агентства безопасности и предложили работу. Спецназовцы отказались, решили, что смогут найти себе применение и здесь. Одни ушли в службу внешней разведки, помогали вывозить наших людей из горячих точек Африки. Пятеро работают в Министерстве по чрезвычайным ситуациям. Двадцать вернулись в ФСК, в только что созданное Управление специальных операций (ныне ЦСН ФСБ).

Только в августе 1995 года указом президента “Вымпел” вернули в Департамент по борьбе с терроризмом при ФСБ России. Сегодня правопреемник “Вымпела” - управление “В” Департамента ФСБ по борьбе с терроризмом.

В настоящее время основную часть состава группы “Вымпел”, по словам ее бывшего начальника Анатолия Исайкина, составляют люди из контрразведки, которые ранее занимались и разведкой. Все они прекрасно подготовлены, но

у каждого есть специализация. В среднем подготовка бойца антитеррористической группы занимает пять лет.

Служба специальных операций (ССО)

16 июля 1999 года на базе 12 отдела Управления экономической контрразведки ФСБ России и 3 отдела Службы по борьбе с незаконными вооруженными формированиями и бандитизмом Управления ФСБ России по г. Москве и Московской области была сформирована Служба Специальных Операций (ССО), позднее переименованная в Управление. Цели и задачи аналогичны деятельности Управлений "А" и "В". Сама Служба БНВФ и Б была расформирована и упразднена осенью 1999 года.

Служба контрразведки ФСБ

(<http://www.agentura.ru/>)

Начальник службы (до реформы лета 2004 года - департамента) - Олег Сыромолотов (До него - Валерий Печенкин)

Структура Службы контрразведки:

* Управление контрразведывательных операций (УКРО) - руководитель Волобуев Николай Анатольевич, заместитель руководителя департамента, заместители: генерал-майор Скорик Владимир, Митюк Михаил, Зайцев Александр Васильевич

* Управление компьютерной и информационной безопасности - В.М. Матросов (до него Борис Николаевич Мирошников, перешел на работу в ГУСТМВД)

По официальным данным, история советской контрразведки началась в 1922 году (6 мая 1922 года на совещании руководства Государственного политического управления РСФСР было принято решение о создании в структуре ГПУ специального подразделения по борьбе с иностранным шпионажем). Первыми руководителями КРО были Феликс Дзержинский, Вячеслав Менжинский и Артур Артузов.

В настоящее время, помимо борьбы со шпионажем, деятельность Департамента контрразведки (ДКР) осуществляется в сфере обеспечения безопасности российских учреждений и граждан за рубежом, режима въезда-выезда и пребывания иностранных граждан в Российской Федерации, борьбы с незаконной миграцией, оперативного прикрытия госграницы, оперативного розыска. Кроме того, Департамент совместно с заинтересованными подразделениями ФСБ осуществляет меры, направленные на обеспечение безопасности представительств иностранных государств на территории РФ.

История органов контрразведки:

* Особый отдел (ОО) ВЧК

* Особый отдел (ОО) СОУ ГПУ - июль 1922

* Контрразведывательный отдел (КРО) СОУ ГПУ - июль 1922

* Контрразведывательный отдел (КРО) ОГПУ - сентябрь 1930

* Особый отдел (ОО) ОГПУ сентябрь 1930 - июль 1934

* Особый отдел (ОО) ГУГБ НКВД СССР июль 1934 - ноябрь 1936

* Контрразведывательный отдел (КРО) ГУГБ НКВД СССР ноябрь 1936 - декабрь 1936

* 3-й (контрразведывательный) отдел ГУГБ декабрь 1936 - июнь 1938

* 3-й (контрразведывательный) отдел 1-го Управления НКВД СССР июнь 1938 - сентябрь 1938

* 3-й (контрразведывательный) отдел ГУГБ сентябрь 1938 - февраль 1941

* 2-е Управление НКГБ СССР февраль 1941 - июль 1941

* Второе Управление НКВД СССР июль 1941 - апрель 1943

* Второе управление НКГБ СССР апрель 1943 - март 1946

* Второе Главное Управление МГБ СССР март 1946 - март 1953

* Первое управление МВД СССР март 1953 - март 1954

* Второе главное управление (ВГУ) КГБ при СМ СССР март 1954 - июль 1978

* Второе главное управление (ВГУ) КГБ СССР июль 1978 - 1991

* Управление контрразведывательных операций (УКРОП) ФСБ

* Управление контрразведывательного обеспечения стратегических объектов (УКРОСО) ФСБ

* Департамент контрразведки (ДКР) ФСБ

Источник:

Ассоциация историков спецслужб им. А.Х.Артузова

Служба по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом ФСБ (<http://www.agentura.ru/>)

Руководитель Службы - Алексей Седов, до него - Александр Брагин, до него - Александр Жданьков (до него - адмирал Герман Угрюмов)

До реформы 2004 года Служба именовалась Департаментом по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом.

В советские времена с терроризмом боролись два подразделения КГБ. Первое входило в состав знаменитого Пятого управления (идеологического), и действовало на территории Советского Союза - Управление по борьбе с терроризмом (УБТ) КГБ СССР. Второе работало в рамках Управления "К" (внешней контрразведки) ПГУ КГБ, и отвечало за недопущение террористов на территорию страны.

После реформы КГБ и создания ФСБ там появилось свое Управление по борьбе с терроризмом. В начале 90-х это подразделение одновременно занималось и чистым террором, и противодействием политическому экстремизму. Однако, после «буденновских» событий начальник управления с должности был снят, и УБТ переформировали в Антитеррористический центр.

В 1997 году на базе Антитеррористического центра (АТЦ) был создан Департамент по борьбе с терроризмом ФСБ под руководством Виктора Зорина. В тот период времени в рамках департамента существовало четыре управления: Оперативное (террор), "Альфа", "Вымпел" и Управление "К".

Последнее было своего рода наследницей небезызвестного Пятого управления КГБ, ведавшего идеологической контрразведкой.

В 1998 году в Департаменте стала возрождаться система политического сыска. 6 июля 1998 года Указом президента было вновь создано управление конституционной безопасности ФСБ. Его руководителем был назначен Геннадий Зотов. Именно Зотов и был инициатором слияния двух структур - ДБТ и УКБ - в единое целое. В 1999 году в составе департамента по борьбе с терроризмом возникло Управление борьбы с терроризмом и политическим экстремизмом (офицеры как раз этого управления и занимались уголовным делом лидера НБП Эдуарда Лимонова).

Структура Службы:

Руководитель - Александр Брагин, заместитель - Остроухов В.В. (источник: Распоряжение Правительства РФ от 10.12.02 №1728-р).

* Центр специального назначения - Александр Тихонов, до него - генерал-майор Валерий Григорьевич Андреев. Почта - csnsput@fsb.ru

* Управление по борьбе с международным терроризмом - Юрий Сапунов

* Управление по работе с регионами

* Управление авиации – начальник - Герой России Н. Гаврилов Управление создано по инициативе Проничева в 2000 году.

* Управление по борьбе с контрабандой и незаконным оборотом наркотиков - заместитель начальника Г.Л. Алистратов, до него - В.В.Демин

* Организационно-оперативное управление - Владимир Козлов, заместитель начальника департамента

* Оперативно-розыскное управление (ОРУ) - Иван Кузьмич Миронов, замы: Александр Шагако (первый зам), Владимир Пронин, Александр Макаров, генерал-майор Колесников

* Управление по борьбе с терроризмом и политическим экстремизмом - Графов, до него - Борис Александрович Мыльников, первый заместитель Сергей Борисович Шурыгин (источник Бюллетень Министерства образования №11 2003), заместитель Макаров Сергей

* Оперативно-координационное управление по Северному Кавказу - руководитель Таймураз Калоев

История органов идеологической контрразведки (политического сыска)

* Отдел по борьбе с контрреволюцией

* Секретный отдел ВЧК

* Секретный отдел ГПУ

* Секретный отдел ОГПУ - март 1931

* Секретно-политический отдел (СПО) СОУ ОГПУ март 1931 - апрель 1932

* Секретно-политический отдел (СПО) ОГПУ апрель 1932 - июль 1934

* Секретно-политический отдел ГУГБ НКВД СССР июль 1934

* 4 отдел ГУГБ

* 4 отдел 1-го Управления НКВД СССР

* 2 отдел ГУГБ

* 3 (Секретно-политическое) Управление НКГБ

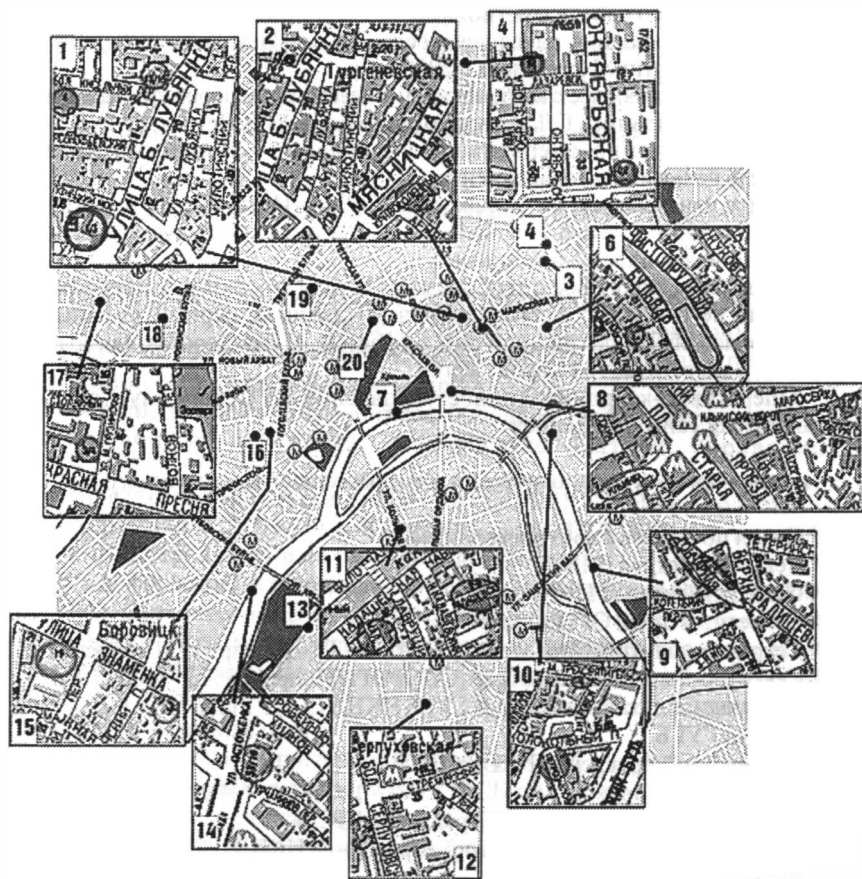
* Третье (секретно-политическое) управление НКВД

июль 1941 - апрель 1943

- * Второе управление НКГБ апрель 1943 года
- * Отдел "О"
- * Пятое управление МГБ декабрь 1949
- * Четвертое управление МВД СССР март 1953 - март 1954
- * Четвертое управление КГБ при СМ СССР
- * Пятое управление КГБ при СМ СССР
- * Пятое управление КГБ СССР
- * Управление защиты конституционного строя КГБ СССР
- * Управление конституционной безопасности ФСБ РФ

*Источник:
Ассоциация историков спецслужб им. А.Х.Артузова*

**Карта расположения спецобъектов в центре Москвы,
составленная на основании открытых источников
"Версия" 27.05.2002**

Местоположение секретных объектов на территории Москвы - государственная тайна. До сих пор, к примеру, отснятые материалы ежегодных аэрофотосъемок столицы в опломбированных пакетах отправляются на контрольный просмотр в штаб Московского военного округа, а хранение их осуществляется с учетом положений развернутого перечня сведений, подлежащих засекречиванию по системе Федеральной службы геодезии и картографии России.

Эта карта спецобъектов составлена на основании открытых документов московских властей, и поэтому не может быть полной. Но даже в таком усеченном виде хорошо видно, какие огромные территории в центре столицы занимают спецслужбы.

На карте мы отметили лишь несекретные объекты спецслужб - штаб-квартиры, поликлиники, гостиницы и т.п. Но есть среди них особый список - так называемые "объекты метростроения ОАО Трансинжстрой", бывшего управления 10-А. На карте хорошо видно, что далеко не все эти объекты совпадают со схемой обычного московского метро...

На карте:

1. *ФСБ - ул. Б. Лубянка, д.1/2, Приемная ФСБ - Кузнецкий мост, 22, Гл. здание Московского управления ФСБ - Б.Кисельный пер. д.13/15*
2. *Объект метростроения "Трансинжстрой" - Кривоколенный пер.*
3. *Объект ФАПСИ - Мясницкая ул. Д. 48, стр.1.*
4. *Здание ФАПСИ - проспект Академика Сахарова*
5. *Отдел Московского управления ФСБ по Северо-Восточному АО - ул. Октябрьская, 28, МОПНИЭИ и НТЦ "Атлас" ФАПСИ - ул. Образцова, д.38,*
6. *Отд. Московского управления ФСБ по Центр. И Юго-Восточному АО - Потаповский пер. 7, Объект метростроения "Трансинжстрой" - Потаповский пер. вл. 2/8*
7. *ФСО, ГУСП - Кремль*
8. *Совет безопасности и антитеррористический центр СНГ - ул. Ильинка, ФСНП - Маросейка, 12*
9. *Объект метростроения "Трансинжстрой" - ул. Гончарная, вл. 22-25*
10. *Объект метростроения "Трансинжстрой" - между Подколокольным и Петропавловским пер., поликлиника ФСБ - М. Трехсвятительский пер., д.4, стр.2*
11. *Объект метростроения "Трансинжстрой" - 2-й Кадашевский пер., Толмачевский пер., 5-7*
12. *Объект метростроения "Трансинжстрой" - ул. Б.Серпуховская, вл. 26*
13. *Объект метростроения "Трансинжстрой" - Мароновский пер.*
14. *Пресс-служба СВР - ул. Остоженка, 51/10.*
15. *Объект ФАПСИ (передан галерее Шилова) - ул. Знаменка, д.3 стр.1., Гостехкомиссия - ул. Знаменка, д.19.*
16. *Минобороны - комплекс зданий на Арбате*
17. *НТЦ "Атлас" ФАПСИ - ул. М.Грузинская, 3, стр.4*
18. *Объект метростроения "Трансинжстрой" - Баррикадная, д.8*
19. *Гостиница ФСБ - гостиница "Пекин", 5 этаж*

Маскировка

Именно эта публикация вызвала появление уголовного дела по факту разглашения государственной тайны, заведенного ФСБ против газеты "Версия" в ноябре 2002 года. Спустя два месяца возник новый скандал вокруг того, как спецслужбы теряют землю в центре Москвы. 9 января 2003 года "Франс-Пресс" со ссылкой на источники в российской столице сообщило о том, что ФСБ выступает против того, чтобы на Лубянке появился культурный немецкий центр. Этот проект должен был объединить под одной крышей сразу два культурных центра - немецкий и французский. Ожидалось, что они разместятся в здании, которое продает мэрия Москвы за 15 миллионов долларов. Якобы ФСБ против такого соседства, поскольку боится прослушивания.

Новоселы будут жить на секретах Родины

(Андрей Солдатов, «Версия» от 27.05.2002 г.)

"Вы до сих пор главного секрета КГБ не знаете: огромные города под землёй, целые коммуникации, сеть подобных сооружений. Но вам их не покажут никогда, конечно".

Из недавнего интервью перебежчика Олега Гордиевского

Если ехать по Мичуринскому проспекту, сразу после перекрёстка с Ломоносовским натыкаешься на огромный пустырь, обнесённый забором и заваленный строительным мусором. Пустырь как пустырь, если бы не рельсы одноколейки, загадочно уходящие вглубь. При этом поезда по ветке не ходят, трамвайный маршрут здесь тоже не пролегает. Кто пользуется таинственной линией, обывателю непонятно. И это не единственная загадка на территории Москвы. В столице все привыкли к тоннелям, уходящим в никуда, к зданиям без вывесок и глухим заборам посреди самых обжитых районов.

Невидимые бойцы Метростроя

Но даже если рядом нет здания ФСБ или ФАПСИ, присмотритесь внимательнее - не торчит ли поблизости вентиляционная шахта метро. И если на карте ветка подземки проходит совершенно в другом месте, значит, это объект так называемого Метро-2.

Метро-2 - это подземная транспортная система московских правительственных и военных командных пунктов и бункеров, носившая название Д-6. Рыть её начали ещё до войны: сначала построили станцию "Советская", находившуюся между нынешними станциями метро "Театральная" и "Маяковская", но потом её перепрофилировали в подземный пункт управления Московского штаба ГО. Первая линия Метро-2 возникла в 1947 году как узкоколейка от Кремля до ближней дачи Сталина в Матвеевском.

Метро-2 продолжали строить и при Хрущёве, и при Брежневе, и при Горбачёве. По слухам, строительство продолжается и сегодня. В открытом доступе подробной схемы Метро-2 нет, хотя постоянно делаются попытки её составить. Считается, что вся система находится в ведении ГУСПа. Однако это ведомство может только охранять "альтернативную" подземку, но кто же должен выполнять подземные работы и распоряжаться объектами Метро-2?

В одной крупной строительной фирме Москвы мне посоветовали обратить особое внимание на ОАО "Трансинжстрой", пояснив, что "именно эта структура отвечает за

строительство в Москве от лица спецслужб, кроме того, они строят все подземные объекты, в том числе и Метро-2, поэтому строительство рядом со спецобъектами надо согласовывать с ними". Эта информация появлялась периодически и на диггерских сайтах. Мы не можем утверждать ничего наверняка, но вот любопытные совпадения.

На сайте «метро.ру» упоминается в качестве строителя Метро-2 "какой-то ящик, куда вербуют людей из обычного Метростроя. А живут они... в Одинцове". Между тем именно в Одинцове прописаны многие структуры "Трансинжстрой". Кроме того, на официальном сайте компании "Спецмонтажавтоматика", построившей многие подземные спецобъекты для военных, спецслужб, Минатома и т.п., утверждается, что в 1980 году "трест "Спецмонтажавтоматика" совместно с предприятием 10-А (ныне "Трансинжстрой") приступил к реконструкции и строительству объектов специального назначения". Любопытно, что в культовом романе диггера Владимира Гоника утверждается, что "по всему центру Москвы древние подземелья соседствовали и пересекались с новыми, которые строили особые отряды Метростроя из управления 10-А и госбезопасности".

Всё это говорит о том, что именно "Трансинжстрой" имеет прямое отношение к подземным спецобъектам столицы, и о том, что эта структура включена в список "акционерных обществ, производящих продукцию, имеющую стратегическое значение для обеспечения национальной безопасности государства".

Правда, московской публике компания известна по другому поводу. Гендиректор этой компании Юрий Рахманинов, внучатый племянник композитора, в 1999 году профинансировал установку памятника знаменитому предку на Страстном бульваре. Компания "Трансинжстрой" вообще тяготеет к центру города.

В самом центре, между Дмитровским и Столешниковым переулками, отгородили под автостоянку площадку, представляющую собой неестественную возвышенность. Прямо посреди неё возвышается "вытяжка" метро, но дело в том, что ветка обычной подземки здесь вроде бы не проходит. Со своими сомнениями я обратился к охранникам автостоянки, скучающим в будке, и получил вразумительный ответ: "Здесь, значит, такое метро проходит, по которому ты никогда ездить не будешь". А знатоки столичных подземелий рассказывали мне, что рядом с этой площадкой находился выезд из танкового тоннеля.

Как выяснилось позднее, "Трансинжстрой" имеет к этой автостоянке прямое отношение. В 1996 году, когда был организован конкурс на застройку участка между Дмитровским и Столешниковым переулками, именно "Трансинжстрой" стал его организатором.

Лубянка люкс

Тоннели, бункеры, секретные командные пункты, безымянные здания - это огромное королевство, занимающее тысячи километров подземлей и над ней, досталось России по наследству. Сегодня безраздельному господству спецорганов над секретными объектами приходит конец. Столичные чиновники тайно разрабатывают планы по вытеснению ФСБ из зданий на Большой и Малой Лубянке. На месте чекистов в элитных домах заживут преуспевающие эзков.

При СССР спецобъекты - бункеры, тоннели и "Метро-2" - возводились не только для руководства страны - ЦК и Совета министров, но и для стратегических ведомств - Минобороны, Минсредмаша, Минобщеша и др. Строили эти объекты в основном многочисленные тресты Главспецстроя, Минмонтажспецстроя СССР, за неудоваримыми названиями которых стояли обычные метростроевцы, привычные к работе под охраной людей в форме с голубыми петлицами. За охрану этих объектов отвечало 15-е управление КГБ.

Один из секретных тоннелей в Берлине времён холодной войны

Создание секретных подземелий всегда было делом опасным для самих строителей. Во времена Гитлера от людей, рывших бункеры для фюрера, избавлялись в самых мрачных традициях того времени. Известны примеры, когда отечественные строители сталинских спецобъектов, набранные из эзков, после завершения работ бесследно пропадали. Во времена застоя нравы смягчились и контроль за утечкой тайн осуществлялся проще - всех спецстроителей старались селить в одном месте. Например, тем, что работали на территории столицы, давали квартиры в Одинцово. Кроме этих строителей, у каждого серьезного ведомства имелись свои кадры - например, в Минобороны - это Главное управление строительства.

Завершенные объекты продолжали требовать к себе повышенного внимания: их надо было поддерживать и тщательно охранять. В результате к началу 90-х в стране сформировалась огромная, громоздкая система строительства и охраны спецобъектов, заброшенных по всей стране.

Тем временем средства, выделяемые из бюджета на эти цели, стали стремительно таять. И даже обслуживание построенного и вырытого превратилось в проблему.

Американцы атакуют под землей

Именно тогда и зашла речь о конверсии спецобъектов. Однако словосочетание "государственная тайна" отпугивало бизнесменов, которые могли бы вложить в это деньги. Было не ясно, как использовать какой-нибудь танковый тоннель в центре Москвы и можно ли превратить его в подземный гараж. Пока отечественные предприниматели размышляли, на помощь запуганным гостайной чиновникам пришли американцы.

Одним из самых перспективных рынков в начале 90-х была связь, а самым завидным клиентом - корпоративный. Однако тянуть к каждому офису оптико-волоконный провод из здания оператора через весь город слишком дорого. Поэтому все компании стали подключаться к старой сети МГТС. Качество связи, естественно, было далеко не на высоте.

Американская компания "Эндрю Корпорейшн" придумала протянуть провода через метро, где лишний кабель вдоль стены тоннеля никому не помешает. Кроме того, у этого способа есть еще одно преимущество - повредить кабель, спрятанный в глубине охраняемого метрополитена, непросто. Операция по захвату рынка была проведена молниеносно. Мы не знаем, как именно договаривались американцы с

метрополитеном, который является стратегическим объектом, но в 1992 г. “Эндрю Корпорейшн” создала два совместных предприятия: “Макомнет” с Московским метрополитеном и “Метроком” с Санкт-Петербургским. В следующем году обе сети соединили, создав компанию “Раском”. По нашим данным, провода “Макомнета” сегодня проложены не только по линиям обычного метро, но и по маршрутам сверхсекретного “Метро-2”.

Появление под землей американцев принесло неожиданные заказы приунывшим спецстроителям. Работу по прокладке кабелей для “Макомнета” выполняет компания “Спецмонтажавтоматика” - трест, который с 1975 г. строил объекты для таких ведомств, как Минобороны, Минобщемаш, Минавиапром, и участвовал в строительстве космических стартовых площадок на Байконуре и в Плесецке.

Захватив рынок, “Эндрю Корпорейшн” стала монополистом, а следовательно, могла устанавливать цены исходя только из собственных интересов. Естественно, это раздражало конкурентов. В результате все 90-е годы между московскими операторами и “Макомнетом” велась незримая борьба: СП метрополитена не пускало чужаков под землю - тянуть собственные каналы, а наземные операторы старались не выпускать “Макомнет” на поверхность, не позволяя тянуть сеть на земле. Трудно сказать, кто в результате выиграл эту битву, но в ноябре 2001 г. все совместные предприятия “Эндрю Корпорейшн” в России продали группе “Менатеп”.

Их дальнейшая судьба неизвестна: “Менатеп” до сих пор никак не конкретизировал своих планов в отношении этих компаний.

Властелин бункеров

Но таким образом нельзя решить проблемы всех спецобъектов, а власть требовала снизить расходы на их содержание. В июне 1998 г. правительство приняло постановление “Об утверждении программы экономии государственных расходов”.

В трудном положении оказалось Главное управление спецпрограмм президента (ГУСП). В сферу ответственности этой спецслужбы входят подземные стратегические объекты Москвы: бункеры, подземные пункты командования и так называемое “Метро-2”. Распоряжаясь секретным подземельем, ГУСП контролирует также огромные площади на поверхности.

Программа предписывала ГУСП сократить расходы на 27,7 млн руб. “за счет перевода спецобъектов в режимы ограниченного функционирования и частичной консервации”. Причем заняться коммерцией управлению спецпрограмм не разрешили, в отличие, например, от ФАПСИ, которому позволили продавать услуги правительственной связи. Хотя еще неизвестно, что опаснее - допустить непосвященных в связь властей предрежащих или в их бункеры.

В результате пространство для маневра у ГУСП сильно сократилось. Выход из этой ситуации оказался на поверхности. Ведь, вырыв огромное количество бункеров, их хозяева получили возможность контролировать территории, которые находятся над ними. И организации, пожелавшие строить что-либо рядом с такой спецзоной, обязаны получать разрешение практически на каждый вид работ.

Тогда в Москве придумали хитроумную схему: спецслужба освобождает под строительство часть своей территории и дает разрешение на проведение работ, а взамен получает квартиры в новых жилых домах.

Экскурсии в подземелье

Впервые эту схему опробовали в Самаре. Во время Великой Отечественной город рассматривался как резервная столица. Поэтому в 1942 г. 600 метростроителей построили за девять месяцев подземный командный пункт для Сталина (глубина - 37 м, пять этажей). Факт его существования был предан гласности только в 1990 г. Сегодня

он превращен в музей. Посещение бункера обойдется в 500 руб. за часовую экскурсию - сумма вполне сопоставимая, например, с ценой билета в лондонский Тауэр.

1 сентября 1999 г. подобный музей, наконец, открыли и в столице. В Измайлове, в подземном командном пункте времен Великой Отечественной войны, открылся "Бункер Сталина" - филиал Музея Вооруженных сил. Располагается музей на территории АО "Физкультурно-оздоровительное предприятие (ФОП) "Измайлово". Здесь, под стадионом, еще в 30-е годы XX века был построен запасной командный пункт Верховного главнокомандующего. Сейчас бункер можно посетить по предварительной договоренности. Принимаются заказы для групп не менее чем из 10 человек. Посещение музея с обедом и дегустацией грузинских вин обойдется примерно в 50 долл. с человека.

А в 2002 г. идею подхватили в Саратове. В настоящее время там продолжают раскопки на Соколовой горе. После того как местный корреспондент случайно обнаружил в архиве акт о сдаче специального командного пункта, гору исследовали геологи и выяснили, что в южном склоне на глубине от 2 до 20 м находится железобетонное сооружение площадью до 10 тыс. кв. м. Нашлись и очевидцы строительства, которые рассказали, что стройку курировали Берия и Власик - начальник личной охраны Сталина. В августе 1942 г. бункер был сдан в эксплуатацию, но никогда не использовался по назначению. Когда бункер окончательно откроют, он будет превращен в музей.

УФСБ ПО УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ:

Начальник УФСБ - Леонид Степаненко
Заместитель начальника - Алексей Тронин

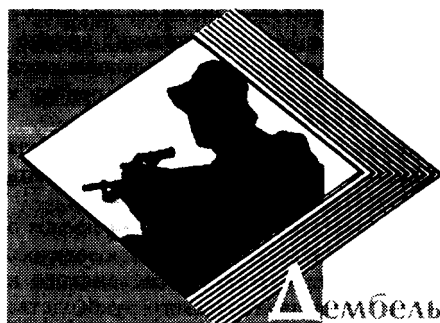
432063 г. Ульяновск, ул. Л.Толстого, д.20
тел. дежурного (8422) 412-330 (круглосуточно)
подразделение общественных связей (8422) 359-375

УПРАВЛЕНИЕ ФСБ РОССИИ ПО УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ:

Телефон: +7(8422) 412-489
Ульяновск г., Льва Толстого ул., д. 20

УПРАВЛЕНИЕ ФСБ РОССИИ ПО УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ, ОТДЕЛ В г.ДИМИТРОВГРАДЕ:

Телефон: +7(84235) 3-26-36
Ульяновская обл., Димитровград г., Мориса Тореза ул., д. 6

**Вводу советских
войск
в Афганистан
посвящено**

**Декабрь
1979 года**

Дембельский альбом

А. Волков

(http://www.ei1918.ru/soviet_union/).

Основная причина афганской войны лежит в идеологической плоскости: после вооруженного захвата власти, в апреле 1978 года, просоветской Народно-Демократической партией Афганистана (НДПА) Советский Союз стал оказывать новому режиму всестороннюю поддержку.

Радикализм нового афганского руководства и насильственные меры, которыми оно пыталось построить «афганский» социализм в феодальном обществе привели к началу гражданской войны. Против НДПА выступила коалиция исламских фундаменталистских организаций, зародившихся еще при монархии в 60-70-е годы.

Ситуация осложнилась расколом НДПА на две фракции: «Парчам» (лидер – Б.Кармаль) и «Хальк» (лидеры – Н.Тараки, Х.Амин). Летом 1978 года Б.Кармаль и другие руководители «Парчам» были отправлены в почетную ссылку послами за границу, откуда они позднее были тайно вывезены КГБ в Советский Союз. Уже к концу 1978 года стало ясно, что НДПА теряет влияние в стране.

В марте 1979 года, во время мятежа в Герате, последовала первая просьба афганского руководства о прямом военном вмешательстве в события в Афганистане, которая было отклонена (всего таких просьб было около 20). Гератский мятеж заставил провести усиление войск у советско-афганской границы. Дальнейшее ухудшение ситуации в Афганистане и особенно события сентября 1979 года (арест и убийство по приказу Х.Амина лидера НДПА Н.Тараки) поставили советское руководство перед необходимостью решить афганскую проблему в самые короткие сроки. В Москве отрицательно отнеслись к смене власти в Кабуле и настороженно смотрели на Х.Амина, зная его амбиции и жестокость в борьбе за достижение личных целей.

Было очевидно, что дальнейшее обострение ситуации в Афганистане приведет к падению кабульского режима и прихода к власти враждебного СССР режима. В этих сложных условиях советское руководство не могло пойти на прямой разрыв с Х.Амином, так как были серьезные опасения, что он может пойти на контакты с США. С учетом этого было решено готовить свержение Х.Амина и найти удобного для Москвы политического лидера. Была сделана ставка на лидера «Парчам» Б.Кармалю, чью кандидатуру поддерживал председатель КГБ Ю.Андропов. Окончательное решение о вводе войск было принято на заседании Политбюро 12 декабря 1979 г., на котором присутствовало 11 членов (Брежнев, Андропов, Устинов, Громыко, Пономарев, Суслов, Гришин, Кириленко, Пельше, Черненко, Тихонов). Было решено ввести в Афганистан два советских батальона.

Туда же, 14 декабря, перебросили батальон 345-го гвардейского отдельного

парашютно-десантного полка, для усиления батальона этого же полка, который с июля 1979 г. охранял на военно-воздушной базе Баграм советские военно-транспортный авиаотряд и эскадрилью 290-го вертолетного полка. Предполагалось использовать эти три батальона, как ударную силу, которая поможет прийти к власти Б. Кармалю в случае успешного покушения на Х. Амина.

Но покушение на Х.Амина 16 декабря не удалось, он остался жив и Б.Кармалю срочно вывезли из страны в Союз. Из-за срыва этой операции было решено устранить Амина уже после ввода советских войск в Афганистан.

А в это время, уже с 10 декабря (еще до принятия окончательного решения о вводе на заседании Политбюро), по личному приказанию Д. Устинова, проводилось развертывание и отмобилизация частей и соединений Туркестанского и Среднеазиатского военных округов. Все указания политического руководства доводились до Министерства обороны устно, через министра.

К вечеру 23 декабря, в Москву было доложено о готовности войск к вводу. На следующий день министр обороны Д. Устинов провел совещание с руководящим составом Министерства Обороны, где объявил о принятом решении ввести войска в Афганистан и подписал директиву № 312/12/001 на ввод.

В ней туманно говорилось: «Принято решение о вводе некоторых контингентов советских войск, дислоцированных в южных районах нашей страны, на территорию ДРА в целях оказания помощи дружественному афганскому народу, а также создание благоприятных условий для воспреещения возможных антиафганских акций со стороны сопредельных государств». В это время, «мусульманский батальон» (командир майор Х. Халбаев), переброшенный еще 20 декабря из Баграма в Кабул, разместился около аминовского дворца Тадж-Бек и вошел в бригаду охраны, что существенно облегчило подготовку к штурму дворца. Кроме батальона, к штурму готовились и 2 спецгруппы КГБ, прибывшие из Союза в середине декабря. Время перехода государственной границы между СССР и Афганистаном, было установлено в 15.00 московского времени (17.00 кабульского) 27 декабря 1979 года. Но еще в 10.00 27 декабря, по наведенному понтонному мосту через Амударью, переправился батальон 56-й ДШБр с задачей захватить высокогорный перевал «Саланг» на дороге Термез-Кабул и обеспечить проход к столице Афганистана. В 13.00 начала переправу 108-я МСД (командир генерал-майор К. Кузьмин, через несколько дней смененный полковником В. Мироновым), развернутая в Термезе. В арьергарде дивизии шел батальон 191-го мотострелкового полка 201-й МСД.

Воздушную границу Афганистана пересекли самолеты ВТА с личным составом и боевой техникой 103-й ВДД (командир полковник И. Рябенко) и 345-го ОПДП (командир подполковник Н. Сердюков). Всего в Кабул и Баграм, по воздуху, было переброшено 7700 человек личного состава, 894 единицы боевой техники и 1062 тонны различных грузов. Штаб армии, 5-я МСД, 56-я ДШБр, 860-й ОМСП, артбригада, зенитно-ракетная бригада, авиация, части усиления и обеспечения оставались на территории Советского Союза.

В Кабуле части 103-й ВДД (за исключением одного полка), к полудню 27 декабря, закончили десантирование посадочным способом и взяли под свой контроль столичный аэропорт, блокировав афганскую авиацию и батареи ПВО. Согласно плану, части дивизии сосредоточились в назначенных районах Кабула.

Над Баграмской базой ВВС, после стычки с афганскими военнослужащими, установили контроль 357-й парашютно-десантный полк 103-й ВДД и 345-й ОПДП, которые кроме этого, обеспечивали охрану Б.Кармалю, вновь привезенному с группой ближайших сторонников в Афганистан 23 декабря. Из состава ВВС в Баграм перелетела

эскадрилья 115-го ИАП, остальная авиация совершала полеты с аэродромов, находящихся на территории Туркестанского ВО.

Операция по свержению Х. Амина получила название «Шторм-333». Вечером 27 декабря «мусульманский батальон» (усиленный десантной ротой 345-го полка) и спецгруппы КГБ «Гром» и «Зенит» взяли штурмом дворец Амина на окраине Кабула. Во время штурма ХАмин был убит.

В столице Афганистана действовали 317-й и 350-й ПДП 103-й ВДД, захватившие здания ЦК НДПА, МО, МВД, Министерство связи, Главный штаб ВВС, ТВ и радиостанции, другие государственные учреждения, афганские части, дислоцируемые в Кабуле, были блокированы (в некоторых местах пришлось подавлять вооруженное сопротивление). Вместе с десантниками эти задачи выполняли офицеры спецназа КГБ.

Общее руководство операцией «Шторм-333» осуществляли генерал-лейтенант КГБ В. Кирпиченко - заместитель начальника внешней разведки и генерал-лейтенант Н. Гуськов - начальник оперативной группы Штаба ВДВ, прибывшей в Афганистан 23 декабря. Штурмом дворца Амина Тадж-Бек руководили полковники В. Колесник и Г. Бояринов, погибший во время операции (от ГРУ и КГБ соответственно). В ночь с 27 на 28 декабря в Кабул из Баграма под охраной сотрудников КГБ и десантников прибыл новый афганский лидер Б. Кармаль. Радио Кабула из Ташкента передало обращение нового правителя к афганскому народу, где был провозглашен второй этап «революции».

В эту же ночь в Афганистан из Кушки вошла 5-я МСД (командир генерал-майор Ю.Шаталин) по маршруту Герат - Шинданд. Утром 28 декабря части 108-й МСД (кроме двух МСП) вышли к Кабулу и полностью блокировали столицу Афганистана.

Во время ввода советских войск в Афганистан погибло около 60 человек (точное число погибших неизвестно): около 50 десантников 103-й дивизии разбилось при падении самолета Ил-76 в окрестностях Кабула, на марше 108-й МСД, при падении в пропасть бронемашин, погибло около 10 человек.

При проведении операции «Шторм-333» погибло 6 человек из «мусульманского батальона», 9 десантников и 5 офицеров спецназа КГБ.

9 января была проведена первая в Афганистане боевая операция: батальон 186-го МСП, 108-й МСД подавил мятеж афганского артополка, потеряв 2 человека убитыми. Тогда же появилась директива министерства обороны Д. Устинова о планировании и начале боевых действий – рейдов против отрядов мятежников в северных районах Афганистана, прилегающих к советской границе. Начались такие рейды в первой половине февраля 1980 года. В феврале были введены новые части. К марту 40-я ОА была полностью сформирована: в ее состав входило 4 МСД и 1 ВДД, ДШБр, ОМСБр (в апреле сформирована вторая), ОПДП, ОМСП (с апреля – два), ИСП, ОПС, РеАП. Общая численность советских войск в Афганистане составляла 81,1 тысяч военнослужащих, в том числе 61,8 тысяч в боевых частях. На вооружение находилось около 3 тыс. единиц бронетехники и около 900 орудий и минометов. Оценивая ввод советских войск в Афганистан с военной точки зрения (не давая политической оценки), нельзя не отметить, что ввод, в целом, был хорошо спланирован и подготовлен, несмотря на ряд сложностей в комплектовании соединений и частей приписным составом. Успешные действия частей 103-й ВДД в Кабуле были обусловлены тем, что командный состав десантников в звене батальон-полк, в октябре 1979 года, провели скрытую рекогносцировку государственных и военных объектов в афганской столице, захват которых они осуществили в операцию «Шторм-333».

Хорошо проявили себя подразделения спецназа ГРУ и ГКБ, получившие в Афганистане первое боевое крещение: при штурме дворца Тадж-Бек, действуя против охраны, превышающей втрое силы атакующих, они сумели подавить сопротивление противника и захватить дворец при минимальных потерях.

Ввод советских войск в Афганистан

Первой реакцией советского руководства была отправка нескольких тысяч военных советников в Афганистан. Одновременно Тараки было предложено убрать Амина, которого советское руководство не без оснований подозревало в связях с ЦРУ. Но Амин реагировал быстрее. 14 сентября 1979г. он штурмовал президентский дворец. Тараки был тяжело ранен и умер 17 сентября. Начались приготовления к советскому вторжению в Афганистан. Расположенные в среднеазиатских республиках дивизии были пополнены и усилены, в основном узбеками и туркменами. В то же время советское руководство пыталось убедить Амина ко дню вступления советских войск уступить власть Бабраку Кармалю, однако Амин категорически этому воспротивился.

Советское вторжение было проведено по образцу вторжения в Чехословакию в 1968г. Первыми высадились 24 декабря 1979г. на аэродроме Баграм, в 50 км к северу от Кабула, части 105-ой гвардейской воздушно-десантной дивизии. Одновременно советские «советники» нейтрализовали афганские части: под предлогом замены вооружения были приведены в небоеспособное состояние афганские танки, блокированы линии связи, а руководящий состав афганской армии собран на праздник с сопровождающим его застольем. 25 и 26 декабря вся 105-я дивизия прибыла в Баграм при помощи транспортных самолетов Ил-76, Ан-2, и Ан-2.

Критическим днем было 27 декабря 1979г. В то время, как части высадившейся 105-й дивизии въезжали на своих БМД в Кабул и занимали узловые стратегические точки, другие части окружили дворец Даруломан южнее Кабула. За несколько дней до этого генерал-лейтенант Папутин, находившийся в Афганистане, под предлогом безопасности посоветовал Амину переехать туда. Папутин пытался уговорить Амина официально обратиться к СССР за военной помощью на основании заключенного в декабре 1978г. договора и подать в отставку в пользу Кармала. Амин воспротивился этому. После этого «Альфа» штурмовала дворец и убила Амина. Одновременно с высадкой 105-й воздушно-десантной дивизии в Афганистан вступили через Кушку и через другие пограничные пункты 357-я и 66-я мотострелковые дивизии. Они заняли Герат и Фарах на западе. В то же время 360-я и 201-я мотострелковые дивизии, выступив через Термез, переправились через Амударью и продвигались в сторону Кабула. Танки этих дивизий перевозились на седельных тягачах. В феврале 1980г. контингент советских войск в Афганистане достиг 58.000 человек, а в середине 1980г. в Афганистан были введены дополнительно 16-ая и 54-ая мотострелковые дивизии. Кроме того, на севере Афганистана была создана 100-километровая зона безопасности вдоль советско-афганской границы, где выполняли свои задачи мотоманевренные и десантно-штурмовые группы (ММГ и ДШМГ) погранвойск КГБ СССР. В 1981г. 357-я дивизия была заменена 346-й дивизией и дополнительно была введена в Афганистан 5-я мотострелковая дивизия. В 1984г. число советских войск в Афганистане достигло 135.000 – 150.000 человек. Кроме того, в азиатских республиках стояли еще 40.000 солдат, предназначенных для специальных операций в Афганистане или для обеспечения тыловых задач.

Командование 40-й советской армии, оперировавшей в Афганистане, находилось долгое время вблизи авиабазы Баграм, в 50 км к северу от Кабула. В 1983г. командный пункт был переведен в окрестности Кабула, а в 1984г., из-за угрозы обстрела и нападения, - к советской границе и в Термез. Семь советских мотострелковых дивизий располагались вдоль важной кольцевой афганской дороги и на дороге к перевалу Кибер. 105-я гвардейская воздушно-десантная дивизия находилась в районе Баграма – Кабула. Одна из пяти воздушно – десантных бригад, входящих в эту дивизию, была размещена в Джелалабаде.

Записка о вводе советских войск в Афганистан

В 1979 г. руководство СССР приняло решение об отправке в Афганистан «ограниченного контингента» советских войск. Ниже приведен документ, авторы которого - государственные и партийные лидеры страны пытались «обосновать» необходимость этого решения. Полная подборка документов из архивов ЦК КПСС по данному вопросу опубликована в газете «Труд» за 23 июня 1992 г.

«23 июня 1979 г.

Обстановка в Демократической Республике Афганистан (ДРА) продолжает осложняться. Действия мятежных племен приобретают более широкий и организованный характер. Реакционное духовенство усиливает антиправительственную и антисоветскую агитацию, широко проповедуя при этом идею создания в ДРА «свободной исламской республики» по подобию иранской.

Трудности становления ДРА имеют во многом объективный характер. Они связаны с экономической отсталостью, малочисленностью рабочего класса, слабостью Народно-демократической партии Афганистана (НДПА). Эти трудности усугубляются, однако, и субъективными причинами: в партии и государстве отсутствует коллективное руководство, вся власть фактически сосредоточена в руках Н.М. Тараки и Х.Амина, которые нередко допускают ошибки и нарушения законности; в стране отсутствует Народный фронт, до сих пор не созданы местные органы революционной власти. Рекомендации наших советников по этим вопросам афганским руководством практически не реализуются.

<...>

В связи с изложенным МИД СССР, КГБ СССР, Министерство обороны и Международный отдел ЦК КПСС считают целесообразным:

1. Направить от имени Политбюро ЦК КПСС письмо Политбюро ЦК НДПА, в котором в товарищеской форме откровенно выразить озабоченность и беспокойство советского руководства в связи с реальной опасностью потери завоеваний Апрельской революции и высказать рекомендации по усилению борьбы с контрреволюцией и укреплению народной власти. <...>

4. Для обеспечения охраны и обороны самолетов советской эскадрильи на аэродроме «Баграм» направить в ДРА, при согласии Афганской стороны, парашютно-десантный батальон в униформе (комбинезоны) под видом авиационного технического состава. Для охраны совпосольства направить в Кабул спецотряд КГБ СССР (126-150 чел.) под видом обслуживающего персонала посольства. В начале августа с.г., после завершения подготовки, направить в ДРА (аэродром «Баграм») спецотряд ГРУ Генерального штаба с целью использования в случае резкого обострения обстановки для охраны и обороны особо важных правительственных объектов.

Просим рассмотреть.»

Авторами «Записки» являлись министр иностранных дел СССР А.А. Громыко, председатель Комитета Государственной безопасности СССР Ю.В. Андропов, министр обороны СССР Д.Ф. Устинов и руководитель Международного отдела ЦК КПСС Б.Н. Пономарев.

Опубликовано в INTERNET: 2002, май.

**Наши земляки -
ветераны афганской войны,
первыми вошедшие в ДРА в 1979-80 годах**

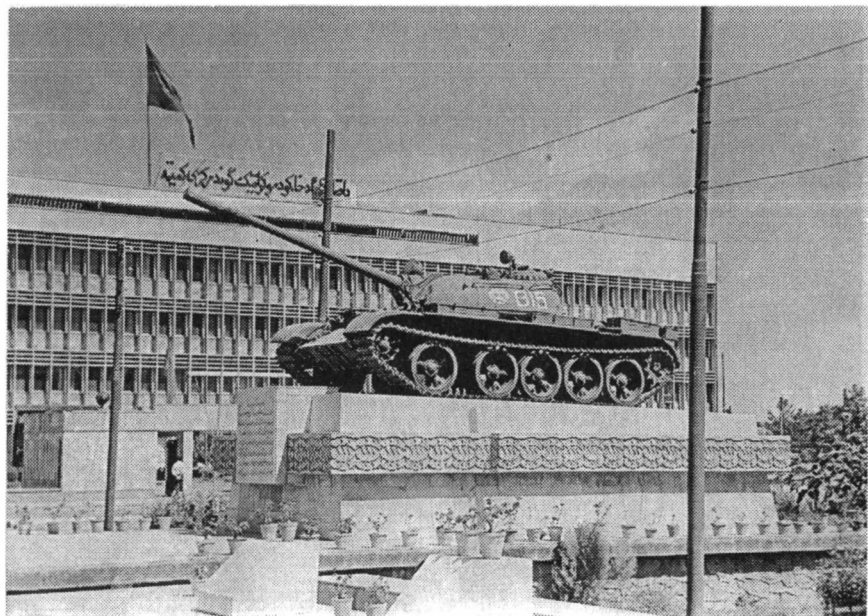
1. Аглиуллов Ренат Валиахметович
2. Батраков Николай Анатольевич
3. Горшков Игорь Валентинович
4. Елагин Сергей Сергеевич
5. Зотов Александр Михайлович
6. Зубков Виталий Владимирович
7. Курбанов Алексей Азизович
8. Николаев Николай Николаевич
9. Пришедько Андрей Анатольевич
10. Садыков Шакир Халилович
11. Селиверстов Николай Викторович
12. Фартусов Сергей Петрович
13. Малышев Сергей Владимирович
14. Цимбалюк Николай Петрович
15. Шайтанов Владимир Викторович

**Из фотоархива
воина-интернационалиста Николая Николаева,
который в составе первых частей Советской
Армии вошел в Афганистан**

*Таким был автор снимков,
когда по тревоге их
десантировали в Афганистан
в составе 357-го
гвардейского парашютно-
десантного полка (разведроты).
Комполка - гв.подполковник
К.Литовчик*

*Памятник Апрельской
революции, Кабул,
правительственная площадь,
1980г.*

Первый бой под Кабулом. Советский десант - в деле!

*Кабульский дукан, где можно было приобрести
невиданные доселе витамины - фрукты и овощи, чем и
воспользовались наши воины-интернационалисты*

Валерий ГОРДЕЕВ

Беспокойся, сердце!

Поэма

ВСТУПЛЕНИЕ

Ташкент пылал осеннею листвою,
вода лениво вдоль домов журчала...
Фрагмент из передачи не простой
с участниками встреч на фестивале:
сквозь сигаретный дым
беседовал ведущий
и балагурил с нами вездесущий,
тогда живой еще,
Чернов – пройдоха-парень,
и вот, когда в студийной тишине,
я шелестел стихами предэфирно, -
мне в ухо прошептала вдруг Марина,
жена Чернова,
что-то о судьбе...
И лишь потом, волнение пересилив,
и звон стихов, и надписей гипноз,
я, запоздало, повторил вопрос:
-Ты что-то о судьбе меня спросила?
Марина повторила все сначала.
И я узнал историю одну:
как прорывался голос, сквозь беду,
как студия – набатом прозвучала...
Бабрак Кармаль над микрофоном гнулся,
соединяя лопнувший эфир,
ведущая из Ташкента на весь мир:
-... народ... свобода... правда... хлеб и мир...
Он был уверен – в дом еще вернется.
Надтреснутый, гортанный говор,
время –
в эфире не стирает.
И стихи,
как революция беспомощной строки,
и – приобщение к подступившей теме.
Ташкент. Декабрь.
В студийной тишине...
В который раз соприкоснулся тесно
душою – с миром, где конкретно место:
АФГАНИСТАН, пылающий в огне!

1. Я НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ

Правды всей не зная, говорить,
трудно и не правильно порою.
Но молчать я тоже не могу!
Чувства, чувства, - в вечном вы долгу
перед миром, пред людьми, собою...
Я не знаю: что же говорить?
И молчать об этом я не смею!
Пусть слова нелепые немеют –
в них микроны правды будут жить.
Как в строю:
кого судьба отметит, -
шаг вперед!
Уходит...
Взмах рукой...
А в прорехах строя – непокой,
как вина, всю жизнь тебе заметен.
Дремлет город южный, но в полглаза,
простучит тревогой эшелон,
ревом отзовется небосклон...
Собран чемодан.
Лишь ждешь приказа...
А в неясной тьме перед рассветом,
у холмов песчаных, за рекой,
поднимает полк, взмахнув рукой,
замполит Джаббаров.
Свет ракеты:
бледен силуэт его и зол,
словно фотоблик, неясен свет...
Салютуют тысячи ракет тем,
кто до победы не дошел!
Через эту нищету и долю,
этот гордый край, как перевал,
пульс планеты дробно застучал,
откликаясь чувственно на боли.
Революция не знает середины.
Мир расколот ровно пополам.
Мы – рабы.
Свобода – наш «там-там».
Он в сердцах стучит непобедимо!
Алой кровью наш напитан стяг, -
алою – не черной... голубой...
Все цвета нависли над тобой, -
под каким - явится снова враг?

Сколько б их не поднималось гордо,
белых, полосатых, изумрудных, -
суть одна,
ее познать не трудно:
это – тьма борьбы АНТИНАРОДНОЙ.

2. НА МАРШЕ

Как лабиринты тени от деревьев:
ни всплеска в листьях,
полдень и жара...
Термометр – вопросом недоверья
Вкрутую сварен с самого утра.
А нам – идти.
Ворчат, пустея фляги.
А нам идти – маршрут – на солнцепек!
Панамы тяжелеют с каждым шагом
и, сердце бьет, как спущенный боек.
Дорога разлинована лучами,
черствеет в вещмешках сухой паек,
сторевшими ветвями за плечами
стволы чернеют.
Морщится сапог...
Но – нам идти.
Нас движет марш-бросок.
Пугливо пыль за нами оседает.
И, на зубах стреляющий песок,
уже не страшен.
Пусть себе стреляет!
За горизонтом полдень не укрыть, -
оттуда ночь уже глядит раскосо.
Сегодня мы должны и жить, и быть, -
нам разрешать конфликтные вопросы!

«Не провожали жены нас,
и вещмешков не собирали.
Мы никому не обещали
вернуться в неурочный час.
Их – просто не было, родимых,
все встречи были впереди
и этот марш необходим
был, словно, веха на пути.
Чтобы потом, в рассвет вступая,
поведать женщине о том,
где мы однажды побывали,
о ком тогда в пути мечтали,
и – просто думали о ком...

Не провожали жены нас,
но с верой девушки глядели.
Неправда, - все же мы хотели –
вернутся в неурочный час...»

Так писал о наших одногодках,
о ребятах нашего призыва.
Да, о тех, кто смертью смерть поправ,
и сегодня живы.
Живы!
Живы, -
весь, до точки, выполнив Устав.
Нашим детям –
сбор – на призывные!
Вновь поет тревогою труба.
Стриженные,
голые,
родные...
В них – любовь и жалость, и – судьба.
И, себя увидев в их шеренге,
неуютность, чувствуя сапог,
словно, прохожу я повторенье
мужества жестокого урок.
Ночь.
Не спится, словно за стеною,
свет пустыни, горькая трава
и, в шакальем, как в душманском вое,
слышатся гортанные слова...
Зло – тряпицей шелковой трепещет,
зелень – темным идолом в ночи,
памятка солдатская – разведчик, -
сдержанности вещей научи!
Но сдержаться нет мне больше мочи!
Мужеству научит Демаков:
в чьих руках до сей поры грохочет
взрыв, рванувший и тела врагов!
Замполит!
Мальчишка!
Сотоварищ...
Не сберег себя, спасая взвод...
Пискает «транзистор» вызывающе,
словно, позывных из боя ждет.
Шорников, -
в училищном музее
голос твой звучит издалека.
Лишь немеет сердце, вздох немеет,
как рука...
граната...и – чека.

«...если, что, - вас с дочкой не оставят...
Ты пойми, - иначе не могу!...».
Это строки из письма в деревню,
к Тане,
сквозь пустыни, горы и тайгу!

«Зовите меня, зовите,
не прекращайте звать!
Любите меня, любите,
не забывайте ждать!
Гадайте! Опять гадайте, -
карты не могут врать!
Если живой, - откликнусь.
Раненый – отзовусь.
Даже, если погибну, -
то все равно вернусь!
Цветите, сады, цветите,
не уставайте цвести!
Яблоки, люди, рвите, -
в них я, наверно, есть.
Вот – и дошел до дома...
Тише, не надо звать!
Слышите, - ветер стонет?
Значит, - пора встречать!
Значит, - я снова с вами!
...Что же ты плачешь, мама?!»

3. КАЖДОМУ – СВОЙ ЧАС

Голова – к голове.
Граната в руке...
А под ними – планшетка штабная...
Документов не сжечь,
патрон не сберечь,
И душманы уже окружают...
Ночь и горы – в огне,
бой при ясной луне,
прорываться пора,
вот – уже командир позывает:
-Ползи, сынок, ко мне!
Всхлип мальчишки негромок,
но – ясен –
первогодок,
не вышел хребтом,
осознать этот бой,
как несчастье,
вряд ли сможет он в жизни потом...

Документов не сжечь
и патрон не сберечь,
а душманы – от гор отсекают!
Да, увидятся мне:
бэтээр при луне,
и планшетка,
что их подрывает!
Я услышу, меня подзывают:
-Ползи, сынок, ко мне!
Трассы искрами камень щербатят
и рассвет пока – за перевалом...
«Старичок», в тебе
мужества хватает,
чтобы вырвать чеку, -
до кинжалов...
Опыт – весь в седине,
что блестит при луне.
Его правда, как люд наш, -
простая.
И... качает купе,
в коем прапорщик сонно зевает.
Я – доверюсь ему
и его седине,
как грядущей судьбе, -
что все также – чеку вырывает.
Я прислушаюсь снова
вот, - кажется мне,
что меня он к себе подзывает:
-Пора!
Но... подмога теперь успевает.

В магазине, в очереди жидкой,
что меня всосала в сытом раже,
парню у прилавка вдруг сказал я:
-Встаньте в «хвост», сейчас черед не ваш!
И, добавил зло, ему в обиду:
-Что ты лезешь, деньги протянув?
С той войны, наверно, инвалидом,
в сорок пятом ты вернулся, друг...
Не ответив на мои «уколы»,
он, крутым плечом тесня людей,
к продавцу тянулся через головы,
и на всех, затравленно глядел.
-Совесь потерян ты, видно, где-то, -
все пытался урезонить я.
-Не давать без очереди этому! –
колыхалась жадная толпа.

Побледнев лицом, в загаре – черным,
он шагнул навстречу из толпы,
и из куртки, с треском что-то дернув,
темной книжки развернул листы:

-Я, пенсионер!

Читайте! Нате!

Инвалид войны! Имею право...

И – шагнул, сквозь пиджаки и платья,
захромав ногой-протезом, правой...

Он меня дождался у витрины,
прохрипел, кусая губы в кровь:

-Шел ли ты, когда ни будь на мины,
после взрыва ты рождался вновь?

Хоронил ребят на перевалах,
влагу с камня слизывал когда?

Мой обрубок завещал мне право
первым быть среди толпы всегда!

...Скрип протеза об асфальт тревожил,
падали бессвязные слова...

Ты прости, солдат, меня

быть может, -

это наша общая вина.

Мы теснимся в сутолоке буден,

забываем, что на свете есть,

если нет, - то значит, завтра будет,

вылита, зловещая, как месть, -

эта пуля – каждому из нас,

каждому – пучок нейтронной смерти,

каждому – отмеренный свой час!

Но, поверьте!

Я прошу, - поверьте!

На себя тот выстрел принимая,

закрывая жизнь мою собой,

на войне солдаты умирают,

за меня вступающие в бой!

Скрип протеза чудится мне ныне

и, слабеет культею нога, -

парень, парень!

В пластиковой мине -

наша вместе впаена судьба!

Я, кусая губы омертвело,

сквозь толпу беспamięтно иду,

я – казнюсь!

Но разве в этом дело?

Мы себя забыли,

как в бреду!

Всколыхните трассы над горами

все забвенье. Каждого из нас.
На пороге дня Афганистан –
предостережением потряс!
Знаем мы:
прочнее разум злобы,
но, агонизирующий класс
все пытается нашу волю, пробует
с перевалов в пропасть сбросить нас!
Нас корежит и калечит время,
да, - у века память коротка, –
но из нашей сытости и лени
вырви нас, Тревога
и - Строка!

4. ВО ИМЯ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ

Веру -
в нас знамена воспитали,
вольный ветер,
всполох Октября,
значит, наши жизни отдавали
мы, во имя Завтраго,
не зря!
Бой неравный –
в сопках... у дувалов...
Принимали, как последний бой.
Покидая землю, сознавали:
закрываем Родину
собой!
Кто – в атаке,
кто – на поле минном...
Пал майор Дигаев
за рулем –
пулею шальной
спешит его машина, -
в Вечность весть,
везущая о нем...
Одногодки все мы,
братья, дети,
всех судьба свела
на край земной.
И «афганец», -
знойный, пыльный ветер,
нас пугает мнимой грозой.
Но уже история вселяет
гены непокорства
в наши души!

Пусть пока
нам памятник не ставят,
мы его
у Времени
заслужим!
Долг отважных,
правых,
добрых,
сильных, -
нам велит.
Свободу в нас внесет.
Жизнь – арык,
иссохший древней
пылью,
мы – поток.
Сметающий поток!
Мы –
ростки сквозь каменистость
вражью,
звезды,
свет
и – чистота небес.
Живы мы!
Но, в нашем взрыве
каждом,
скрюченный осколок Правды
есть.

Да, серости, бесправия границы,
в примерах наших
разойдутся швы...
Упал солдат, -
стремится в небо
птица, -
в ее полете
воплотились мы!

В декабре 1995 года российские войска впервые вошли в Грозный

Честь имею!

Дмитрий Шадышков числит себя димитровградцем.

Здесь живут его родители, брат, жена, здесь родилась его дочь – Кирочка. Да и сам он родился здесь. Хотя, после этого факта его рождения, судьба их семьи, как и всех семей военнослужащих, была зело изменчива. Отец Дмитрия – военнослужащий, потому они жили то в Нестерове, то в Рузе, то в Подольске, где Дима окончил среднюю школу.

Вопроса о том, где ему учиться или работать, тогда не стояло. Он представлял себя только военным. Правда, в Сызранское военно-вертолетное училище поступить не смог. «Значит не судьба, - решил Дмитрий, - летать не придется»... Не прошел по конкурсу и в Пермское военное авто-техническое училище. А это – уже карма. Сегодня сам Дмитрий, совсем не признающий мистики боевой офицер, все-таки все дальнейшее считает каким-то предопределением судьбы.

Неудачливого абитуриента призвали на срочную службу. Причем, не в обычные войска Российской армии, а во Внутренние войска – спецподразделения.

Служба в конвойных отрядах – это тоже спецподготовка. Тогда впервые солдат Шадышков побывал в Чечне, где было много осужденных мародеров, дезертиров, убийц, грабителей, которых нужно было сопровождать на «отсидку» в лагерь...

По окончании основного срока службы Дмитрий решил остаться в ВВ, продолжить службу по контракту. Из него стали готовить классного специалиста по выполнению особых задач. Так, став классным специалистом, (пройдя спецкурсы в Точках лагерях, в дивизии, готовящей миротворцев, затем в московской «дзержинке»), он стал снайпером в элитных подразделениях ВВ, которые «работали» в Чечне.

От рядового – дошел до старшинского звания. Сколько «духов завалил» за этот период Дмитрий не рассказывает – информация секретна.

Заметив удачливого старшину, командование решает отправить его с «передка» в тыл – на учебу в Пермский военный институт Внутренних войск. Оттуда, в массе своей, выходят спецы для ГУИНа, а вот Шадышков, получив по окончании звание младшего лейтенанта в 2002 году, - вновь был направлен в Чечню.

Он возглавил теперь подразделение - взвод оперативной разведки в одной из комендатур в Грозном. Задачи перед его взводом стояли все те же: организация поиска баз боевиков, установление адресов, где им оказывают помощь, участие в зачистках, засадах, помощь группам на блокпостах...

Служба в «горячей точке», конечно, опасна. Но и престижна, с точки зрения набора боевого и оперативного опыта для офицеров из частей специального назначения. Потому Дмитрий Павлович уже в 2003-м году получает звание лейтенанта, 2004-м – старшего лейтенанта, 2006-м – капитана. А такой «перескок» через все сроки говорит только об одном: наш земляк выполнял особо важные задания и всегда успешно. За эти годы в его группе разведчиков не было никаких людских потерь!

Теперь Дмитрий уже не просто снайпер или разведчик – он занимает должность офицера по планированию и исполнению спецопераций. Конечно, даже простая работа на территории «всегда вероятного противника» опасна. А вот Шадышкову, за семь лет службы в условиях постоянной боевой готовности, пришлось немало чего повидать...

-Знаешь, - откровенничает он, - иногда думалось: ну, зачем мне все это! Казарма, грязь, оторванность от дома, близких, каждодневные переживания за ребятишек в твоём взводе, которых ждет живыми родня, неустроенность бытовая, выходы по наводке, схватки с «чехами» в горах, - это же не наша родина! А мы здесь – кровь льем за идиотские горы, долины... Тошно становится. Ну, - я офицер, выбрал эту стезю сознательно, а ребятишек-то за что гробить?..

И мне кажется – что он браврирует. Хотя, если помнить, что в Чечне каждый день гибнут ребятишки-срочники, отчаянье Димы Шадышкова – это страшный и зловещий «всхлип» всех наших отцов-командиров, остающихся на «передке» чеченском или ингушском.

В 2006-м майор Д.П.Шадышков уже возглавил отделение разведки в комендатуре одного из районов города Грозного. Причем, самого «промыслового», - где промышляли нефтедобычей все кому не лень. Но на

“территории майора Шадышкова” все эти подпольные НПЗ больше работать не будут... Шадышков — начальник разведки комендатуры Старопромысловского района, наконец, получает назначение в центральные органы — в спецподразделения охраны гособъектов в Москве.

- Из службы в Чечне, я вынес оптимистические настроения, - говорит майор, - мне, например, понравилось, когда, резидент Чечни Кадыров, приехал лично принимать проспект имени Путина, а там не все было сделано как по проекту, он ПРИКАЗАЛ за сутки исправить недоделки — так и было сделано! Или — когда сдавали срочно музыкально-концертный зал: Кадыров лично принимал это сооружение, и сказал, - чтобы завтра все отвечало стандартам! Все было сделано в срок!

Сегодня снайпер и разведчик Д.П.Шадышков, «работавший» в Бамуте и Грозном, боровшийся против исламизации народов Кавказа, имеющий награды (две медали «За отличие в службе» и « За воинскую доблесть»), переведен на престижную должность в Москву, где вновь будет заниматься работой по охране гособъектов. А должность его по-прежнему остается секретной и особо государственной — начальник разведки полка особого назначения...

Выезд на спецмероприятие. Грозный, 2004 г.

*Подрыв «Урала» Орловского
ОМОНа. Черноречье, 2006 г.*

*Сапер разведгруппы Андрей по прозвищу «Актёр» на
«самопальном» нефтеперегонном заводе. 2006 г.*

Развалины завода им. Ленина. Грозный, 2006 г.

*Разведотделение комендатуры.
Командир – лейтенант Дмитрий
Шадышков.*

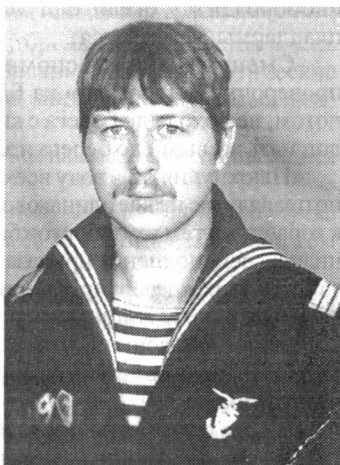
*Шадышков с невестой - ефрейтором Ксенией - на стрельбах.
Сентябрь 2006 г.*

А вот и свадьба - 9 декабря 2006 г.

**27 ноября -
День морской пехоты**

Морпех Владимир Елизаров

Когда Володя оканчивал 4-ю школу и собирался поступать в машиностроительный техникум, он хорошо осознал, что после ему все равно придется «отдавать долг Родине» - служить в Советской армии. Но и не предполагал, что придется делать это так далеко от дома, пробыть на службе на год больше своих сверстников да еще в специальных частях...

Военный городок на мысе Диомид, вдающемся в Тихий океан, конечно, был не самый «райский» уголок на Дальнем Востоке.

Но именно здесь располагался специальный батальон войскового обеспечения Дальневосточной бригады морской пехоты, куда и доставили призывников из Ульяновской области. Отбирали их на призывных пунктах особенно тщательно – шли-то ребята в элитные войска. Прежде всего, проходили самую придирчивую медкомиссию, затем отсеяли тех, кто не умел или плохо плавал (хотя, ребята же были волжанами!), проверили – кто и какими видами спорта занимался до призыва, поощрялось среднее специальное образование, особенно техническое. Потому все прошедшие военкоматовские испытания гордились тем, что они были «самые из самых»...

Особенно тягостно было нам первые полгода, - вспоминает Владимир Елизаров. – Приодели-то нас знатно: в тельняшки, «форменки», выдали укороченные сапожки, куртки-«голландки», черные береты – ну, все – морпехи да и только! Но в казарме старшины и «деды» быстренько и на «пальцах» объяснили, что мы для них только необученный материал, «караси», из которых им придется жестоко, но справедливо готовить войсковую и морскую элиту...

И пошло, как положено: гимнастика, многокилометровые кроссы, спецподготовка, плавание, стрельбы, изучение уставов и матчасти, оружия...

«Караси» издали завидовали своим сверстникам, служившим напротив, – на острове Русском или на больших кораблях, стоявших в гавани, - казалось, там-то не служба, а мед!

Хотя, когда втянулись в воинскую работу, оказалось, что и у морпехов есть свои преимущества, особенно в спецбатальоне. Здесь воины не только несли караульную службу в своем городке, их наряды направлялись на охрану складов вооружения, но «престижнее» всего и выгоднее, было охранять склады продовольствия или вещевые, - всегда можно что-то полезное или вкусное раздобыть...

Кроме того, им завидовали соседи, не вылезавшие из своих учебных центров, - бойцы из спецбатальона часто ездили в командировки, сопровождая грузы или сослуживцев, и не только по Приморскому краю - по всей стране.

Владимир Александрович на мой вопрос о том, приходилось ли ему «побороздить» океан или десантироваться с корабля, захватывать с боя плацдармы, усмехается:

- Смешно сейчас вспоминать, но однажды нам устроили морскую проверочку. «Покатали» на БДК (большом десантном корабле) по океану, а потом, не доходя до берега с километр, вывалили «карасей» за борт. Приказ – доплыть живыми до берега и захватить там плацдарм!

«Плюхнули»-то в воду всех, причем в полной амуниции и со снаряжением, но плавали же не все одинаково хорошо... Некоторые, испугавшись, повернули к кораблю, а там их от бортов баграми и веслами по настоящему топить начали, иначе – неисполнение приказа! Пришлось нам, кто на воде держался здорово, тащить этих «дезертиров» и всех выдохшихся тянуть чуть ли не на себе. В «бой» на берегу вошли все до одного. А когда вернулись в часть, «дедушки» популярно объяснили, что главный закон морпехов – выживают ВСЕ или НИКТО! Такая вот взаимовыручка была в бригаде. Этому нас быстро научили на практике...

Как раз в тот год на Востоке началась «невнятная» война между Китаем и только что одолевшим американцев Вьетнамом. Вьетнамское руководство расширяло сферу своего влияния в Юго-Восточной Азии и особенно в Камбодже, где был установлен псевдокоммунистический режим китайским ставленником Пол Потом. Жесточайший казарменный коммунизм, массовые и кровавые расправы с не согласными, нищета, опустошение городов от людей, коммуны за колючей проволокой, - все это, как революционный эксперимент, происходило под патронажем руководства Компартии Китая, и ее лидера Дэн Сяопина.

Естественно, вмешательство вьетнамцев со своими «рецептами» в камбоджийский эксперимент китайцев, сильно не понравилось последним. И, стянутые к границе с Вьетнамом китайские войска, втрое превосходившие по численности противника, получили приказ на наступление и овладение тремя вьетнамскими провинциями и военными базами. Также естественно, что руководство СССР приняло решение о военно-технической, политической, экономической поддержке своего боевого союзника – Вьетнама. Туда вновь направили некоторые спецчасти, военспецов, советников, технику, вооружение из СССР. Тем самым мы вновь были втянуты в войну на дальневосточных границах.

Вот и морпехам, а в их составе был и наш земляк Владимир Елизаров, пришлось выполнять задание родины по оказанию военной помощи «героически сражающемуся» Вьетнаму. Китайцам удалось в тяжелых боях даже не с регулярной армией Вьетнама, а только с приграничными частями прикрытия, захватить провинциальные центры Лаокай, Каобанг, Лангшонг, приблизиться к морскому побережью и портам. Потому дальневосточникам было поручено отправить во Вьетнам специальный груз – 7 торпедных катеров для морских сражений союзников. Сопровождали катера, несли их охрану на своем БДК морпехи.

-Пришли мы на нашу морскую базу во Вьетнаме – Камрань. Катера сдали и греемся на солнышке – тепло у них там. Радует, что проскочили маршрут этот без инцидентов с китайским ВМФ. Здесь к борту подваливает толпа вьетнамцев. Радуются нам, тому, что мы им боевые катера привели и, начинают с нами торг. Просят папиросы «Беломор-канал» (они во Вьетнаме большим спросом пользовались), часы, фотоаппараты, брелки... И начался очень выгодный торг – мы им «барахло», они нам – бананы, яблоки, экзотические фрукты, которым мы и названия не знаем! Так морпехи хоть во Вьетнаме напитались надолго витаминами.

Назад шли, сопровождая баржу с «бартером» - за наши катера расплатились союзники капустой!..

После такого почти боевого похода морпехи получили по 10 суток отпуска на родину. Так побывал Елизаров на отдыхе в специализированном санатории...

Много чего было в морпеховской биографии Владимира Александровича. Будни охранной службы, сопровождение преступников в дисбат на остров Русский, спецзадания и командировки, воспитание курсантов в учебке. Все, как обычно по службе. А вот в увольнение морпехи ходили не часто. Во Владивосток выбирались раз в квартал или полгода. В основном гуляли по военному городку на мысе Диомид или массово «просматривали» художественные фильмы «с патриотической начинкой» в кинотеатре «Чайка».

В 1980-м была еще одна интересная история. В Афганистане только-только разгоралось пламя новой войны с участием СССР. Потому элиту флота – морпехов, всех поголовно комсомольцев и сержантский состав собрали политработники еще в декабре 1979-го в актовом зале, объяснили военнополитическую ситуацию, долго говорили о патриотическом долге советского воина-освободителя, о насущной необходимости. А затем... всех «добровольно» заставили писать рапорты о их желании идти воевать в составе Ограниченного контингента советских войск в Афганистане. В связи с этим «желанием» морпехов стали ускоренно готовить по особой программе. Из Москвы приехали спортивные специалисты и началось освоение приемов борьбы каратэ, самбо. Но, к счастью, в Афганистан Елизаров не попал. Видимо, оттого, что моря там не нашлось...

На «дембель» Владимир Александрович пошел в звании старшего сержанта, имея военную подготовку: «Специалист 3 класса», знаки «За технические знания», «Отличник ВМФ». Только дома, много позднее, он осмелился рассказать друзьям еще об одном эпизоде из своей службы.

- В 1979-м на Тихоокеанском флоте проводились учения, в ходе которых проверялась боеготовность всех частей и подразделений, команд на всех кораблях. Было объявлено, что на флоте орудуя диверсанты. В их роли действительно выступали бойцы морского диверсионного отряда с острова Русский. Наш спецбатальон войскового обеспечения был срочно брошен на охрану объектов бригады, использовался в патрулях и усиленных караулах, обеспечивал прикрытие побережья и баз.

Без сна и отдыха провели несколько суток, но проколов у морской пехоты не было. Запомнилось другое – когда командование «драило» начсостав частей, объекты которых в ходе учений были «минированы и взорваны» диверсантами.

На соседней с нами базе-стоянке бронекатеров несколько судов было на приколе. Их-то и начинили взрывпакетами и другой пиротехникой под носом у часовых диверсанты. А потом – подорвали фальшивые заряды. Но и их хватило, чтобы взрывной волной вышибло на катарах иллюминаторы и они от качки, и поступившей заборной воды затонули...

Не стану утверждать, я не был свидетелем этого, но по флоту после учений поползли слухи, что диверсанты проникли и в штаб КТОФа, где выкрали командующего флотом адмирала Маслова. За что его здорово «отдраили» в Главном штабе ВМФ СССР, а потом еще была и массовая гибель в авиакатастрофе всего командования нашим флотом...

Услышав от морпеха Елизарова такие служебные подробности, мы решили все это уточнить. И вот такая «картина маслом» нарисовалась из морских историй на КТОФе...

«Украденный» адмирал Владимир Маслов в годы Великой Отечественной войны воевал в авиации. После войны окончил военно-морское училище, служил на подводных лодках, командовал их дивизией. С 1967-го на КТОФе: зам командующего, а с 1974-го – командующий Тихоокеанским флотом. Именно в 1979-м, видимо, после «разговора» с ним в Главном штабе ВМФ, этот закаленный войной и просоленный океанами адмирал, неожиданно тяжело заболевает и попадает надолго в госпиталь...

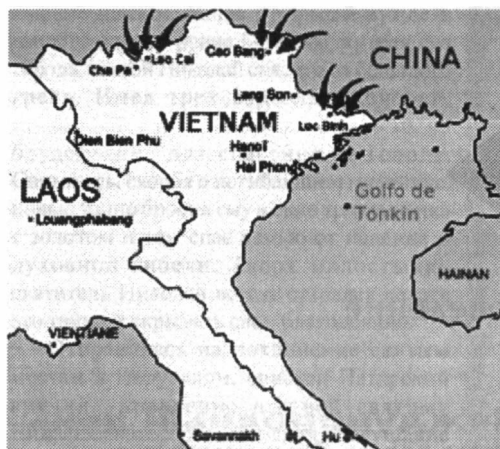
После лечения его отправляют советником командования ВМФ в ГДР. В 1985-м он вышел в отставку.

А вот катастрофа с командованием КТОФа произошла уже 7 февраля 1981 года. 16 адмиралов и генералов, а всего 52 человека, среди которых были не только штабные офицеры, но и командиры кораблей, а также жена первого секретаря крайкома КПСС Ломакина, возвращались на самолете командующего ТУ-104 А из Ленинграда, где они участвовали на ежегодном оперативно-мобилизационном сборе (штабные учения) руководства всех флотов СССР. Самолет оказался перегруженным на хвост. Командиры везли не только сотни килограммов карт, сейфы и пеналы для них, но и сами «загрузились» дефицитными тогда: видеомагнитофонами, телевизорами, импортными гарнитурами и т.д. Летчик предупредил, что борт перегружен, но командующий флотом адмирал Эмиль Спиридонов приказал взлетать!

Шла пурга, дул ветер, потому, взлетев, самолет завалился на хвост и рухнул на землю. Полыхнувшие 30 тонн керосина, никому не оставили шанса выжить. А по аэродрому долго собирали тысячи рассыпанных апельсинов, которые ящиками тоже упаковали, как подарки семьям, погибшие моряки...

В живых остались только начальник штаба КТОФ адмирал Рудольф Голосов, отпросившийся заехать на Север к семье и все командование Камчатской флотилии, отставленное Спиридоновым от полета через Владивосток (перегруз же!) и улетевшее в Петропавловск-Камчатский рейсом Аэрофлота. За всю Великую Отечественную войну погибло на флотах СССР четыре адмирала. 7 февраля 81-го – сразу 16...

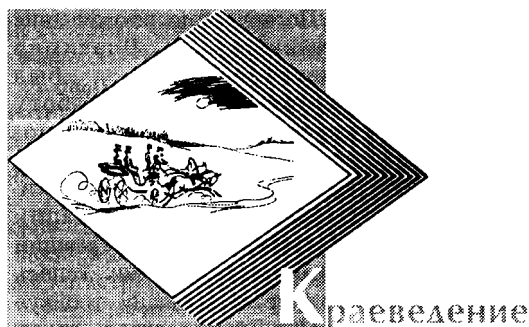
А наш герой Владимир Елизаров в это время, добравшись до Москвы, отмечал в Химках со своим другом-сослуживцем Александром Кузнецовым успешное окончание службы. Потом они провели еще день в экскурсиях по столице (капитан Кузнецов впоследствии служил в управлении связи КГБ СССР).

Поскольку после окончания техникума Владимир Александрович был распределен на работу мастером в исправительно-трудовую колонию в деревню Мерзляки Пермской области, он после демобилизации обратился в ГУИН, ведавший этими учреждениями. Теперь его направили в нашу «тройку» - ИТК в Димитровграде, где он проработал 11 лет технологом. Сегодня морпех Елизаров трудится формовщиком в ООО «ЖБИ»...

Спецподготовка морпехов перед отправкой в Афганистан.

**20 декабря – Международный день
помощи бедным и Святителя
Николая Чудотворца**

Полезные сведения из истории России

Николай-чудотворец

Житие (краткое)

Святитель Николай, архиепископ Мир Ликийских, чудотворец прославился как великий угодник Божий. Он родился в городе Патаре, Ликийской области (на южном побережье Малоазийского полуострова), был единственным сыном благочестивых родителей Феофана и Нонны, давших обет посвятить его Богу. Плод долгих молитв к Господу бездетных родителей, младенец Николай, со дня рождения своего явил людям свет будущей своей славы великого чудотворца. Мать его, Нонна, после родов сразу исцелилась от болезни. Новорожденный младенец еще в купели крещения простоял на ногах три часа, никем не поддерживаемый, воздавая этим честь Пресвятой Троице. Святой Николай во младенчестве начал жизнь постническую, принимал молоко матери по средам и пятницам лишь один раз в день, после вечерних молитв родителей.

С детских лет Николай преуспевал в изучении Божественного Писания; днем он не выходил из храма, а ночью молился и читал книги, созидая в себе достойное жилище Святого Духа. Дядя его, епископ Патарский Николай, радуясь духовным успехам и высокому благочестию племянника, поставил его во чтеца, а затем возвел Николая в сан священника, сделав его своим помощником и поручив ему говорить поучения пастве. Служа Господу, юноша горел духом, а опытностью в вопросах веры был подобен старцу, чем вызывал удивление и глубокое уважение верующих. Постоянно трудясь и бодрствуя, пребывая в непрестанной молитве, пресвитер Николай проявлял великое милосердие к пастве, приходя на помощь страждущим, и раздавал все свое

имение нищим. Узнав о горькой нужде и нищете одного ранее богатого жителя его города, святой Николай спас его от большого греха. Имея трех взрослых дочерей, отчаявшийся отец замыслил отдать их на блудодеяние для спасения от голода. Святитель, скорбя о погибающем грешнике, ночью тайно бросил ему в окно три мешочка с золотом и тем спас семью от падения и духовной гибели. Творя милостыню, святитель Николай всегда старался делать это тайно и скрывать свои благодеяния.

Отправляясь на поклонение святым местам в Иерусалим, епископ Патарский вручил управление паствой святому Николаю, который и исполнял послушание со тщанием и любовью. Когда епископ возвратился, тот, в свою очередь, испросил благословения на путешествие в Святую Землю. По дороге святой предсказал надвигавшуюся бурю, грозящую кораблю потоплением, ибо видел самого Дьявола, вошедшего на корабль. По просьбе отчаявшихся путников он умирил своей молитвой морские волны. По его молитве был поставлен здоровым один корабельщик-матрос, упавший с мачты и разбившийся насмерть.

Достигнув древнего города Иерусалима, святой Николай, взойдя на Голгофу, возблагодарил Спасителя рода человеческого и обошел все святые места, поклоняясь и творя молитву. Ночью на Сионской горе сами собой отверзлись запертые двери церкви пред пришедшим великим паломником. Обойдя святыни, связанные с земным служением Сына Божия, святой Николай решил удалиться в пустыню, но был остановлен Божественным гласом, увещавшим его вернуться на родину. Возвратившись в Ликийю, святой, стремясь к безмолвному житию, вступил в братство обители, именуемой Святым Сионом. Однако Господь снова возвестил об ином пути, ожидающем его: «Николай, не здесь та нива, на которой ты должен принести ожидаемый Мною плод; но обратись и иди в мир, и да будет прославлено в тебе Имя Мое». В видении Господь подал ему Евангелие в дорогом окладе, а Пресвятая Богородица - омофор. И действительно, по кончине архиепископа Иоанна он был избран епископом Мир Ликийских, после того, как одному из епископов Собора, решавшего вопрос об избрании нового архиепископа, в видении был указан избранник Божий - святой Николай. Призванный пасти Церковь Божию в архиерейском сане, святитель Николай остался тем же великим подвижником, являя пастве образ кротости, незлобия и любви к людям. Это было особенно дорого для Ликийской Церкви во время гонения на христиан при императоре Диоклитиане (284-305). Епископ Николай, заключенный в темницу вместе с другими христианами, поддерживал их и увещевал твердо переносить узы, пытки и мучения. Его самого Господь сохранил невредимым. По воцарении святого равноапостольного Константина святитель Николай был возвращен к своей пастве, с радостью встретившей своего наставника и заступника. Несмотря на великую кротость духа и чистоту сердца, святитель Николай был ревностным и дерзновенным

воином Церкви Христовой. Ратоборствуя с духами злобы, святитель обходил языческие капища и храмы в самом городе Миры и его окрестностях, сокрушая идолов и обращая в прах капища. В 325 году святитель Николай был участником I-ого Вселенского Собора, принявшего Никейский Символ веры, и ополчался со святыми Сильвестром, папой Римским, Александром Александрийским, Спиридоном Тримифунтским и другими от 318 святых отцов Собора на еретика Ария.

В пылу обличения святитель Николай, пламенеющий ревностью ко Господу, даже ударил по щеке лжеучителя, за это он был лишен святительского омофора и посажен под стражу. Однако нескольким святым отцам было открыто в видении, что Сам Господь и Богоматерь посвятили святого во епископа, подав ему Евангелие и омофор. Отцы Собора, уразумев, что дерзновение святителя угодно Богу, прославили Господа, а Его святого угодника восстановили в святительском сане. Вернувшись в свою епархию, святитель принес ей мир и благословение, сея слово Истины, пресекая в самом корне неправомыслие и суетное мудрование, обличая закоренелых еретиков и врача падавших и уклонившихся по неведению. Он был поистине Свет Миру и Соль Земли, ибо житие его было светло и слово его было растворено солею премудрости. Еще при жизни святитель совершал много чудес. Из них наибольшую славу доставило святителю избавление от смерти трех мужей, несправедливо осужденных корыстолюбивым градоначальником. Святитель смело подошел к палачу и удержал его меч, уже занесенный над головами осужденных. Градоначальник, обличенный святителем Николаем в неправде, раскаялся и просил его о прощении. При этом присутствовали три военачальника, посланные императором Константином во Фригию. Они еще не подозревали, что им вскоре также придется искать заступничества у святителя Николая, так как их незаслуженно оклеветали пред императором и обрекли на смерть. Явившись во сне равноапостольному Константину, святитель Николай призвал его отпустить несправедливо осужденных на смерть военачальников, которые находясь в темнице, молитвенно призывали на помощь святителя. Много других чудес совершил он, долгие годы подвизаясь в своем служении. По молитвам святителя город Миры был спасен от тяжкого голода. Явившись во сне одному итальянскому купцу и оставив ему в залог три золотые монеты, которые тот обрел в своей руке, пробудившись наутро, попросил его приплыть в город Миры и продать там жито. Не раз спасал святитель утопающих в море, выводил из плена и заточения в темницах.

Достигнув глубокой старости, святитель Николай мирно отошел ко Господу (+ 342-351). Честные его мощи хранились столетиями в местной кафедральной церкви и источали целебное миро, от которого многие получали исцеления.

В XI веке греческая империя переживала тяжелое время. Турки опустошали ее владения в Малой Азии, разоряли города и села, убивая их жителей и сопровождая свои жестокости оскорблением святых храмов, мощей, икон и книг. Мусульмане покушались уничтожить мощи святителя Николая, глубоко чтимого всем христианским миром.

В 792 году халиф Аарон Аль-Рашид послал начальника флота Хумейда разграбить остров Родос. Опустошив этот остров, Хумейд отправился в Миры Ликийские с намерением взломать гробницу святителя Николая. Но вместо нее он взломал другую, стоящую рядом с гробницей Святителя. Едва святотатцы успели это сделать, как на море поднялась страшная буря и почти все суда были разбиты.

Осквернение святынь возмущало не только восточных, но и западных христиан. Особенно опасались за мощи святителя Николая христиане в Италии, среди которых

было много греков. Жители города Бар, расположенного на берегу Адриатического моря, решили спасти мощи святителя Николая.

В 1087 году барские и венецианские купцы отправились в Антиохию для торговли. И те и другие предполагали на обратном пути взять мощи святителя Николая и перевезти их в Италию. В этом намерении жители Бар опередили венецианцев и первыми высадились в Мирах. Вперед были посланы два человека, которые, вернувшись, сообщили, что в городе все тихо, а в церкви, где покоится величайшая святыня, они встретили только четырех монахов. Тотчас 47 человек, вооружившись, отправились в храм святителя Николая. Монахи-сторожа, ничего не подозревая, указали им помост, под которым была скрыта гробница святого, где, по обычаю, чужестранцев помазывали миром от мощей Святителя. Монах рассказал при этом о явлении накануне святителя Николая одному старцу. В этом видении Святитель приказывал бережнее хранить его мощи. Рассказ этот воодушевил барян; они увидели для себя в этом явлении соизволение и как бы указание Святого. Чтобы облегчить свои действия, они открыли монахам свои намерения и предложили им выкуп - 300 золотых монет. Сторожа отказались от денег и хотели оповестить жителей об угрожавшем им несчастье. Но пришельцы связали их и поставили у дверей своих сторожей. Они разбили церковный помост, под которым стояла гробница с мощами. В этом деле особенным усердием отличался юноша Матфей, желавший как можно быстрее обнаружить мощи Святителя. В нетерпении он разбил крышку и баряне увидели, что саркофаг наполнен благоухающим святым миром. Соотечественники барян, пресвитеры Лупп и Дрого, совершили литию, после которой тот же Матфей стал извлекать из переполненного миром саркофага мощи Святителя. Это происходило 20 апреля 1087 года.

Ввиду отсутствия ковчега, пресвитер Дрого завернул мощи в верхнюю одежду и в сопровождении барян перенес их на корабль. Освобожденные монахи сообщили городу печальную весть о похищении иностранцами мощей Чудотворца. Толпы народа собрались на берегу, но было поздно...

8 мая корабли приплыли в Бар, и скоро радостная весть облетела весь город. На следующий день, 9 мая, мощи святителя Николая торжественно перенесли в церковь святого Стефана, находившуюся недалеко от моря. Торжество перенесения святыни сопровождалось многочисленными чудотворными исцелениями больных, что возбуждало еще большее благоговение к великому угоднику Божию. Через год была построена церковь во имя святителя Николая и освящена папой Урбаном II.

Событие, связанное с перенесением мощей святителя Николая, вызвало особенное почитание Чудотворца и ознаменовалось установлением особого праздника 9 мая (по новому стилю 22 мая). В начале праздник перенесения мощей святителя Николая отмечался только жителями итальянского города Бар. В других странах Христианского Востока и Запада он не был принят, несмотря на то, что о перенесении мощей было широко известно. Это обстоятельство объясняется свойственным средним векам обычаем чествования преимущественно местных святынь. Кроме того, Греческая Церковь не установила празднования этой даты, потому что потеря мощей Святителя была для Нее событием печальным.

Русской Православной Церковью празднование памяти перенесения мощей святителя Николая из Мир Ликийских в Бар 9 мая установлено вскоре после 1087 года на основе глубокого, уже упрочившегося почитания русским народом великого угодника Божия, перешедшего из Греции одновременно с принятием христианства. Бесчисленными чудотворениями ознаменовалась вера русского народа в неоскудевающую помощь Угодника Божия.

В честь святителя Николая воздвигались и воздвигаются многочисленные храмы и монастыри, его именем называют детей при Крещении. В России сохранились многочисленные чудотворные иконы великого Святителя.

Святителю отче Николае, моли Бога о нас!

И это все о нем?!

Об этом суперчеловеке говорят с восхищением до сих пор. Ему сегодня бы исполнилось 130 лет со дня рождения.

Именно сегодня все опросы в России показывают поразительные результаты: несмотря на «дикое» отношение к ЕГО образу, по сообщениям социологов – 59 процентов россиян сегодня считают ЕГО – героем России. А при реставрационных работах в Метрополитене Москвы, - восстанавливают ЕГО бюсты и фигуры на барельефах, ранее затертых...

Речь у нас идет об Иосифе Виссарионовиче Джугашвили (Сталине), который около 40 лет руководил нашей страной.

Много чего лишнего навешали на него.

Главное, - незаконные репрессии тех, кто был действительно врагом советской власти, оппозиционером к власти Сталина... И такое уничтожение несогласных происходило не только в СССР, а по всему миру. Происходит и сегодня!

О его роли в новейшей истории советского государства можно исписать тома книг. Но – достаточно и таких фактов, что пока Ленин, Каменев, Бухарин отсиживались в Швейцарии, Швеции, а Троцкий в США, Иосиф Сталин, пройдя ссылку в Сольвычегодске, а потом в Нарымском крае, побывав на фронтах Первой мировой войны, возглавил в России Русское бюро ЦК РСДРП (б), лично подготовил к приезду большевистских эмигрантов знаменитый Октябрьский переворот.

Заслугой Сталина нужно признать, что, возглавив в 1924 году партию и государство, он начал методично и тщательно избавлять верхушку власти от засилия еврейских сионистов.

Что, приняв на себя бремя укрепления государства, сумел за пятнадцать лет вновь вывести Россию и, примкнувшие к ней феодальные государства, на уровень лидирующих в мире стран, на уровень 1913 года. Мы производили больше всех электроэнергии, металла, военной техники, горюче-смазочных материалов, золота, зерна, мяса и масла.

Благодаря провидению Сталина, его методам жестокого управления кадрами, мы выиграли самую кровопролитную в истории Земли войну. Мы победили самую лучшую в мире армию и покорили самое развитое в мире государство – Германию. С именем Сталина, как бы ни хаяли его злопыхатели, связаны индустриальные успехи

СССР, достижения в сельскохозяйственном производстве, до которых нынешняя Россия, с ее пребыванием в XXI веке нана-технологий, еще не доросла...

Знаменательно, но после смерти И.В. Сталина в 1953 году самые пристрастные «гробокопатели» так и не нашли его личных сбережений, богатств, драгоценностей и акций, - всего, что могло на века обеспечить безбедную жизнь его детей и внуков. Сталин, в отличие от его преемников, НЕ ВОРОВАЛ. Не грабил СВОЮ страну и СВОЙ народ.

Может быть это связано с астралом, с его особенным мироощущением, его творческой натурой...

В 16 лет Сталин (Джугашвили), публиковавшийся в газетах известного грузинского просветителя Ильи Чавчавадзе «Иверия» и «Квали», под псевдонимами «Созели, Сосело, И. Дж-швили», еще в 1895 году со своими стихами вошел в учебник «Родного языка» и был признан лучшим молодым грузинским поэтом!

Лишь после многих лет поисков поэт и переводчик Николай Дебрюха смог докопаться до этого, поистине ОСОБОГО творчества нашего вождя. И строки его откровений звучат очень пророчески даже в наши дни:

* * *

В этой стране был он тенью,
Гостем, пришедшим без вести,
Трогал он вечные струны,
Пел необычные песни.
Песни, рожденные светом,
Песни, рожденные болью,
В них была самая правда,
В них все дышало любовью.
Песни его волновали
Даже железные души,
Делали светлыми мысли
В темень из мрака идущих.
Но, не способные слушать,
Пенье тех чудных песен,
Люди налили отравы
И, ослепленные спесью:
«Все пей, проклятый! – кричали, -
Это твой рок, ангел ада...
Правда зачем нам такая?
Нам таких песен не надо!».

«Иверия» 25 декабря 1895 г.

Виктор СЫСУЕВ

Версии

Ганг - русская река?

Оговорюсь сразу, что Ганг (Ганга), протекающая в Индии и, являющаяся «священной» индийской рекой, является также и русской рекой. Название ей дали финно-угорские племена «русь», переселившиеся из Сибири и Заполярья вместе с индоариями в северную Индию во втором тысячелетии до нашей эры. Об этом говорит перевод названия реки: Гаан-га - река, где - «анга» - это мать, т.е. река-мать. В индуистской мифологии эта река была небесной и потом спустилась на землю...

В доказательство можно привести и много аналогичных топонимов. Например - Гангут - это русское название полуострова Ханко в Финляндии, где русский флот одержал победу над шведами. Когда-то здесь также проживали финно-угорские руссы. Вот от их названия и произошли - Гаанга, Ханко и Гангут, что в переводе та же - река-мать. Сибирская река Ангара была прародиной и праматерью «руси». В древние времена названия Енисей не было, вся река - до впадения в океан, называлась Ангарой, т.е. - «анга» - это мать, а «ра» - это большая река, все переводится как - Великая Мать или Матёра.

В УЛЪЯНОВСКОЙ области в Чердаклинском районе имеется топоним «Енганаево», где «енга» происходит, видимо, от древнерусского слова «анга» (мать). Хатангу можно также перевести как - «хата-анга», т.е. материнская хата (хутор), с которой начался городок на берегу реки Анги.

Таких топонимов можно при желании найти несколько десятков. Это может быть доказательством того, что русский язык произошёл от языка финно-угорских «русов», забывать об этом не следует всем лингвистам, учёным, краоведам.

Несколько слов о реках. В Индии имеется штат, а в Пакистане провинция под названием Пенджаб, в переводе на русский язык это означает - пятиречье (пять рек). Таких топонимов, которые имеют в своей основе звук «нд» много: Джаландхар, Кандла, Гаидинагар, имена - Индира Ганди, Чандигарх. Все эти топонимы и имена говорят о том, что «нд» (вода, река) - дали скифы. Они, как и «русы» - проживали в третьем тысячелетии до нашей эры в Сибири и Заполярье. Наступившее резкое похолодание принудило их покинуть эти места и переселиться в более тёплые. По видимому, они и были предками хиндустанцев (хинди). Интересно, что в Сибири имеется «индийский» топоним - Индигирка. А вот топонимы: Большая Кандава, Малая Кандава, Бряндино, - дали финно-угорские руссы, перенявшие от скифов звук «нд». Такой же топоним, как Кандава, имеется в Мурманской области и все они не имеют никакого отношения к кандавам, а переводятся, как «река» - (нд), и перешли из скифского языка к «руси» и «мордве-мокше», равно как и ИНДИЙСКИЙ ТОПОНИМ «Кандла», перешедший от скифов к хинди.

Обрусевшая Русь

(этнографический анализ фамилий)

Кочень интересным выводам можно придти, если анализировать фамилии. Ведь фамилия - это визитная карточка человека и по ней можно определить историю семьи человека не только за сотни, но даже за тысячи лет. Например, моя фамилия: Сысуев, произошла от имени - Сисой или Сысой. Эта фамилия означает, что предки мои были - фино-угорской «русью». Так, герой книги Ф Решетникова «Подлиповцы» - носил имя Сысой и происходил из «руси». А вообще эта фамилия насчитывает свыше 5-6 тысяч лет до нашей эры. Предки мои, видимо, жили в Сибири на реке Ангаре, потом пришли на Волгу. Таким же образом я выяснил, что население села Чёрная Речка в Мелекесском районе состояло из обрусевшей «руси». Например, - фамилия Лабутин тоже происходит из фино-угорской «руси». Панин - тоже происходит от древнего имени «Паня», Карпухин - от слова - карп. Если «птичь» фамилии: Соловьев, Жаворонков, - говорят, что их носители происходят от обрусевшей мордвы, то - «рыбы» - о том, что их носители произошли тоже от древней «руси», например, - Карпухин, Сазанов, Налимов, Шукин, Ершов и т. д. Возможно, что это связано с древней религией и тотемизмом.

Также фамилия или имя - Лабутя, - перешли от руссов к мокше. У Сергея Есенина в поэме «Анна Снегина» встречается герой Лабутя - «...у Прони был брат Лабутя...». Также к обрусевшей «руси» относятся такие имена, как - «Мина», а от него образовались фамилии - Минин и Минаев, имя - Акакий, а от него образовалась фамилия - Акакин, т.е. гоголевский Акакий Акакиевич происходил, скорее всего, из «руси»... Имя - «Сила» и фамилия Силаев, как пушкинский - Самсон Вырин и фамилия Самсонов, имена - Флегонт, Марфа и др.

Большинство таких фамилий и имён сохранилось в произведениях у писателей XIX века, у Пушкина, Гоголя, Писемского, Островского, Мамина-Сибиряка и других. Если так анализировать далее, то в Мелекесском районе и УЛЬЯНОВСКОЙ области можно найти много сёл из обрусевшего племени «русь». Интересно то, что, так называемых «болгарских» фамилий или, как их правильно называет историк Татищев «боогардских» фамилий, в наших краях встречается очень мало. Я, например, встретил только одну - Туймешов. Эта фамилия не хазарская, а, вероятно, - болгаро-суварская. Это говорит о том, что в наших краях потомков «болгар» практически нет. Фамилия Туймешов происходит от чувашского слова «туй» - праздник или свадьба. Так что не правы краеведы, которые уверяют нас, что наш край является болгарским. А вот фамилия Елагин - в Никольском-на-Черемшане, это из хазарских происходит, где «ел» - река. Гарусов в Ерыклинке - тоже из хазарских, где - «ка-ар» - это - река-сестра или, если хотите, - Черемшан. В том же Ерыклинке есть фамилия Лазарев, что тоже хазарская, означает она - синева, лазоревость. Этнографам надо бы уже разобраться в этих фамилиях и расшифровать их, как и названия наших сёл.

Что означает слово «Русь»?

До сих пор краеведы, специалисты и учёные не могут дать точного ответа, - что же всё-таки означает слово: «Русь». Некоторые выдвигают версию, что это загадочное слово переводится с языка фино-угорских руссов на современный русский язык как

- «деревня». В научной литературе описывается, что, например, скифы жили в шалашах, в это можно поверить, ведь на берегу Средиземного моря холодов нет, можно прожить и в шалаше...

«Оленные» люди на севере жили и живут в чумах, покрытых оленьими шкурами, а вот «русь» жили в деревянных жилищах, в деревнях. Кстати, слово «русь» переводится с итальянского и латыни как – «деревня».

В древнейших книгах «Авеста» и «Ригведа» упоминается историческая река – Раса - «великая мать», текущая на дальнем северо-западе на «Старой родине», ведь в 3 тысячелетии до нашей эры индоарии и фино-угры жили рядом - в Сибири и Заполярье. Они называли один из притоков Инда – Расой, - именем реки, прародительницы. По-видимому, здесь речь идёт об Ангаре (Анга-Ра, - мать Ра, большая река). Вероятно, эти топонимы - река Раса, Ганг (Ганга) и город Амритсар, - говорят о том, что еще в 20-м тысячелетии до нашей эры в северную Индию совместно с индоариями пришли и фино-угорские племена «русь» и «ямь».

А что касается «руси», и других фино-угорских племён в Ульяновской области, то они частично ушли в Прибалтику, частично растворились в других нациях: татарах, об этом напоминает топоним - Татарская Беденьга, а также в русских и мордве, например, живущих в современном Ульяновске.

Возможно, что «русь» попала на берега Балтийского моря через датские проливы: Скагеррак и Каттегат. Здесь они облюбовали удобную бухту около Гангута, со временем - стали осваивать Азовское, Каспийское, Черное моря, ведь они были искусными мореходами... Во времена существования СССР мы арендовали Гангут у Финляндии для военно-морской базы. Древняя история тогда переплелась с современностью, «русь» опять пришла на территорию «Варяжской Руси». Теперь и вообще в этом месте от Гангута - до Хельсинки на побережье встречаются русские топонимы.

Когда Рюрика позвали править на Русь, то он престольным городом почему-то выбрал Ладогу, а не Великий Новгород, - так считают некоторые исследователи, настаивая, что он убоился восстаний здешнего населения. В данном случае же - он бы смог быстро уйти обратно в своё государство: «Варяжскую Русь». Этот факт может служить доказательством того, что «Варяжская Русь» в те времена была недалеко от Ладоги...

Его опасения вскоре оправдались, - в Великом Новгороде было восстание князя Вадима, который, как и Рюрик, по видимому был внуком славянского князя Гостомысла и, по видимому имел большие права на русский престол. Но восстание это было подавлено, а Вадим казнён. И только тогда Рюрик перебрался в сам Великий Новгород.

Интересна версия того, что - был ли мушкетёр д-Артаньян потомком хазар? Безусловно и интересно, что у нас в Димитровграде есть фамилии – Артановых. Расшифровка ее может быть и таковой: «ар» - это река, а – «та» - хазарское имя. Есть, кстати, топоним «речной»: «та» - (Ялта); «горный»: «та» - (Тайшет); «лесной»: «та» (Тагай)...

В романе «Три мушкетёра» тоже есть много хазарских имен и фамилий: Атос, Арамис, Тревиль, Ришелье... Даже фамилия автора романа: Дюма, - (та-ма) - является «хазарской», а топонимы во Франции – Марсель (ель – река), Мозель, Бель-иль (красивая река) – по-сути тоже являются хазарскими.

К слову о болгарах: рабочий посёлок в Горьковской области носит название - Сормово. Основали его «серебряные болгары». В современной Чувашии и сейчас есть аналогичный топоним - Чувашская Сорма. По сведениям историка Татищева «серебряные болгары» растворились в местном населении. Это действительно так.

Фино-угорская Русь сегодня

Когда-то я работал агрономом в “Сельхозтехнике”. Там и познакомился с шофёром работавшим в нашей организации и, жившим в селе Чёрная Речка. Фамилия его была - Лабутин, а еще интересное прозвище – «Тятяка». Так его прозвали за то, что он называл отца не папой, как положено, а - тятей или «тятякой».

Интересной с точки зрения этнографа была и его фамилия, которая происходила от имени «Лабутя», сейчас такие имена и фамилии встречаются очень редко. А они означают, что этот человек и его предки являются представителями обрусевшей фино-угорской «руси». Этот факт говорит и о том, что процесс обрусения фино-угорской «руси» не закончился. Кстати, у Пушкина упоминается аналогичный факт: “...попович зовёт Балду тятей...” Интересным точки зрения этнографа является и название племени или этнографической группы - мокша. С одной стороны - это мордовское племя, как и «эрзя», - с другой - факты говорят о том, что происхождение мокшан остается загадочным. Если, в состав «эрзи» вошли потомки мордвы-шокши, каратаев, терюхан, то мокшане в основном состоят из потомков руссов, об этом говорит и топоним “Рузаевка” в Мордовии. Возможно, что руссы в доевние времена переселились на Волгу из Сибири и назвали реку на свой лад – Ра - вода, большая река. Это древнее название – Ра - фигурирует в арабских, римских, греческих источниках. Конечно, название племени - мокша произошло, вероятнее всего, от названия реки - Мокша. А вот название реки, видимо, произошло от названия богини фино-угорских руссов - Мокошь. У славян был и “скотный” бог - Волос или Велес... О Мокоше у «русин» упоминает историк Татищев. Такая традиция - называть реки именем богов была, оказывается, у фино-угорской «руси». Например, река – Ладога - происходит от имени бога - Ладо, я писал об этом раньше. Ладо - это сын Дидо, - богини любви и брака, подобно Венере. Или – Венера – происходит от Дидо?..

Конечно, - это была большая перегруппировка финно-угорских руссов, поселившихся на Ра (Волге) в древние времена. Часть их ушла в северную Индию с индоариями, часть - на север Европы, другие - растворились в местных племенах. В итоге от большой группы осталась небольшая, о ней упоминает этнограф Мельников-Печерский, и называет её - буртасами. Это и есть, видимо, современные мокшане - потомки фино-угорских руссов.

Русь изначальная (Варяжская)

История Древнерусского государства распадается на несколько этапов: сначала «русь» жила где-то за пределами славян, но они брали со славян дань, как сообщают летописи - “...варяги из заморья взяли дань с чуди, словен, мери, веси и кривичей...” Эта исходная точка построения государств относится приблизительно к 859 году. В 862 году: “...изгнали варяг за море и не дали им дани...” Тогда возникли усобицы и пошёл род на род, Тогда пошли за море к варягам, к «руси» обездоленные и сказали «руси» - чужь, словене - кривичи, весь: “Земля наша богата и обильна, приходите к нам править, так как у нас нет порядка”.

В этом летописном рассказе надо обратить внимание на тот момент, что «русь» жила за морем, а где конкретно толком никто не знал. Исследователи называют разные места, как, например, побережье Швеции, Рослаген или запад Эстонии. С огромной долей вероятности можно считать, что – «русь», как фино-угорское племя, жило в Финляндии. По словам араба Ибн-Русте, - руссы «...живут на острове, который

имеет протяжённость - три дня, покрыт лесами и болотами...». Под это описание и приметы попадает одно место в Финляндии, - полуостров Гангут, который вдаётся в Финский залив на 35 километров... (три дня пути...). Само слово – Гангут - сугубо русское, расшифровывается как: га-анга (река-мать). Справедливости ради надо отметить, что остров в этих местах тоже имеется, это - остров Руссор, а в переводе с русско-фино-угорского на современный наш язык означает буквально - Русь-остров. Вот это место: Гангутский полуостров и Русь-остров и являются Варяжской Русью, откуда были многочисленные набеги на славян и другие народы, брали с них дань. Отсюда и пошло название «Русь». Это было государственное образование (или государство с историей в несколько сот лет - Варяжская Русь). Откуда в этих местах появилась «русь», - можно высказать много предположений, в том числе, нельзя исключать и тот факт, что «русь» и сюда приплыла на кораблях по Северному морскому пути из Сибири и основала колонию, из которой впоследствии образовалось другое государство - Рюриковская Русь. Однако, можно полностью исключить вариант, что «русь» произошла от шведов, немцев, датчан и т.п. Хотя, некоторые “учёные” сознательно фальсифицировали факты, подгоняя их под «европейскую» теорию происхождения варягов, хотя «русь» не имеет никакого отношения к норвежцам и шведам. Но также фино-угорская «русь», скорее всего, не являлась и славянским народом.

Что же касается Эстонии, то «русь» жила здесь вместе с чудью, о том говорят такие топонимы, как - Валга, Валка.... Язык «руси» и чуди был очень близок. Так, - остров по-русски: «сора», а по-чудски – «сара». Например: Саарема - это остров. Вот поэтому «русь» и чудь в летописях стоят рядом. Так что, сообщение Саксона Грамматика в “Датской истории” - о том, что на территории Эстонии в 7-8 веках в землях чуди жила могущественная и воинственная «русь» - соответствует действительности и не является фантазией, как это считают некоторые исследователи.

Писать об этом нужно потому, что даже в наши дни появляются публикации сомневающих в происхождении «руси» и не знающих до сих пор - где же находилось государство Варяжская Русь. В русских сказках сохранилось предание: «в море-окняне, на острове Буяне (или Руяне?)...», скорее всего указывается место, где русские жили раньше. Не так уж много времени прошло с тех пор, чтобы позабыть прошлое, которое, слава Богу, не изгладилось из народной памяти.

Русь Синбирская и Русь Сибирская

Мы знаем из истории, что существовали - Русь Киевская и Русь Новгородская. Оказывается, что существовали - Русь Синбирская и Русь Сибирская. Есть в Сибири топоним реки - Марха (Марга), что в переводе на русский язык означает: «мерь» (фино-угорское племя), где – «га» - река. Этот топоним означает, что здесь когда-то, свыше 5-6 тысячелетий до нашей эры жило племя «мерь», но впоследствии это племя разделилось. Часть - осталась на месте, а вторая - ушла на территорию современной Московской области, в междуречье имеются «мерьские топонимы» рек Москва и Протва, а также – поселенческие – Домодедово, Бородино, Коломна, Лянозово... Но, кроме «мерьских топонимов» есть и «русские», - как реки: Руза (Руса)...

Даже «Москву» можно расшифровать, как «Моск» (Мокша) и – «ва» - река - в мерьском языке. Значит, - здесь жили племена «мерь» и «русь», «Ва» или «га» - эти обозначения у «руси» равнозначны - «реке», движению...

Так что, в древности, очевидно, существовали две Руси: в Сибири и в междуречье

Оки и Волги. К слову сказать, в Сибири существовали наоборот «русские топонимы», например, - река Хандыга, река Ока (Ога), приток Ангара, Амга и т.д.

При том, - сибирский топоним «Марха» говорит о том, что здесь жили племена «мерь» и «русь», ведь обозначение «га» (река), имелось и у племени «русь».

Как мы теперь предполагаем, на территории УЛЬЯНОВСКОЙ области жили во втором тысячелетии до нашей эры племена фино-угорских руссов, пришедшие из Сибири. Об этом тоже говорят определенные топонимы: Волга, Свияга, Сельга, Санкога, Беденьга. Основная часть этих племен ушла в Прибалтику, а часть осела по нашим рекам: Свияге, Карле, Цильне и растворилась среди других наций - русских, мордвы... Это была - Русь Синбирская.

На месте современного Ульяновска раньше были две деревушки: татарская (хазары) и мордовская (русы). Это и были представители Синбирской Руси. Кстати, в Мордовии не только потомки племен «эрзя», но и потомки «мокши», - руссов, ассимилированных ими.

Названия рек: Дон, Днепр, Днестр, Двина или Дунай - не относятся к славянским, их названия перешли из скифского языка. Кстати, в современном осетинском языке «Дон» - означает «вода, река». Ещё один топоним из осетинского языка - это Кармадонское ущелье, где - «карма», - по видимому означает - красное. А в названии всех пяти рек - комбинация из слова «Дон». Даже слово «дно» попало в славянский язык из скифского, - что означало - река.

Топоним «Хатанга» в Сибири, похоже, определяет: хату, хутор, дома, как и во многих других языках, любое поселение начинается с домов, хуторов. Например, у чеченцев «Кызылюрт» - значит: «красный дом». А вот у хазар «Сенгилей» - это «новый дом». Кстати, слова: хутор, хата имеются не только в русском языке, но и в белорусском или украинском.

Там русский дух, там Русью пахнет

(От Хатанги до Селенги)

В Марийской республике имеется характерный топоним фино-угорских руссов - «Параньга». То же самое можно наблюдать и у удмуртов - «Можга». В Вологодской области, где обитало племя «весь» - Вожега, Бадого, которая впадает в Белоозеро. Все это говорит, что среди племени «весь» и других племен обитали «русьы». Можно предположить, что племя «русь» жило среди других племён, потому что оно покорило все остальные, в том числе и славян и брало с них дань. На это имеются ссылки даже в исторических источниках. Даже топоним «Селенга» говорит нам о том, что «русь» покорила предков монголов и брала с них дань. Селенга - это река, текущая на возвышенности, поэтому и переводится слово, как «возвышенная река», наклоненная стоком к Байкалу.

Владимирская, Ивановская, Костромская и Ярославские области, а также другие места, как близлежащие, так и отдалённые, имеют свои топонимы, напоминающие исследователям о присутствии здесь племени «мерь» и других племён тоже. Это - Нарва, Сосьва, Берёзово, Колокша, Перекша, Мокша, Коша, Ведроша...

Если - «Обь» - большая река, Обша - маяенькая речка. Последние топонимы говорят о возможности происхождения их от мордвы - шокши. По видимому, «шокша» - это было мордовское родовое название, которое потом ассимилировали эрзяды.

Несколько слов об одежде Дмитрия Донского, на портрете он изображён в

национальной одежде фино-угорских руссов: застёжка на правом плече, - благодаря этому правая рука остаётся свободной для меча.

“Вятичи, - это сильное и мобильное племя, в котором вначале мирно растворилась, полностью ассимилировалась балтоязычная голядь, что обитала в бассейне Угры, пошла дальше на северо-восток, в леса, слабо заселённые угро-финскими племенами”, пишет В. Чивилихин в т. 4-м «Памяти» на стр. 503.

В Сибири крайней границей фино-угорских руссов является Урал, по территории Ханты-Мансийского округа и доходила она, по видимому, до Тихого океана! Но руссы всегда жили совместно с другими фино-угорскими племенами, правда, как назвать это совместное проживание пока затруднительно. Это государственное образование или общность, а может, и не изученная цивилизация руссов, новый симбиоз сосуществования, а) может быть, - другое определение...

Доказано, что названия рек: Руза, Руса, Рось, Раса связаны с древним – «Ра» (большая река), но Волга была второй рекой, а первой считалась тогда – Ангара (переводится с языка фино-угорских руссов как «Великая мать Ра»). От Ангары пошли названия рек: (если, следовать за «га» и «Ра») Руса, Раса, Рось, Руза... Так что, Ангара является праматерью рек, а местоположение – могло вполне быть прародиной руссов.

Возможно и имена богов перешли к ариям или их предкам от финно-угоров. Перун мог произойти от от Пурьгине паз (мордва). Не нужно забывать, что слово «Мокша» не только стало названием реки Мокша, но и племени, и именем бога. Мокошь - это бог скота по Татищеву, Мокошь - богиня плодородия в славяно-русской мифологии. Ведь фино-угры, как и славяне поклонялись водам, деревьям, Луне, Солнцу.

Несколько слов о суффиксах в фино-угорских языках: в мерьском языке существовал суффикс «ва», он применялся для названия малых рек, например, - Непрядва, Сосьва. У мордвы-шокши таким суффиксом был «на». Например, - Ведроша, Пекша, Обша. У манси – «да»:- Тавда, Ковда, Ревда. Такие же суффиксы были и у руссов, это – «са», «за», «сь», они также применялись для обозначения малых рек, например, - Руса, Раса, Руза, Рось и т. д. А крупные, большие реки у руссов именовались на «Ра» - это – Анга-Ра, что упоминалось выше.

Древнее название Волги тоже дали фино-угорские руссы - Ра, что тоже означает Большая (река, как Солнце). Этот факт говорит и о том, что в древности и в Сибири, и на Волге существовала цивилизация фино-угорских руссов, что не могло бы малое и слабое племя дать названия таким огромным рекам, как Ангара и Волга, покорить их...

Имеется аналогия: у мордвы была главная богиня Анге-патяй – дословно - “Мать-богиня”. И у руссов мать называлась «Анга» и название это входит в состав слова - Ангара. Здесь, возможно, и зародилась Русь, которая потом распространилась по всему миру.

Не исключено, что бургасы - это союз племён, в который входили и фино-угорские руссы, и они проживали на реке Ра (Волге) с древних времён. Впоследствии они могли ассимилироваться среди той же мордвы-мокши или переселиться в другие районы Поволжья, где и проживают донныне. Такая точка зрения была у Мельникова-Печёрского. Иначе и быть не могло, - куда же в таком случае делись люди, назвавшие Волгу рекой-прародительницей – Ра?

Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов и обстоятельства, описанные в древней “Ригведе”. Конкретно имею в виду – описанную там совместную жизнь наших предков индоариев и неиндоевропейских пранародов в древней Полярной прародине, с её

полярными днями и ночами в III тысячелетии до нашей эры. Ведь они составляли в те отдалённые времена единую этнолингвистическую и социокультурную общность!

Вот поэтому и не случайно, что Индия - звучит на хинди как - Бхарат. А это слово больше русское, чем индийское, как и весь язык санскрит. Много рек в Индии имеют в своём составе слово «Ра» - река, например, Брахмапутра. Ганг (ганга) - имеет в своём составе русское - «га» - река, бог грома - Индра имеет своём составе то же - «ра». По видимому, древние индоарии заимствовали эти слова от руссов, когда проживали с ними совместно. Поэтому можно считать реки «ра» (Волга, Ангара) - праматерями не только для руссов, но и для предков индоариев. В. Чивилихин ссылается на профессора Кнауэра и его книгу «О происхождении имени народа Русь», где также упоминается мифическая река Раса, - «великая мать», текущая на дальнем северо-западе, на старой родине. Индоарии называли один из притоков Инда именем реки-прародительницы - Раса. Вероятно, здесь речь идёт об Ангаре - матери рек - Ра. В общем, и Волга является древнерусской рекой, и история России, которая начинается с Рюрика, - является неполной. В истории мало или совсем не говорится об огромных тысячелетних пластах, которые предшествуют рюриковскому государству.

Воспоминания и размышления сына об отце-фронтовике

На столе передо мною стоит пластмассовая коробка с фронтовыми наградами и документами отца - участника Великой Отечественной - Сергеева Виктора Николаевича, 12 октября 1921 года рождения, покинувшего нас 30 ноября 2000 года... Предметов в этой коробке не много, но и не мало: 4 ордена и 16 медалей, а также подтверждающие их документы. Среди наград два ордена советских: Красной Звезды и Отечественной войны, а два иностранных: польские «Кресты Храбрых». По внешнему виду и по достоинству они похожи на офицерские георгиевские кресты в армии царской России. А медали разные, есть «За оборону Киева», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина».

Награды покойного отца мне передала мама на сохранение и, как память старшему сыну в династии Сергеевых, да к тому же военному пенсионеру, подполковнику в отставке. А я передам их детям и внукам, дабы помнили

*В.Н.Сергеев среди
боевых друзей.
Снимок на память*

поколение дедов, защищавших свою большую и малую Родину в той тяжелой войне.

Награды отца невольно будоражат память о нем, о его поколении, о тех, казалось бы, невероятных, но, однако, жизненных обстоятельствах, пережитых отцом на фронте. Вспоминаю его дорогие рассказы и мои расспросы о той войне. Так вот что ему вспоминалось.

К началу войны отец уже два года прослужил срочную в артиллерии Красной Армии, пребывал в звании младшего сержанта, командовал орудием – трехдюймовой противотанковой пушкой. В артиллерию всегда брали мужиков не глупых, а отец – деревенский парень из села Степное Анненково Тагайского (ныне Майнского) района, после сельской школы успел окончить в Ульяновске педагогическое училище. По словам отца перед войной в Красной Армии порядки были строгие, военно-физическая и политическая подготовки на должной высоте, а практические стрельбы давались ему легко. Одним словом, тогда в армии, как ни говори, готовили профессионалов.

Воинская часть отца стояла на Украине, где-то под Житомиром. 22 июня 1941 года часть была поднята по тревоге и маршем брошена к западной границе. Утром 23 июня артиллерийская батарея отца из шести противотанковых орудий заняла позицию, а в обед приняла первый бой с танковым батальоном фашистов. Атака следовала за атакой, но немцы не прошли, танковый батальон был остановлен силами одной батареи, а орудие под командованием отца, при минимальных потерях, уничтожило четыре фашистских танка. Командир орудия за этот свой первый бой получил первую награду – орден Красной Звезды. При вручении «звездочки» кроме орденской книжки отцу было передано письменное поздравление за подписью командира и комиссара 227-й стрелковой дивизии.

Вот эту первую «звездочку» и поздравление, спустя много десятков лет, я держу в руках. А мысли возникают разные, в том числе о том, как «плохо» были готовы

Артдивизион В.Сергеева в составе Войска Польского перед выходом на боевые позиции

русские к той войне. Если кто и не был готов, так это, видимо, политики, а рядовым солдатам той войны было не занимать ни умения, ни стойкости. Дело свое они знали.

Далее, по воспоминаниям отца, были тяжелые оборонительные бои, отступление, прорывы из окружений, оборона Киева (где, кстати, погибли и были пленены фашистами несколько советских дивизий). Чудом миновала отца эта участь. Со своей батареей он отступал - аж до Харькова и считал, что там бы и погиб весной 1942 года в печально известном Харьковском котле. Но повезло солдату, его тяжело ранило в марте, за месяц до начала немецкого наступления.

А было это так. В 2-3-х метрах от лошади, верхом на которой ехал отец, разорвалась немецкая мина. Лошадь напавал. Упав, она придавила отца, которого также посекло осколками. И вокруг ни души. Не просто было тяжело раненому выбраться из-под лошади и выползти к людям. Затем в течение нескольких месяцев были медсанбат и госпитали, где врачи пытались поднять солдата на ноги. Оперировали его не раз, а впервые, там, во фронтовом госпитале - без наркоза. Взамен предложили стакан спирта. Однако вылечить до конца так и не смогли. Извлечь удалось только крупные и средние осколки той мины, а мелкие (до полдюжины) так и остались в ноге. Ходить мог только с палкой. Поэтому комиссовали отца «вчистую».

Вернулся в родные края, около года жил в Тагае, работал в районном военкомате. Участвовал в розыске и задержании бежавших с фронта дезертиров, которые в немалом количестве появились в тагайских лесах. И все-таки, как я понимаю, в душе отец не мог согласиться с заключением медиков о его непригодности к службе. Поэтому уговорил своих военкоматовских медиков и начальников пересмотреть это решение. В результате отец был вторично призван в Красную Армию, но послали его не на фронт, а курсантом в Тамбовские окружные артиллерийские курсы младших лейтенантов.

Закончил училище через шесть месяцев, был среди лучших, получил на погоны первую звездочку, но на фронт вновь не попал. Еще несколько месяцев преподавал в том же училище. Тогда-то он повстречал свою Елену-прекрасную – мою маму. Там, в Тамбове, они и поженились 4-го февраля 1944 года. А вскоре пришел приказ о его направлении в действующую армию, но только не в Красную Армию, а в Войско Польское, части которого с начала 1944 года стали формироваться в Советском Союзе. Направили его как военного специалиста с фронтовым опытом. В результате около полутора лет в странных для нашего уха званиях подпоручика и поручика отец носил форму офицера Польской армии, о чем свидетельствуют не только иностранные ордена, но и сохранившиеся фотографии, где он в польской конфедератке на голове вместо фуражки.

Именно за эти полтора года на фронтах Великой Отечественной произошел разгром армий фашистской Германии. В составе частей Войска Польского (к концу войны они представляли собой две армии) отец в качестве заместителя командира и командира противотанковой батареи освобождал от фашистов Варшаву, север Польши и север Германии. Уже за Берлином встречал американцев и англичан.

Спрашивал отца, как же он смог командовать поляками, как они его понимали? Отец заметил, что они (поляки) почти все понимали русский, особенно матерный, а потом он и польские команды выучил, корни слов-то славянские, похожие...

Спрашивал я, за что поляки его наградили крестами. По началу он отмалчивался, но потом рассказал один эпизод. Его польская батарея соседствовала с батальоном Красной Армии. Впереди была речка, за ней немцы, а батальон бросили через речку

в разведку боем практически без артиллерийской поддержки. Три немецких пулемета за речкой этот батальон остановили и ополовинили. Прибегает советский комбат к полякам за поддержкой, просит отца помочь пушками, говорит, ты же русский. Но командир польской батареи (хоть он и русский) без приказа не может рисковать жизнями польских солдат. И все же отец нашел, как помочь советскому батальону, не рискуя при этом жизнями польских солдат. Он приказал полякам выкатить трехдюймовое орудие в поле, то есть подогнать немецких пулеметов, прислугу орудий отправил в укрытие, а сам в одиночку расстрелял эти самые пулеметы. Советский батальон задачу выполнил, захватил плацдарм, а командир батальона выходил на самые главные верха, чтобы отца, упаси Бог, не наказали, но наградили. По словам отца, поляки с уважением относились к проявлениям личной храбрости, и его наградили первым Крестом Храбрых. (Кстати, кавалер четырех таких орденов считается национальным героем Польши и отец как-то разок пошутил, что по-польски он наполовину герой).

Если первый польский крест отца – инициатива по сути русских, то второй крест он получил уже от польского командования. А поводом к тому было участие отца в пленении немецкого генерала. Произошло это уже на территории Германии. Батарея остановилась на ночлег в поместье, пошли осматривать хозяйский дом с апартаментами. В одной из комнат дома скрывался генерал, который к тому же открыл стрельбу из пистолета. С нескольких метров, по сути, в упор стрелял в отца. Повезло, генерал не попал и был схвачен. Как пошутил отец: «Либо пистолет, либо стрелок хреновый, а может быть и то, и другое». Добавлю от себя, что сам отец стрелял отменно, убедился я в этом лично. Бывало, мне удавалось выигрывать первенства областного «Динамо» по стрельбе из спортивного револьвера, однако соревноваться в стрельбе с отцом мне оказалось непросто.

О поляках отец всегда отзывался с уважением, говорил, что большинство из них храбрые солдаты, гордые и при этом весьма практичные люди. В подтверждение рассказал такую историю. В конце войны в Германии по полям и селениям бродило много брошенного немцами скота. Проблем с питанием у солдат не было. Польские же солдаты умели делать заготовки впрок, в том числе копчености, колбасы. Чтобы они не пиратствовали и не били скотину без нужды, отец ввел в батарею правило, по которому бесхозную скотину на прокорм он отстреливал лично. И всегда без осложнений. Но был случай, когда проблема возникла. Не без юмора отец рассказывал, как в очередной раз зашел в немецкий свинарник и выстрелил из ТТ в лоб находившемуся там борову, но безрезультатным был и второй выстрел, пушечные пули попросту ricochetили, такова была у хряка броня. С трудом отец смог уйти от рассвирепевшего бора. Его удалось «угovorить» только из винтовки.

Освобожденная от фашистов Польша в 1945 году представляла собой бурлящий котел. Власть еще не установилась. В стране шла, по сути, гражданская война, в которой противодействовали две силы. С одной стороны - Армия Народова в составе первой и второй армий Войска Польского. Они подчинялись Москве и Верховному Главнокомандованию СССР. С другой стороны была так называемая Армия Крайова – хорошо вооруженные формирования польских националистов, подчинявшихся лондонскому правительству Польши в эмиграции. Именно Армия Крайова подняла летом 1944 года восстание в Варшаве, еще до подхода Красной Армии и до разгрома восстания фашистами удерживала город несколько месяцев.

Противостояние сторон носило ожесточенный характер. «Крайовцы» захватывали арсеналы Красной Армии и Войска Польского, нападали на их тыловые части. Воевали,

в основном, партизанскими методами. На фронте с гитлеровцами их не было. Отец столкнулся с ними, когда батарею отвели на отдых в один из польских городков. Отдых этот оказался сущим адом. «Крайовцы» стреляли всюду: из-за угла, из-под воротни. Спать приходилось не раздеваясь, а личное оружие держать за пазухой с взведенным курком. На глазах у отца был убит его друг – польский офицер, да и сам он с трудом избежал той же участи. После такого «отдыха» долгожданным было возвращение батареи на фронт.

В других воспоминаниях польского периода службы отец много доброго говорил о друзьях из числа польских офицеров, показывал их фотографии. А потом как-то, между прочим, упомянул, что там, на фронте давал рекомендацию в партию (я так понял, это была рекомендация не в советскую Коммунистическую партию, а в Польскую, позже преобразованную в Польскую Объединенную Рабочую партию), одному офицеру по фамилии Ярузельский. На вопрос, не тот ли Ярузельский, что возглавил Польшу в 80-е годы, отец не ответил...

От отца осталось несколько фронтовых фотографий. На одной из них, опираясь на палку (осколки в ноге видимо не позволяли передвигаться иначе), стоит он у боковой лестницы Рейхстага. Символов вокруг такой фотографии можно расставить немало. На мой же взгляд, это фото свидетельствует о том, как простой парень из российской глубинки, встретив войну 23 июня 1941 года на границе, дал фашистам свой первый бой, не погиб, не пропал, выжил в той бойне, а затем достойно и с честью закончил войну в Берлине на ступенях Рейхстага в мае 1945 года. Хорошо отвоевал, выжил и победил.

*Берлин покорен. В составе польских частей,
штурмовавших столицу Германии, - Виктор Сергеев
(сидит на ступенях)*

Для меня, как офицера, не имеющего фронтового опыта, важным был вопрос отцу, а где же тяжелее всего приходилось на фронте. Думалось, что под обстрелом, под бомбежкой, при наступлении, в атаке. Отец ответил на удивление просто. Тяжелее всего, по его словам, было выжить, не умереть физически и морально в той фронтовой грязи, особенно зимой и осенью, не опустить руки, не потерять человеческий облик. Мне кажется, в его ответе есть определенный, но не всем понятный смысл.

Недавно мама упомянула, что сохранила письма, которые писал ей с фронта отец и согласилась ознакомить с ними меня и супругу. Целый вечер мы вместе перечитывали написанные рукою отца фронтовые треугольнички. Впечатляло все: и нежные слова заботы о жене, оставленной в тылу и готовившейся стать матерью, сдержанный, однако восторг, когда появился на свет сын-крикун Юрий, и твердая убежденность отца, что долгожданная дорога к жене и сыну в Тамбов проходит через Берлин (т.е. через победу над фашистами). А вот письмо отца, датированное 10 мая 1945 года. Он пишет: «Вчера нас поздравляли с Победой, хотя из боя мы вышли еще 6-го мая. Нам даже никому не верится, что война кончена, так же как не верилось, когда она началась. Все конечно рады, даже очень рады, что она кончена... Очень хочется быстрее увидеть вас, мои дорогие».

По окончании войны в феврале 1946 года отец был возвращен в ряды Красной Армии. Сохранилось письмо за подписью Главнокомандующего Войска Польского маршала М. Жимерского с благодарностью лично отцу за «честную и самоотверженную службу в Польской армии» и пожеланиями успехов на новой службе. До середины 1946 года отец прослужил в воинской части Красной Армии, дислоцировавшейся в Эстонии под Тарту (там, оказывается, с отцом и матерью я прожил несколько месяцев, детская годовалая память этого не сохранила), а затем был демобилизован и вернулся на родину, в Ульяновск.

Сохранилась, вероятно, последняя политическая характеристика на гвардии лейтенанта Сергеева Виктора Николаевича от 12 февраля 1946-го года, где строгим штабным языком отмечено: «..... Как командир-артиллерист свое дело знает хорошо, к служебным обязанностям относится добросовестно. Неустанно работает над повышением своего идейного уровня и также воспитывает своих подчиненных. Идеологически выдержан, морально устойчив. Предан партии Ленина - Сталина и Социалистической Родине».

В Ульяновске отец прожил всю свою оставшуюся жизнь. Получил высшее педагогическое образование, учительствовал и директорствовал в шести школах города. Неоднократно избирался депутатом районных и городского Советов, постоянно руководил комиссиями по делам несовершеннолетних, работал в других общественных формированиях. Вырастил и воспитал сына, дочь, трех внуков. Послевоенная часть жизни отца в целом также была наполнена событиями и поступками достойного человека и гражданина. Однако это, как говорится, отдельная тема.

И все-таки память фронтовых лет давала о себе знать отцу и на гражданке. Вот, к примеру, такой курьезный факт. Отец легко проучился в педагогическом институте, сдал почти все государственные экзамены. Но категорически отказался сдавать экзамен по иностранному (немецкому) языку. Объяснил просто, что там, на фронте, бил фашистов, а по сему язык их паршивый знать не хочет. Так продолжалось лет пять. А диплом о высшем образовании отцу выдали только после того, как в пединститутах отменили госэкзамен по иностранному языку. Вот до такой степени была свежа фронтовая память отца, так он ненавидел фашизм и этого обстоятельства не скрывал.

Вот уже девять лет, как отец покинул нас. Произошло это поздней промозглой

осеню 2000 года. Однако память об отце всегда ассоциируется со светлым, добрым, весенним образом. Наверное, поэтому мы: его сын, сноха, внуки и жена приходим на могилу отца именно 9 мая, в светлый праздник Дня Победы. Для нас отец стал своего рода символом той Победы, символом Солдата-Победителя.

В последних строках своих воспоминаний скажу откровенно, я горжусь, что во мне течет кровь моих родителей. Их поколению выпала тяжелая доля и неимоверные испытания. Они все преодолели. Какой же потрясающий генофонд был заложен в людях, прошедших ту войну! Дай-то Бог не растерять его нам, их детям, и что-то передать внукам. А новому подрастающему поколению хочу передать свою добрую память об этих родных мне людях, о прожитых ими не простых, но интересных годах войны и Великой Победы. По сути, именно это желание и заставило меня взяться за перо.

Подполковник в отставке Ю.Сергеев

Воздушные асы земли Мелекесской

В конце 80-х годов прошлого века на телевидении были очень популярны программы военного журналиста, поэта, барда Виктора Верстакова, оживляющие героические страницы Отечественной войны. Вдвойне интересны были они и тем, что сам Виктор воевал в Афганистане, хорошо понимал психологию воинов, знал о всех каверзах боевых действий

И вот, в одной из передач, Верстаков повел рассказ о подвигах дважды Героя Советского Союза, бакинца, летчика-истребителя, Нельсона Степаняна. Я срочно связался с Виктором по телефону, затем отправил ему подробное письмо. А дело-то в том, что Нельсон не только геройствовал в небе над Балтийским и Черным морями, гоня фашистских асов, но и успел отметиться в военную пору на территории нашего района...

Журналистская судьба, частые переезды с места на место не позволили мне увидеть ту, дополнительную передачу Верстакова о героическом летчике Степаняне. Да и не это важно! Главное, чтобы рассказ о действительном герое войны дошел до всех нас, на короткое фронтовое время, ставших его земляками.

Итак, историческая справка:

Степанян Н.Г. - командир 47-го штурмового авиаполка, капитан. Звание Героя Советского Союза получил в 1943 году. Во время Крымской операции и освобождения Севастополя его авиаполк потопил 8 немецких транспортов и 12 быстроходных десантных барж.

После освобождения Крыма его Феодосийский авиаполк вновь был передан в состав Балтийского флота.

14 декабря 1944 года в неравном бою над портом Ливава Степанян погиб. А 6 марта 1945 года за этот подвиг гвардии подполковнику Н.Г.Степаняну было вторично присуждено звание Героя Советского Союза.

Летчики прославленного боевого авиакомандира Николая Челнокова (ведомым которого в 1941-м был Н.Степанян) в составе 9-й Краснознаменной Рокшинской штурмовой авиадивизии свою войну закончили только 8 мая 1945 года, базируясь уже в Польше. Потери героев неба были невосполнимы - в декабре 44-го они потеряли почти полк своих товарищей...

А перед страшной трагедией, разыгравшейся над водами Балтики, летчики дивизии Челнокова и полка Н.Степаняна уже третий, последний раз гостили в нашем Мелекесе. Дело в том, что самолетов на фронте всегда гибнет много больше, чем самих летчиков. Потому, время от времени, личный состав авиаторов отводится в тыл, где они получают новые машины на авиазаводах, осваивают их, совершенствуют свое мастерство в тыловом небе, перегоняют самолеты к месту базирования фронтовой авиации...

В 1941 - 1942-м годах машины получали на Воронежском авиазаводе. Но после занятия города немцами завод по выпуску штурмовиков «ИЛ» перебазировался в Куйбышев. На новых самолетах челноковцы перелетали в... Кошки, где были оборудованы аэродром и учебная база, месяц-полтора воздушные асы осваивали новую технику, отрабатывали боевое взаимодействие, летную тактику, отдыхали, отъедались...

По сей день в маленьком (соседнем с нами) райцентре, как фронтовые легенды, пересказывают истории пребывания «летунов» на этих землях. Поскольку моя семья попала в самый «эпицентр» данных событий, истории эти обретают впервые данный письменный вид.

Сразу нужно сказать, что элиту советской авиации было принято беречь и особо выделять. Очень многих бесстрашных летчиков потеряли вооруженные силы в первые месяцы войны на Западном и Юго-Западном фронтах. Оставшихся, имевших боевой опыт (Польская, Испанская, Финская кампании), свели в ударные авиадивизии штурмовой авиации и использовали только в крупных операциях. Особенно дорожили «торпедоносными» частями морской авиации. Им были особые льготы, особое содержание, забота, лучшая техника, отдых, заслуги. Нужно сказать, что перед войной в СССР было всего 626 Героев Советского Союза. А по апрель 1944 года в стране дважды героев насчитывалось всего - 145 человек. Половина из них - посмертно. Половина - были летчиками...

Исторический феномен и в том, что с июня по декабрь 1941-го, по известным причинам, звание Героя в войсках почти не присваивалось. Орден Ленина, полученный за беспримерное мужество и героизм в период массового отступления советских войск до Москвы - считался высшей наградой. Но уже 8 июля 1941 года за образцовое выполнение боевого задания, отвагу и мужество трое летчиков (С.Здоровцев и И.Харитонов за первые боевые тараны над Ленинградом и М.Жуков за десяток сбитых им вражеских машин) были удостоены медали «Золотая Звезда» и звания Героев.

Тем интереснее для нас, что впервые в Мелекесе в 1943-м году появились сразу два Героя Советского Союза - летчик Н.Степанян и его заместитель по авиалетной подготовке С.Львов. Оговоримся, что появились не случайно. Одна из молодых руководительниц Мелекесского райисполкома по делам службы была в Кошках, где и встретила с Нельсоном Георгиевичем. Несмотря на то, что они оба были уже людьми семейными, меж ними вспыхнула яркая симпатия, любовь. Естественно, что женщина-руководитель могла чаще бывать в Кошках, чем летчик, командир полка, оставив часть, в Мелекесе. Так получилось, что в нашем доме на станции Погрузная (в 2-х км от Кошек) квартировала семья зама и друга Степаняна - Львова. Потому у нас и устраивались

веселые посиделки, свидания Нельсона Георгиевича с его любимой. Эта красивая история любви двух молодых людей имела еще и свое положительное общественное значение. Роза А. (по понятным, щадящим причинам - в Димитровграде до сих пор живут ее дети, внуки и правнуки - мы не называем ее фамилию), пользуясь своим положением, направляла из хозяйств района на Кошкинский аэродром продукты, промтовары. А летчики - в первую очередь Степанян и Львов, бывшие уже Героями - приезжали в Мелекесс для встречи с трудовыми коллективами, школьниками, призывниками городка. Участники районной художественной самодеятельности были самыми желанными гостями в полку Степаняна, выступая с концертами перед фронтовиками.

Да как было не влюбиться в этого человека! По описаниям очевидцев - Степанян был не только красив собой. Небольшого роста, он был энергичен и очень подвижен, всегда гладко выбрит, усики - подстрижены, форма на нем - отглажена, на кителе вместе со звездой Героя, - знак летчика-миллионера Гражданского воздушного флота...

Свои рассказы он «подсаливал» мягким армянским акцентом. Выразительно жестикулировал руками, часто и заразительно смеялся. Было ему в ту пору всего-то 30 лет.

Трижды за войну полк побывал в Кошках. Трижды, в самое суровое для советской страны время отважные летчики участвовали в этой трогательной и красивой истории, имевшей мелекесскую «прописку».

А сама история асов авиации началась в 1939 году, когда их комдив Челноков был назначен заместителем командира 1-го минно-торпедного полка. В небе над Финляндией, Карелией, Прибалтикой - Челноков всегда был надежно прикрыт своими боевыми товарищами Копыловым, Игашевым, Новицким, Абраменко, которые погибли еще до 1941-го. А войну с фашистами он встречал под прикрытием Степаняна и Львова. Они воевали на «ИЛ-2» и «ДБ-3», которые немцы с ужасом называли «черной смертью». Асов берегли и особо ценили командующий КБФ адмирал Ф.Трибуц, командующий ВВС ВМФ генерал С.Жаворонков и командующий авиацией КБФ генерал М.Самохин.

За годы войны эти ребята штурмовали вражеский флот на Балтике и оберегали ленинградское небо. «Утюжили» на Юго-Западном фронте фашистские колонны под Кременчугом, Крюковым, Полтавой. Отбивали у фашистов Черноморское побережье в составе 11-й Новороссийской, дважды краснознаменной штурмовой авиации. Затем снова беззаветно сражались в родных им местах: над Ленинградом, Тихвином, Шлиссельбургом, Прибалтикой...

Еще семь летчиков из эскадрильи Челнокова удостоились за годы войны звания Героя Советского Союза, трое из них - дважды. Среди них - Н.Степанян и С.Львов. У них была даже своя песня-гимн:

Горит ли полдень над землею,
Взойдут ли звезды в небосвод,
Идут крылатые герои,
Выходят соколы в полет.
Во славу знамени родного
Лети ты, песнь, как небо широка,
И днем и ночью в полет готовы
Гвардейцы первого полка.

Нет в мире нашей доли краше,
У нас в моторах - стук сердец,
Преображенный - гордость наша,
И Оганезов - наш отец.
Для внуков сказкой станут были,
Споют о славе тех годин,
Как мы на Хельсинки ходили
И как бомбили мы Берлин.
Нас именами дорогими
К победам Родина зовет,
Зовет Гречишникова имя,
И доблесть Львова нас ведет.
Как Игнашов в бою суровом -
Тараном бей из облаков!
Сияй нам мужество Хохлова,
Веди вперед нас Челноков!
Смелей в полет, крылатых стая,
Твори геройские дела,
Чтоб снова Родина до края
В цветах победы зацвела!

На музыку композитора В.Ватмина слова этой песни написал известный в те годы поэт Николай Браун. А впервые зазвучала она не в строю, а на концертной площадке Кошкинского аэродрома, в исполнении детского хора первой Мелекесской образцовой школы в 1944-м году.

Нужно сказать, что «челноковцы» тогда как бы породнились с нашими земляками. На станции Безенчук под Куйбышевым жила эвакуированная семья комдива. На Погрузной - семья Львовых... Именно в Кошках Степанян и Львов обучили летчиков полка своей «именной технической новинке» - бомбометанию и стрельбе с малых высот. Штурмовики подходят к цели на высоте 800-900 метров и пикируют на корабли под углом в 40-50 градусов, одновременно ведя прицельный огонь из пушек и ракетными снарядами. На высоте 40-50 метров летчик сбрасывает бомбы, взрыватели которых поставлены на замедление в 7 секунд, и почти у самой воды выводит самолет из пике... Сотни вражеских кораблей нашли свой приют на дне моря, когда такую новинку применили наши торпедоносцы!

Особо хочется упомянуть и о С.Льове. В 1944-м он уже числился инспектором боевой авиации, пропагандистом боевого летного мастерства, воспитателем молодых пилотов. Мог бы и не ходить лично на боевые задания... Но Герой он во всем герой! Воздушный ас второй мировой войны - В.И.Воронов в своей книге «Морские истребители» вспоминает: «...за учебными боями будут наблюдать инспекторы, Герои Советского Союза Львов и Курзенков...»

Кстати, Герой неба над Заполярьем Сергей Курзенков в середине 70-х годов прошлого века несколько дней был в творческой командировке в Мелекесском районе. Летчик и писатель встречался с коллективами колхозов, школ. Особенно радушная и запоминающая встреча была у него в Рязановском совхозе-техникуме, где учился еще

один ас войны - Герой - генерал авиации и командир дивизии, где был французский полк «Нормандия-Неман», - Г.Захаров.

Последний раз друзья-командиры Степанян и Львов прибыли за новой техникой в Кошки после завершения Крымской операции (произведено было там 4506 боевых вылетов, потоплено и повреждено 120 вражеских судов) - и перед жестокими боями над Прибалтикой и Восточной Пруссией. Нельсон уехал в Мелекесс, а Львов проводил все свое свободное время с семьей. Как родные уже стали им его жена и сестра - Ляля и Женя, обе москвички, но жившие уже 2 года в Погрузной, где они могли встретиться с любимым...

Он словно чувствовал, что никогда больше не увидится с семьей. Расставание было тяжелым... А в декабре, в жесточайших боях над Балтикой, круша фашистские корабли, порты, самолеты, полег - перед самой Победой - почти весь полк Н.Степаняна. Пал смертью храбрых и сам командир, и С.Львов...

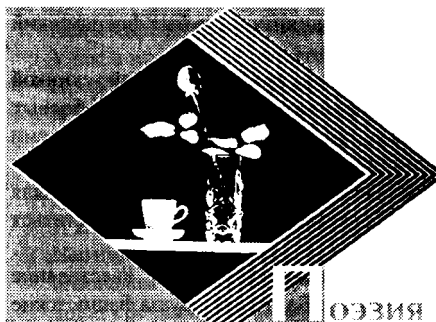
Мои родные бывали в Москве в семье Львовых. Переписывались с ними и никогда не могли забыть молодых, веселых, боевых летчиков с Кошкинского аэродрома, сложивших свои жизни на алтарь Отечества.

Прекрасно и знаменательно, что в Димитровграде, на постаменте в районе улицы 50-летия Октября установлен памятный знак - боевой самолет. Ведь это исторически верно и особенно памятно нам имена настоящих Героев, чья военная биография, фронтовые пути, судьбы и любовь теперь уже навеки связаны с Мелекессом. И жаль, что в Кошках нет такого памятника - ТАКИМ людям!

В.Устинов

Сестра летчика-героя Львова - Евгения (слева) и хозяйка дома, где квартировали Львовы, - Клара Устинова (в шлемофоне летчика)

Александр ЧЕЛЫШЕВ

Строки мои боевые...

МОЛОДЫЕ ВЕТЕРАНЫ

Парад победы снова в мае
И, хоть не брали мы Рейхстаг,
Мы все немножко воевали,
Нас помнит тоже битый враг.
Мы с ветеранами седыми
Стоим в строю - к плечу плечо.
Мы - ветераны молодые,
И есть «зеленые» еще...
Все слышали, как воют мины
И видели, и кровь, и боль,
Не потому ли мы седые
Что видели войну с тобой?
Огнем встречали нас засады,
И в спины нож вгоняли нам...
Сжимая зубы от досады,
Мы помним каждый свой «Афган».
Мы столько стран прошли с боями:
«Афган», Камбоджу иль Чечню...
Там, где побывали сами,
Где оставляли боль свою!

Ангола, Косово, Вьетнам -
Везде бывал российский стяг.
Мы побывали даже там,
Объединялся где наш враг..
Храним мы наши честь и гордость,
И братство наше на века.
Как вы, мы ненавидим подлость,
Крепим десантные войска!

ПЕРЕВАЛ

Как страшно, что теряем мы друзей.
Как страшно - кто-то снова не вернется!
Так, за помин души, полнее лей, -
На свете том пусть и братве икнется...
Из одного мы ели котелка,
Одним кусочком мыла умывались,
Все было - на двоих всегда, пока
Граната та в ногах не разорвалась!
Как в ступоре на койке я сажу,
Передо мной: «эрдэ», берет и тельник,
На место друга, молча, я гляжу -
Я потерял в бою тебя, брательник...
То было утро рокового дня:
В сопровожденье рота уходила,
Ты под гитару пел лишь для меня, -
Хоть был известным в роте заводилой.
Мы перекрыли ротой перевал,
Колона дальше в горы уходила,
Никто из нас пока еще не знал,
Что банда из ущелья выходила.
«Алах-акбар!» - звучало над горами,
В ушах стоял лишь треск очередей,
Мы снова укрывались за камнями,
Все громче слышал выстрелы друзей.
Кончался бой и «духи» разбегались, -
Мы отстояли этот перевал.
Отчаянно тогда ребята дрались,
Что ж впереди, - никто еще не знал!
И вдруг - граната тихо прошуршала:
Упал на камни там сраженный брат...
А солнышко в горах во всю вставало,
И встал у тела молча наш десант.
Что напишу я матери в деревню?
Я не найду для утешенья слов!

Надеюсь, все же, – даже твердо верю:
Весть о тебе впорхнет под отчий кров.
И над могилой той и летом, и зимой
Цветы живые будут колыхаться.
За что же ты погиб, братишка мой,
Лишь в памяти людей сумеешь остаться?!
Нет, не забудем мы своих друзей, -
Кто в смертный час нас прикрывал собою!
Давай, дружбан, по третьей нам налей:
Помянем смелых водкой со слезою...

ОТВЕЧАТЬ ЗА ВСЕ ПРИДЕТСЯ...

Мы вернулись домой из ада,
И обидно нам, – кто воевал, -
Тут - чиновник сидит мордатый:
«Я в «Афган» вас не посылал!».
Мы ночами не спим в кроватях,
Что ж так сердце болит в груди!
В чем же мы перед ним виноваты,
Почему для него мы - враги?
Ведь мы честно тогда воевали,
Проливая кровь лишь свою!
Виноватые в том перед вами,
Что не сгнули в страшном бою?
Вы же - только с трибун орали,
За народ не болея душой.
Что же, правду за кривдой скрывали,
Пацанов отправляя в тот бой?!
На мешках вы сидите с валютой,
А народ на копейки живет.
Вы дрожите ночами лютыми -
Чуя, - время расплаты идет.
Отвечать же за все придется:
За поруганный свой народ!
И управа, конечно, найдется,
Время скорой кончины придет.
Ведь, пока мы в горах умирали,
Вы скопили свой капитал.
За народ только мы воевали,
А чиновник всегда воровал.
За Россию на все мы готовы:
Хоть, на смерть, хоть, на Высший Суд, -
Мы - России надежда, основа,
Вы - на теле ее – абсурд!
Как не любит народ свой чиновник,
Как не любит народ депутат...

А народ – наш «Батя», полковник,
И полки ему верных солдат!
Мы Россию с колен поднимем,
Возродим всю былую честь,
У врагов свое силой отнимем,
Мы – народ!
У народа всегда сила есть!

ПУЛЯ ДЛЯ НАС НЕ ГОТОВА!

Серег, друг, ты помнишь, мы с тобой
Прошли сквозь все невзгоды и печали?
Ты, стиснув зубы, говорил: «Не ной!»,
И, стиснув зубы, мы с тобой молчали...
По джунглям пробирались мы в ночи,
И было нам обоим очень жутко!
Ты в ухо мне шептал: «Братан, молчи!»,
Все, к тишине прислушиваясь чутко.
А если было трудно нам с тобою,
И, если нас война одолевала, -
Ты снова говорил: «Санек, не ной,
Мы все равно дотянем до привала!».
И где ж теперь, однополчанин мой, братан?
Зачем судьба нас злая раскидала?
Соскучился я по тебе, дружбан, -
Исполни «нашу», ротный запева!
И снова - лишь одна граната есть,
А в «магазине» - только два патрона!
Мы сберегли отвагу, волю, честь,
А значит, - для нас пуля не готова!

ЧТО, В РОССИИ ГОРЯ МАЛО?

Снайпер бьет на вскидку, сразу, -
На десятом этаже.
Как его свалить сразу?
Надоел он нам уже...
Мы по площади изрытой
Проползаем под огнем:
«Чехи» бьют из всех укрытий
С крыши, здания, окон...
А в Чечне - зима, морозы,
Новый год шагает тихо,
Вы зачем сюда угрозой,
Нас загнали – в это Лихо?!
«Паша-мерседес» гордится,
Словно лучший здесь боец...

Нам же что-то здесь не спится:
Скоро нам придет... конец.
Нам Грачева в Грозный надо:
Новый год пусть встретит тут!
Пусть посмотрит умным задом,
Как нас «чехи» круто бьют!
Все командовать горазды
Из Москвы да из Кремля...
А не едут к нам, заразы -
Знать, «до-фени» им война.
Мы ж, за что опять здесь бьемся,
И за что нам помирать?
Олигарх в душе смеется:
«Надо деньги отмывать!».
Эх, Россия, горя мало?
Надо б, больше и сильней!
Чтобы больше умирало,
Чтобы стало всем больней?
Ну, когда же будет тихо,
Мирно будем поживать?
А в стране не будет лиха,
Будет что-то пожевать...

НАДЕНЕМ СВОИ ОРДЕНА

Дед брал Берлин в сорок пятом,
Отец - на Даманский попал...
А я, если честно, ребята,
В «Афгане» потом воевал.
Кому было легче – не знаю.
Все мы - солдаты войны.
Я только теперь понимаю,
За ЧТО воевали они!
Да, деду досталось немало:
Пройти по Европе войной...
Но все это было началом, -
Потом мой отец принял бой.
Там, на далеком Даманском,
Погибло немало бойцов!
Мы помним их подвиг солдатский,

И чтим память наших отцов.
Затем, уже я - под Баграмом,
Душманский громил караван.
Боев, повидавший немало,
Я тоже скажу – воевал!
А в день нашей славной Победы
Наденем свои ордена -
Ее завещали нам деды
До самого светлого дня.
За общим столом соберемся:
Одна и большая семья,
Друг другу слегка улыбнемся -
Дед мой, отец, ну, - и я.
За память бойцов, по бокалам
Нальем в этот день мы вина,
Мы все повидали немало:
Дед мой, отец, ну, - и я.

Виктория ВОЛКОНСКАЯ

Чудовищная память

«Лучше бы мне задохнуться в твоих волосах»
М.С.

* * *

Ты забудешь меня, когда кончиться этот век,
Когда станешь ты незаметным для глаз и слуха
И, когда на земле родится вновь человек,
Что похож на тебя, похож не телом, а духом...
А пока - мы еще живем - эта память в нас,
Как звезда в кармане, как спичка в руках ребенка!
И ни в первый, ни в третий, и ни в последний раз
Она тихо зовет, а потом умоляет громко.
Я могла бы остаться с тобой и сгореть дотла
И тебя спалить, не оставив тебе пространства.
Да, легко говорить, только что я тогда могла, -
Если я над душою своею была не властна?!
Слишком краткий срок отмерила нам судьба,
Слишком страшный жребий: «Давно и не нами брошен»...
Лучше б мне задохнуться в твоих волосах тогда,
Чем остаться живой, но при этом в далеком прошлом.
И теперь - то ли я твои посещаю сны,
Или ты в мой сон врываешься, словно птица,
Только мы не расстались, и это ведь знаем мы,
Когда снова встречаемся на неземных границах.
Я забуду тебя, когда кончиться этот век,
Когда стану я незаметной для глаз и слуха,
И, когда на земле родится вновь человек,
Что похож на меня, похож не телом, а Духом!

* * *

Я вся в мечтах, лишь слышу Вашу речь!
Я умиляюсь Вашей сединою!
Моим мечтам под Вашим взглядом течь
И арфой петь над вашей головою!
Какой разбой, подумают, пассаж!
Пусть думают, а мне-то, что за дело!
Коль милый, как с иконы, профиль Ваш
Судьба на сердце выжечь захотела!
Волной огня отброшена корысть
Весь мир я из-за Вас в любви купаю,
И, усмирённой, под ноги, как рысь
Дорога стелется, протоптанная Вами!
О, будьте рядом, будьте где-то здесь -
Скитайтесь по моим волнам восторга.
Мне нужно знать, что Вы на свете есть,
Мне нужно верить в милосердие Бога!

АНТИКВАРНОЕ ПИСЬМО

Когда-нибудь, лет через двести,
А может, быть через триста,
Получишь письмо в конверте...
И вдруг почувствуешь страх...
Там будет дубовый листик,
Кусочек атласной ленты
И чьи-то чужие письма,
Написанные в стихах.
Ты будешь читать их долго,
Покажется все знакомым -
И тема любви запретной,
И описание встреч...
И станут тесными стены
Большого мрачного дома,
И яркое вспыхнет пламя
Почти догоревших свеч.
Тебе захочется снова
Почувствовать запах сирени...
Ты взглянешь в окно невольно,
А за окном гроза...
Тогда ты выйдешь из дома,
Уже не считая ступеней
И, непонятной любовью
Зажгутся твои глаза...

«Какие были поэты,
Как сильно писать умели!», -
Подумаешь ты и с грустью,
Смахнешь скупую слезу....
Жаль, я не увижу это -
Я буду лежать в колыбели,
А мама гулять не выйдет
Со мной в такую грозу.

КАРАВЕЛЛА

Без ветра – как смело!
Без счастья – как жалко!
Плывет каравелла
Под парусом ярким,
По небу ночному,
Средь млечных туманов
К небесному дому
В надежную гавань!
Плывет каравелла,
Сквозь дни и столетья,
К великой любви
На далекой планете:
Где Солнце - пожаром
Не падает в воду,
Где белым кристаллом
Отводят невзгоды,
Где теплые ночи,
Где звездные вьюги,
Где мы растворимся
Навечно друг в друге.
Плывет каравелла
В небесную пристань,
Ты видишь, как смело?!
Ты видишь, как быстро?!
Все мимо, все мимо,
Сквозь дни и столетья...
До встречи, любимый,
На нашей планете!

**27 января - День памяти
А.С.Пушкина**

Алевтина ЗАЙЦЕВА

«Я вас любил...»

Александр Сергеевич Пушкин велик во всём.

Его литературное наследие воспитывает поколение за поколением россиян. Оно признано гениальным всем миром.

Явившись, как бы лабораторией сплавов двух культур русской и французской, он совершил подвиг - стал предтечей, родоначальником литературного русского языка.

Велик Пушкин в своей простоте, в величайшем даре предвидения и даже в смерти, погибнув в бою с оружием в руках, защищая честь любимой жены.

Александр Сергеевич велик в своём отношении к женщинам. Он боготворил их, они были для него музами.

МУЗЫ ПУШКИНА

Одна из первых Муз поэта
Звалась Натальей Кочубей.
Не состояться встрече этой,
Не юность если б, не лицей.
Позднее в чувственном обмане
Когда черновики писал,
Татьяну Ларину в романе,
Сперва, Наташей называл...
Екатерина, друг прелестный
Была виденьем пылких снов.
В дар для Букуниной, известно,
Немало пушкинских стихов.
Мария и Екатерина:
Сестёр Раевских нет милей,
К ним чувств бескрайняя равнина.
И Анна - по душе - Гирей.
Кружила голову и Ризнич:
Сложна с замужнею любовь...
«Олеко» правит по ней тризну, -
Влеченьем не взыграет кровь.
И не его Елизавета.
От Воронцовой без ума.
Она любила в нём поэта,
Но в чувствах холодна была.
От той любви на память перстень,
В сердцах сожжённое письмо.

Роман их просто неуместен, -
Судьбы совместной не дано.
Стройны, умны и так красивы!
Был образ каждой им воспет.
Будили страстных чувств приливы -
Керн и Оленина Аннет.
Кузины для поэта были
Дарами Муз и божеством,
Мгновенья счастья с ними плыли,
Сливаясь в сказку, Волшебство.
Слова стихов, что сердцу милы,
Слагали лирой им хвалу
И, сладко голову кружили,
Как будто в танцах на балу...
Но вот пришла и - всех затмила
Его Мадонна, наконец!
Любовь фонтаном в нём забила,
Лишь с ней путь выпал под венец.

«ГЕНИЙ ЧИСТОЙ КРАСОТЫ»
(Анне Керн)

Она не раз ему являлась,
«Как гений чистой красоты»,
Но в ней любовь не зарождалась,
Не набирала высоты.
Стихи его боготворила,
К нему же - льдиною была,
А страсти огненная сила
Поэта сердце жгла, и жгла...
В разгаре пламенного всплеска
Романс ей Пушкин посвятил,
А гений-Глинка этим блеском
Мир музыкальный озарил.
Шло время. Анна изменилась,
До кавалера снизошла.
В томленье чувство затемнилось,
Любовь от Пушкина ушла.
В последний путь её неожиданно
Пред изваяньем провезли...
И - судьбы Пушкина и Анны
Снега навеки развели.

УВЫ, ОТКАЗ!
(Олениной Аннет)

Отдал ей Пушкин жар души,
Рука и сердце - предлагались.
Родительский отказ, увы!
Послания лишь к ней остались.
Стихи к Аннет обрамлены
Рисунками: волос иль ножки,
Печалью все испещрены,
Что не торить единой стёжки!
Он знал, что только на листке
Оставит след. И безнадежно.
Желание - рука в руке, -
Любил так искренне и нежно.

МАДОННА СТАЛА ДРУГОМ И ЖЕНОЮ

В Москве поэту довелось родиться,
Писать он начал в северной столице.
Там творчество его без предисловий
Легло на души всяческих сословий.
Но к Пушкину Москва вернулась снова,
Тому - дом на Никитской стал основой,
Наталя в нём, божественно красива,
Влекла к себе неукротимой силой.
Мучительно с ней было жениховство...
В нём жили постоянно: беспокойство,
Отказы, объясненья, проволоочки...
Но - пережиты наконец-то все отсрочки -
Поэту храм Святого Вознесенья
От кризиса душевного – спасенье!
Мадонна стала другом и женою,
Счастливой долей, сбывшейся мечтою.

ДОМ-МУЗЕЙ НА АРБАТЕ

Когда-то Пушкин на Арбате
К себе - в дом Хитрово - входил.
Тех дней не мыслим о возврате,
Но знаем, чем тогда он жил.
То было - свадьбы ожиданье,
К прекрасной барышне любовь
И «Светлое существованье»,
Венчанье, бал и - жизни новь.

Ведут о том воспоминанья
Конторка, столик Натали...
Нетленны слава и признанья
Кумира. Гордости земли.
Любого в доме на Арбате
Чарует комнат пустота...
В них слово гения во злате,
Полёта мыслей высота.

ДАЁТ РАСТИ ЛЮБВИ ОКОВАМ...

Ей восемнадцать, - чудо-годы!
Он старше, - прожил тридцать два.
Бывало, Пушкину невзгоды
Не раз готовила судьба.
И некрасив, и низок ростом,
Она - красавиц эталон!
Завоевать любовь непросто,
Но терпелив, настойчив он.
Без назиданий, добрым словом,
Улыбкой, нежностью, хвалой
Даёт расти любви оковам
Он в сердце барышни былой.
Со временем, на удивленье
Кокетка, - напрочь сражена.
Родилось рук его творенье –
Позту верная жена.

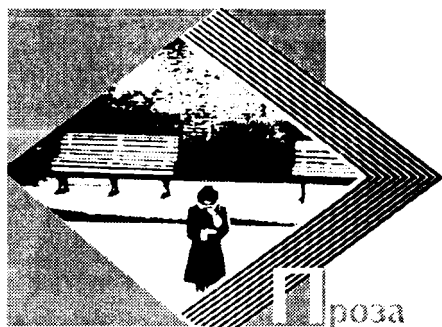
БЕЗЗАЩИТНА КРАСОТА

*«Красота моя от бога...»
Н.Н. Гончарова...*

Золото бездонное в глазах,
Взлёт бровей богини горделивый,
Глянец перламутра на зубах,
Благородство черт неповторимых.
Крест нелёгкий диво-красоты,
Прелести её венец - терновый
В светской атмосфере пустоты
Карой стали для неё суровой.
Злоба, клевета вокруг - рекой,
Вся в ухабах трудная дорога,
Пошлость, как удушливый прибой.
Беззащитна «красота... от Бога»

МАДОННА

Нет, не была она виновна,
Нет, не могла она предать -
Его звезда. Его Мадонна,
Его детей любимых мать.
Любил в ней Пушкин душу больше
Её прекрасного лица,
Нет ничего на свете горше
Любви их близкого конца.
Среди красивых, но обычных,
Она - как редкостный цветок
С натурой тонкой, поэтичной
Для мужа - радости исток.
Неправды строчки не сложила
И не скрывала ничего.
Лишь им жила, им дорожила
Она. Любила лишь его.
Скромна, мудра, немногословна.
Собой затмила высший свет.
Косые взгляды, осы словно,
Впивались жалом в пышный цвет.
Шептали про Царя, Дантеса...
Её пытались очернить,
Кинжал, вонзая до эфеса, -
В произошедшем обвинить.
За чувство к Пушкину, за верность
Интриги гнусные плелись.
Свет не терпел его известность,
К ним - месть и ненависть слились.
Поэт той местью, безусловно
Убит. Отечеству рыдать!
Мадонна не была виновна,
Пора мирской суд закрывать...

Александр НИКОНОВ

Я иду к тебе, сынок!

(отрывок из романа)

Мать-одиночка получила от сына письмо, в котором он сообщает, что его часть перебрасывают на Кавказ. Куда перебрасывают, он не знает. А в Грозном уже идёт операция «по наведению конституционного порядка». Мать бросается на поиски единственного сына. Москва, Моздок, Грозный, воинские части, госпитали, сидение в подвалах, Гудермес, встреча с самым мятежным генералом – это пути, где побывала героиня романа Мария Святкина. И вот она отправляется в один из горных аулов, где, по некоторым сведениям, может находиться её единственный сын...

1

Чтобы не рвать душу расставанием с Катей, Маша наскоро поела, обнялась с подругой и ушла. Уже через час она стояла на выезде из города. Мимо в обе стороны шли и шли машины, но ни одна из них так и не затормозила около неё. Объезжая воронки, ухабы и ямы, ползли грузовики, бензовозы, военные колонны, трактора и легковушки. Последние были набиты и нагружены так, что Маша удивлялась, как они вообще могли двигаться.

Подняв руку, словно гаишник на бойком перекрестке, Маша простояла часа два, потом, отчаявшись, села на опушённую первой ярко-зелёной травой обочину и отвернулась. Злилась на каждую проезжающую мимо машину, сквозь зубы костеря, на чем свет стоит бездушных водителей, хотя и понимала, что большинство из них не виновато в её беде. Вот проскочил зеленый узик с «мигалкой» наверху, а следом за ним потянулась длинная военная колонна, состоящая из танков, БТРов, грузовиков с солдатами, поднимая пыль и оглашая

окрестности невероятным скрежетом, грохотом и воем моторов. Вот колонна уже прошла, когда внезапно раздался скрип тормозов и крик:

— Эй, бабка, куда путь держишь?

Маша огляделась вокруг, пытается понять, к кому был обращён вопрос, но кроме себя никого не обнаружила. Значит, это к ней. Бабка! Она подняла голову и прямо около своих ног увидела высокие колеса военного грузовика. Из открытого окна кабины выглядывал простоволосый смеющийся военный. Увидев лицо Маши, он загасил улыбку, открыл дверцу и, ловко спрыгнув на землю, сказал:

— Извиняюсь, принял вас за бабульку. Сзади вы не такой молодой выглядите. Куда путь держим? Можем подбросить.

Маше не понравился игривый тон офицера, но выбирать было не из чего, она встала, оправила юбку и ответила встречным вопросом:

— А вы куда? Может, нам и не по пути.

Майор рассмеялся:

- Вы, я вижу, женщина умудрённая.

— Пожила, кое-что и кое-каких повидала.

Маша заметила, что майор был явно навеселе. Его блестящие глазки играли чертенятами, щеки даже сквозь небритую щетину лоснились и полыхали утренней зарей.

— Так куда же едете? — снова спросила Маша.

— Ну, вообще - то это военная тайна, — снова со смехом ответил офицер, — но вам скажу — перебазировемся поближе к Шали. Ну что, по пути?

— Ну, если это военная тайна, то я тоже помолчу.

— Ну вот, уж сразу и обиды, — словно бы обиделся и майор.

— Тогда скажите, через Терменчу проезжать будем?

— Конечно, будем, туда другой дороги нет. Вон, — обвёл он рукой вокруг, — везде одни горы, через них не полезешь.

По природной женской осторожности Маша всегда сторонилась пьяных и назойливых мужиков, но сейчас выбора у нее не было, — когда ещё подвернётся попутка, да и шофёр ещё есть — и она решилась:

— Ладно, поехали. Только без рук. Понял?

— Да понял, понял. Нежные все какие! Ничего с тобой не случится. Садись, давай...

Маша никак не могла влезть на высокую ступеньку, майор осторожно подсадил ее, обхватив руками за талию, подал рюкзак, а потом сел сам. Маша оказалась рядом с молоденьким солдатом-водителем. На нём была такая затасканная, пропитанная грязью и маслом одежда, что Маша невольно от него отодвинулась. Майор это заметил:

— Н-да, хреново нас экипирует родная власть. У шоферов даже сменной, рабочей одежды нет, а ведь по уставу положено. Но у нас, на Руси, видно, всегда так: что положено, все в котел заложено. А вот кто хлебает из этого котла, никто не знает. Кто-то на этом наживается, и крупно, я вам скажу.

Майор открыл «бардачок», достал оттуда полуторалитровую бутылку из-под лимонада, отвинтил пробку и, далеко назад запрокинув голову, сделал несколько глотков. Маша по запаху поняла — водка или спирт. Поморщившись, майор предложил:

— Не хотите глоток?

Маша повертела головой.

— С утра не употребляю.

— А вечером?

— А на ночь тем более.

— Ну, как хотите. Может, познакомимся?

— А зачем? Скоро расстанемся, и вряд ли еще встретимся.

— Как знать, — многозначительно ответил майор. — Вы знаете, сам я из деревни, но редко там бываю — служба. Друзей детства давно не видел, а так хочется иной раз встретиться, поговорить, вспомнить. Да всё не удавалось как-то. А тут приехал по служебным делам в Москву, иду по Красной площади, а навстречу мне мужик с такой дородной дамой. Ну, мужик и мужик, мало ли по столице их бродит. Он на меня так: зырк, зырк! Я тоже - на него, думаю, может, из знакомых кто. Смотрю и не узнаю. А он так осторожно: "Толя, ты?" Я говорю: "Я". "Не узнаешь?" Нет, говорю. И вы понимаете, это друг детства мой оказался, Вовка Пичугин! Вместе купались, вместе по огорода лазили, вместе по девкам бегали. И надо же — не узнал! И главное — где встретились-то! В Москве, на Красной площади!

— А там вся Россия встречается, — ответила Маша. — Пуп земли...

Неожиданно майор заорал на шофера:

— Куда смотришь, засранец! Не видишь, колонна останавливается! На дорогу надо смотреть, а не на баб!

Машина, свистнув воздушными тормозами, остановилась, как вкопанная, и пассажиры кинуло вперед. Майор снова накинул на водителя:

— Ты что, тормозить, как следует не научился? Отстраню к ё... матери, pošлю в стрелковый взвод, будешь там пузом землю гладить, а дурной своей головой пули ловить.

Водитель-мальчишка сидел красный, как вареный рак, бледные губы его дрожали, а расширенные от страха глаза смотрели прямо перед собой. На лице его не было никаких эмоций, кроме страха и унижения.

— Ну, чего сидишь, как истукан? Иди, посмотри, что там случилось! — снова заорал майор.

Мальчишка ответил:

— Есть, товарищ майор. — и, выскочив из машины, побежал вперед. А майор добавил вслед:

— Говнюк хренов!

— Зачем же вы так, — укоризненно произнесла Маша. — Ведь он совсем мальчишка, в сыновья вам годится, а вы орёте на него, как на врага.

— Потому что с ними иначе нельзя — на шею сядут и не слезут, уж поверьте мне, — всё ещё скрежеща зубами, ответил майор. — Я двадцать с лишним лет в этом армейском говне плаваю, и знаю, что говорю. У меня их тридцать с лишним гавриков, и если с каждым буду сюсюкаться, то они всё моё хозяйство растащат и пропьют, и всю матчасть, и технику к ё... матери уграбят. А отвечать, между прочим, придётся мне, вот этим местом. — И он похлопал ладонью по багровому загривку.

Отхлебнул из бутылки и снова вскипел:

— Ну, какого хрена он там делает!

Майор вывылился из машины, держась за дверцу, и, покачиваясь, пошел вперед. Маша уже пожалела, что согласилась ехать с этим полупьяным идиотом, но назад пути уже не было — не оставаться же здесь, посреди поля и гор. Она просидела несколько минут и, так и не дождавшись никого, решила немного размять ноги. Маша вылезла из машины и встала на обочину, стараясь рассмотреть, что происходит впереди.

Голова километровой колонны заворачивала влево и исчезала за скалами. Впереди она видела лишь несколько машин, круто вздымающиеся заснеженные склоны, за которые местами цеплялся чахлый голый кустарник и три уродливые сосны. Маша прошла на другую сторону дороги и увидела скопление военных. Ниже по склону, километрах в двух от дороги, пылали три бронетранспортера, над которыми дымы черными кистями мазали голубое небо. Башня одного из них валялась метрах в двадцати от машины, а другой, пытавшийся неизвестно зачем влезть на скалистую стену, стоял почти вертикально. Отсюда, с высоты, они казались совсем игрушечными, будто в них играли дети, а потом, бросив, убежали.

Но вот голова колонны ожила и поползла вверх. Через несколько минут прибежал майор с водителем и сели в кабину. Солдат завёл двигатель, а майор снова потянулся к «бардачку», но, увидев, что бутылка почти пуста, махнул рукой:

— Глуши, я сейчас в кузов слазаю.

Солдат послушно заглушил мотор, но нашёл мужество сказать:

— Товарищ майор, отстанем же. А тут кругом “духи”.

— Я что тебе приказал! — заорал майор и, увидев застывшее бледное лицо парня, добавил: — Вот так и торчи. Что, в штаны нассал?

Маша слышала, как майор залез в кузов и загремел какой-то посудой. Она посмотрела на чуть не плачущего парня, спросила:

— Как тебя звать, сынок?

— П-Паша.

— Сам-то ты откуда?

— С Волги.

— Ну, Волга большая.

— Самарский я.

— Родителям-то пишешь?

— Нет.

— Почему? Ведь они же беспокоятся.

— А о чём писать-то? Радостного тут мало. — Парень вздохнул.

— Так ты хотя бы напиши, что жив, здоров. Родителям больше и не надо.

— Они не знают, что я здесь. Я добровольцем записался.

— Зачем?

— А там, в части, били.

— За что?

— А ни за что. Скучно, вот и били.

Маша больше не хотела травить душу парню, но всё-таки спросила:

— А этот, майор-то, всегда такой?

Паша боязливо повернул голову, прислушался к шумам в кузове и промолчал.

— Ты бы хоть пожаловался кому-нибудь, ну, есть же у вас старшие командиры. Ведь нельзя же так.

— В армии этого не любят. Если пожалуешься, — прошептал он, — ещё хуже будет. Я один раз пробовал, так потом из-под машины целую неделю не вылезал.

— За что же он тебя так ненавидит?

— А он со всеми такой. А когда пьяный... Крыса тыловая! — вдруг прорычал Паша.

У Маши внутри всё клокотало от негодования, ей так хотелось сказать этому майору что-нибудь бабское, “ласковое”. Но в то же время она понимала, что своим вмешательством только навредит парнишке. Скоро довольный майор с любимой “гранатой” в руках влез в кабину и приказал:

— Трогай! — Он тут же отхлебнул из горлышка, кинул в рот несколько зёрен арахиса и подмигнул Маше. — Это - положенные, фронтовые. — И заржал.

Маша спросила:

— Вы, наверно, в больших должностях ходите?

— Я-то? Моя должность самая наиглавнейшая в армии. Еще великий Суворов о ней сказал, что если интендант прослужил хоть год в обозе, его смело можно сажать в тюрьму. — Майор снова захохотал. — Я уже двадцать второй годочек дослуживаю, и ничего. Потому что без меня всё это сраное воинство через несколько дней от голоду загнётся.

Маша смолчала, но потом показала на горящие внизу машины и спросила, чтобы как-то обойти неприятный разговор:

— А что же здесь случилось?

— Видно, утром в засаду попали, вот их и накрыли. Одно слово — бабочки. Они летать только умеют, а как спустятся на землю, так в червяков превращаются, — добавил майор с ухмылкой.

— Какие бабочки?

— Да - десантура. — И майор пропел: — А бабочки крылышками бяк-бяк-бяк. Влетели мужики здорово.

— Товарищ майор, — вскрикнул вдруг Паша. — Смотрите, вон там, у дерева!

— Ну, чего ещё, — недовольно проворчал командир, взглядываясь сквозь стекло. — Не вижу ничего.

— Да вон же, вон стоит, парень какой-то!

Здесь и Маша увидела, что у левой стороны дороги, прислонившись в дереву, стоит щупленький солдат с двумя автоматами, один из которых висел на плече, а другой на груди. Солдат отчаянно махал руками, призывая остановиться. Одно ухо его шапки свисало вниз, грудь была нараспашку, на которой зёброй выделялась тельняшка, вся его одежда была изодрана в клочья, а руки и лицо — в грязи и копоти.

— Чёрт его знает, кто он такой, — промычал майор. — Ну, ладно, Матюхин, остановись.

Когда машина остановилась, майор вытащил из «бардачка» пистолет, опустил стекло и, высунувшись по пояс из окна, крикнул:

— Ты кто такой? Как очутился здесь?

Вместо ответа солдат показал на горящую технику, а потом подошёл и сказал, посмотрев на погоны:

— Товарищ майор, нас тут утром боевики подловили. Выручайте, там друг мой лежит, раненый, его срочно в госпиталь надо, а то он умрёт. Помогите, пожалуйста, товарищ майор.

Парень чуть не плакал, постоянно шмыгая и размазывая рукавом по лицу то ли пот, то ли грязь, то ли слёзы, то ли сопли. Он с такой надеждой смотрел на офицера, что его расширенные глаза были похожи на светлые блюдца с двумя нарисованными на донышке голубыми озерами.

— А ты что же колонну-то не остановил? Ведь она только что перед нами прошла?

Солдат с открытым ртом смотрел на офицера и молчал, будто не понимая.

— Да ты что, глухой, что ли?! — заорал майор.

Солдат чуть улыбнулся, закивал головой и забормotal:

— Да, контузило меня, слышу плохо. — Он снова показал рукой на обочину.

— Там друг мой раненый лежит. Его взять надо.

— Ты колонну видел? — закричал майор, вылезая из кабины.

— Видеть-то видел, да не успел я. Серегу тащил.

Майор помялся, потом нехотя ответил:

— Ну, ладно, давай показывай, где там твой друг.

Маша тоже вылезла из кабины и пошла за ними. Раненый лежал, приваленный головой к валуну, неловко подвернув правую руку под себя, и тяжело дышал. Низ его тела, от самого бедра до сапог был пропитан кровью, руки и бушлат были испачканы какой-то бурой массой. Лишь приглядевшись внимательнее, Маша поняла, что этой бурой массой была мешанина из крови и глинистой земли. Бурая, кровавая полоса тянулась через кусты к тому месту, где еще дымились подожженные машины, и Маша удивилась, как этот шупленький солдатик смог дотащить вверх по склону своего товарища да ещё его оружие с полным боекомплектom.

Майор наклонился к раненому, чуть не упал, потеряв равновесие, хотел пощупать пульс на запястье, но вдруг брезгливо отдернул руку, потом приподнял его веки, посмотрел в безжизненный глаз и спросил:

— Что у него?

— Осколком ему в бедро попало, — ответил солдат и заныл снова: — Товарищ майор, его бы поскорее в госпиталь. Товарищ майор, а то умрет.

— Ну куда же я его возьму, мне же совсем в другую сторону! — закричал вдруг майор. — Ещё умрет по дороге, а я потом отвечаю за него. Ты вот что, парень, лови машину в сторону Грозного, там его в госпиталь хороший определяют.

— У вас же в колонне есть санчасть, я сам видел! — сорвался парнишка, и сейчас в его голосе звучала уже не мольба, а твердость металла. — Ведь он же умрёт, товарищ майор!

— А я что могу поделать, ведь я не врач и не санитар, — ответил майор и развернулся, чтобы уйти.

Здесь уже не выдержала Маша:

— Послушайте, майор, в вас есть хоть капля жалости? Неужели так трудно помочь этим несчастным ребятам? Посмотрите, ведь этот Серёжа еле жив, и если ему...

— Слушай, ты... Ты кто такая, чтобы здесь командовать? Вот оставайся здесь и помогай, если тебе так хочется, а я — пас...

Майор развернулся и уверенно пошёл к машине. Маша смотрела ему вслед, не зная, что делать, как остановить этого безжалостного человека, как и какими словами достучаться до его разума и совести. И вдруг позади себя она услышала, как парнишка, который и сам-то еле держался на ногах, передёрнул затвор автомата и не своим голосом закричал:

— А ну, стой, гадина! — Майор застыл на месте, словно увидел под ногами гремучую змею, и выронил свой пистолет. — Если вы его не возьмете, я пристрелю вас, как... Я могу остаться здесь, но его, Серёгу, надо взять, товарищ майор, — дрожащим голосом добавил солдат.

Майор через силу повернулся и, увидев направленный на него ствол автомата, сразу изменился в лице: багровость открытых частей его тела постепенно сменилась мертвенной бледностью. Он с трудом проглотил комок в горле, поднял руки и, запинаясь, сказал:

— Да ты что, сынок, ты опусти автомат-то, а то он может ненароком и выстрелить.

Но солдат уже не контролировал себя, губы его плясали, по щекам, оставляя белые бороздки, текли слезы, а он кричал:

— Я что сказал, с-сука! А ну бери его и грузи в кузов! Ну!

Майор как-то устало и безнадежно посмотрел на готового ко всему солдата, махнул рукой, подзывая на помощь водителя. Пашка пулей вылетел из кабины. Маша тоже шагнула вперед:

— Давайте, я вам тоже помогу.

Они втроем грузили раненого под дулом автомата. Когда солдат убедился, что его друг уже в кузове, он тоже перелез через задний борт, снял с себя бушлат, подложил его под голову раненого товарища и спокойно приказал:

— А теперь поехали.

Когда Маша забралась в кабину, она услышала скрип зубов и шипение майора:

— Ну, погоди, сучёнок! Гадёныш! Тебе это так просто не сойдёт!

2

Когда догнали почему-то вновь остановившуюся колонну, раненого унесли санитары, а щупленький, усталый солдат побрел следом за носилками, волоча один автомат по земле. И во всей его фигуре и походке чувствовалась не обреченность или страх, а гордость за выполненный долг солдата. Маша смотрела ему вслед, и её переполняло чувство восхищения этим пареньком, который не бросил своего товарища на поле боя. И она подумала, что именно вот такие солдаты и выпрыгивали на Руси все войны: неприметные, двужильные, верные и честные до последнего своего вздоха.

Колонна не двигалась, а минут через двадцать на востоке появились два боевых вертолета. Похожие на огромных летающих крокодилов, они долго кружили над одним и тем же местом, словно хищники, высматривающие свою добычу. Но вот с одного из них выплеснулись две огненные струи, затем еще две. По горам прокатились громы от взрывов, разнося их гул по ущельям,

отрогам и речным долинам. Раскаты этих громов разбивались об отвесные стены древних гор и грохочущей колесницей катились дальше.

Маша стояла вместе с Павлом у машины и, приложив козырек ладони к глазам, наблюдала за вертолетами. А Паша по-мальчишески, с криком, комментировал:

— Видно, “духов” мочат! Так им и надо! Как раз по нашей дороге. Если бы не задержались, точно угодили бы в эту ловушку. Ага, опять в атаку пошли! Во дают мухи! Здорово!

Пришел майор. Ни на кого не глядя и ничего не говоря, он тут же залез в кабину и глотнул разведённого спирта. Побагровел он, кажется, еще больше, и лицо его походило на отваренную очищенную свеклу. Видно, он с кем-то вёл тяжелый разговор, после которого немного протрезвел. Вот майор вылез из кабины, долго топтался и нервно курил, потом вышелкнул окурочек из руки и неожиданно крикнул:

— Матюхин, в седло! Да поживее, что ли, живой труп!

Майор снова залез в кабину, выбросил на обочину машин рюкзак и объяснил:

— Все, приехали, остаёмся здесь. Боевики ущелье перекрыли, пока их оттуда не выбьют, с места не тронемся.

Грузовик находился уже где-то в середине колонны, а Маша все ещё хлопала глазами, огорошенная таким оборотом дела. Военные были заняты своими делами: они разводили машины по безопасным местам, устраивали блокпосты, разбивали палатки, одним словом, занимались обычными бивучными делами. Она видела, как несколько бронемашин с десантом на броне разбегались в разные стороны: видно, командование заботилось о ночлеге и рассылало дозорные и разведывательные отряды.

Маша долго стояла у дороги, надеясь всё же уехать. Вечерело. На дороге появлялись редкие машины, но никто и не думал останавливаться. Наконец Маша махнула на всё рукой и отошла подальше в кусты, чтобы справить нужду и перекусить. Банка томатных консервов, кусок Катиного сала и огурец с хлебом несколько повысили ей настроение, но через некоторое время страшно захотелось пить, а воды у неё не было. Она видела внизу небольшую речушку, до которой можно было добраться за пятнадцать-двадцать минут, но, поразмыслив, решила не рисковать: мало ли кто прячется вон за теми черными скалами.

Она побрела вдоль дороги к военному городку, надеясь там найти воду, и постоянно оглядывалась назад, всё ещё надеясь поймать попутку. Но с наступлением сумерек движение становилось реже и реже, а скоро на дороге и вовсе установилась тишина, изредка нарушаемая лязгом железа, хлопаньем автомобильных дверей и гоготанием беззаботной солдатни.

Маша подошла к группе солдат, которые устроились на ящиках из-под снарядов у бронемашин, травя сальные анекдоты, и спросила:

— Ребятишки, у вас не найдется попить, умираю от жажды.

Кто-то протянул ей фляжку, и она сделал несколько глотков тёплой, чуть солоноватой воды, поблагодарила. Постояв, решила вернуться на дорогу, но тут её кто-то остановил вопросом:

— Это не вы с нашим майором Дробитько ехали?

И, хотя Маша не знала фамилии майора, она ответила:

— Да. Он что, ваш командир?

Несколько солдат негромко хохотнули, а тот же голос ответил:

— Да какой он командир, пропойца хренов, он и сейчас, наверно, с прапорами гуляет. Вот Пашку он совсем затыркал, говнюк! А на дорогу вы сейчас не ходите, всё равно никуда не уедете.

— Ну, что ж делать, наверное, придётся ночевать здесь, — устало ответила Маша. Она присела на камни и увидела, что к этой же группе подходит Паша Матюхин. Он тоже её заметил, подошёл, спросил:

— Вы так и не уехали?

— Да нет. Видно, придется с вами в дозоре стоять, — отшутилась она. — А как, кстати, тот раненый, десантник с дороги?

— Санитары сказали, что жить будет. Его уже отправили в Грозный, в госпиталь.

— А второй парнишка?

— Тот дрыхнет в моей машине. Он, как только увидел, что его дружку сделали перевязку и он пришел в сознание, сразу есть попросил, а потом тут же заснул. А вы сами-то где собираетесь ночевать? — спросил Паша.

— Да обойдусь как-нибудь. Вот прямо с вами и устроюсь, в жизни и не такое бывало.

— А то можете устраиваться в моей машине, там место есть, и накрыться чем найдется — в кузове брезент лежит, — предложил Паша. — А я с ребятами пока здесь побуду.

— Где майор-то твой?

— Его до утра теперь не будет, у него там дела какие-то, — отворачивая лицо, ответил солдатик.

Паша отвел её к своему грузовику, отвернув язык брезента, залез в кузов, потом помог взобраться ей и показал место у самой кабины. В правом переднем углу выдавал соловья солдат-десантник. Он спал, свернувшись калачиком, накрывшись коротким бушлатом и краем брезента, крепко прижав к животу свой автомат. Маша легла на брезент, завернув его край на себя, и долго смотрела через просвет на яркие звезды Кавказского неба, пока сон совсем не сморил её, отдаляя от неё все звуки, запахи и переживания этого мира.

Маша проснулась и сразу почувствовала что-то неладное. В кузове, в правом углу, раздавался шум борьбы, сопение, мычание, топот ног и глухие, бухающие удары. Кто-то изредка стонал и вскрикивал, но потом донеслось приглушенное мычание, будто кому-то зажимали рот. Маша ясно понимала, что происходит, но страх парализовал её так, что она не могла подать голоса. Возня в кузове разгоралась все сильнее. Кто-то задыхающимся голосом произнес:

— Вот, гадёныш, ещё и кусается. А ну, врежь ему промеж глаз!

Кто-то наступил на её ногу, и Маша невольно вскрикнула.

— Эй, — раздался шёпот. — А ну, тихо! Тут ещё кто-то есть!

Вспыхнул фонарик, и луч света нашупал её лицо. Кто-то удивленно прошептал:

— Гля, мужики — баба!

И только теперь Маша поняла, что все находящиеся в кузове смертельно пьяны: от них исходил тошнотворный сивушный запах, который потянул её на рвоту. Снова зашептались, фонарик погас, и Маша поняла, что это конец. Она уже захотела закричать, но уже через несколько мгновений на неё кто-то упал, зажимая рукой рот, кто-то держал ее за руки и ноги, а чья-то нетерпеливая и потная рука стягивала с нее теплые гамаши. Она с силой выдернула правую ногу из клещей и что есть силы наугад кого-то ударила. Видно, попала она в самую точку, потому что кто-то шмякнулся об борт и прошипел:

— Вот с-сука! Ну-ка, вдарь этой падле в пасть, она мне все кишки отбила!

В это же мгновение в мозгу Маши вспыхнула молния, и следом за ней наступила чернота, тишина и покой...

3

Маша очнулась от того, что кто-то царапал её руку. Она инстинктивно отдернула её, тут же открыла глаза и увидела, что с руки вспорхнула какая-то серенькая птичка и, чирикая, села на дерево, под которым лежала Маша. И ещё она увидела, что в руке, с которой вспорхнула птичка, был зажат какой-то грязный волосатый комок, напоминающий клочок овчины. Маша почувствовала на лице прохладу, другой, свободной рукой провела по щекам, размазав слезы. Она почему-то была уверена, что это были именно слезы, хотя и не помнила, что плакала. Маша с минуту смотрела на зарождающуюся в небе синеву утра, на очертания гор, на плывущую куда-то большую чёрную тучу и, подтянув локти под себя, попыталась встать. Но в это же мгновение в голове что-то взорвалось, и она снова упала на землю.

Маша всё ещё не понимала, что с ней происходит. Через некоторое время, когда к ней вернулось сознание, она медленно подвернула правую руку под себя и попыталась перекатиться на бок. Ей это удалось, но в голове снова что-то щёлкнуло, и всё её тело пронзила острая боль. “Да что это со мной?” — подумала Маша и снова затихла. В конце концов, ей удалось встать на голые колени и, оперевшись руками о землю, оглядеться.

Место было совершенно незнакомым, во всяком случае, это было не то место, где вчера останавливалась военная колонна. Недалеко, у куста, валялись её вывернутые наизнанку гамаши с рейтузами поверх, рюкзак с оторванными лямками и автомат. Она долго не могла понять, откуда взялся автомат, но потом вспомнила дорогу, мальчишку-десантника, колонну, кузов грузовика. И снова впала как бы в забытие. Скоро голова у неё прояснилась, и Маша сделала попытку встать, держась за большой камень. Ей удалось и это, но ноги еле держали её избитое тело.

Она снова вспомнила вчерашнее, посмотрела на свои посиневшие и вспухшие ноги, осторожно пощупала кровавой колтун на голове и снова чуть не свалилась от болевого удара. Маша еле разлепила потрескавшиеся, с налётом засохшей грязи, губы и выдавила из себя:

— Чёрт побери, ну и вляпалась ты, девушка.

Она слышала, что где-то внизу, за кустами, журчал ручеёк, и ей сразу захотелось пить. Она сглотнула сухой ком, стоящий в горле, сделала три шага к ручью и поняла, что не дойдёт до него. Маша почти упала коленями на острые

камни, на четвереньках доползла до своей одежды и лёжа натянула её на себя. Она чувствовала, как холодит голову, развязала рюкзак, достала из него платок, попыталась его повязать и снова упала в обморок от острой боли в голове.

Пролежав ночь на стылой голой земле, она совсем не ощущала холода, а когда через полчаса вновь очнулась, то почувствовала, как её всю колотит от стужившегося между гор студёного тумана. Туман клоками ворочался среди камней и деревьев, словно здесь паслось стадо огромных белых баранов. Было совсем светло, но солнце ещё не показалось из-за гор. Но вот оно нехотя, словно спросонья, вынырнуло из-за неровного горизонта, и жадными жаркими лучами стала разгонять туманную бель.

В голове у Маши прояснилось, словно солнце и на неё наложило свои целительные, теплые ладони. Понимая, что она не может вечно сидеть на одном месте, Маша оперлась руками на камень и потихоньку поднялась на ноги. Мелкими шажками, часто останавливаясь, она добрела до ручья, который падал из неширокой расщелины в скале, и наклонилась, чтобы помыться. Подняв ладони, она с удивлением посмотрела на присохший к левой ладони волосатый комок и отодрала его. Это был вырванный вместе с кожей клочок чьих-то рыжеватых волос. Маша не помнила, как он оказался в её руке, но знала, что он принадлежал одному из насильников. Она зло улыбнулась, отодрала его, с омерзением отбросила в сторону и стала медленно, осторожно умываться и протирать носовым платком тело, стараясь не касаться больных мест. Эта процедура заняла минут пятнадцать и отняла у неё много сил. Маша села на покрытую сухой травой кочку, чтобы передохнуть.

Когда она возвращалась, то с другой стороны камня, у которого сама недавно лежала, Маша вдруг заметила валяющиеся в кустах кирзовые сапоги. Она остановилась, посмотрела на автомат, потом снова на сапоги и, уже предполагая, кому они могли принадлежать, приблизилась к камню. Немного постояв, раздвинула ветки и увидела тело того самого десантника, который вынес из боя своего раненого друга. Лежал он на боку, неловко подвернув правую руку. Его обезображенное, превращённое в месиво лицо было неопределенного, землистого цвета, изо рта торчал кровавый клубок, замешанный на красной пене и крошече зубов. Внимательно присмотревшись к неподвижному телу, Маша подумала, что парень мертв, и уже хотела уйти, но какое-то седьмое или восьмое чувство заставило её превозмочь боль в теле, наклониться и взяться за запястье. Пульс не прощупывался. Тогда она с охами встала на колени, расстегнула ворот бушлата, гимнастерки и приложила ухо к запятой кровью тельняшке. Она с радостью услышала, что сердце десантника ещё ворохается, ещё живёт, слабенько, редко, с перебоями, но живёт!

Беспросветная ночь в её душе сменилась робкими, наливающимися светом сумерками, Маша искренне радовалась — всё-таки сейчас она была не одна, рядом с ней находилась ещё одна живая душа. Сейчас она жалела лишь о том, что у неё под руками нет посуды для воды. Маша пошарила в его карманах и нашла не первой свежести тряпку из байки, которой, он видимо, протирал своё оружие. Откуда-то взялись силы снова сходить к ручью, намочить тряпку и донести её в ладонях обратно.

Маша выжала драгоценную влагу из ладоней на лицо, выковыряла изо рта палочкой кровавый комок и стала протирать мокрой тряпкой лоб, шею, щёки,

грудь. Она, видно, и сама не понимала, что разговаривает с полумёртвым солдатом вслух:

— Ничего, сыночек, ничего, все будет хорошо. Тебе ещё рано умирать. Ты сначала пострадай, полюби, натерпись, тогда и узнаешь, что такое жизнь. А это так — твоя первая заноза. Разве это дело, когда ты еще ничего не успел повидать, попробовать, да сразу и уходить! Нет, так не годится, сынок. Тебя ещё должны увидеть и мать с отцом, и сестры с братьями, если они у тебя есть, конечно, да и девушкам такой парень ой как нужен. Не то, что там некоторые, которые только и умеют, что пить, курить да наркоманничать. Так что ты не умирай, милый...

В этот момент солдат вздрогнул всем телом, сделал глубокий вздох и задышал: часто и мелко. Маша снова прикинула ухом к его груди, и слабая улыбка тронула её избитое лицо:

— Вишь, как забилося, словно стрепеток в силке! Давай, давай, выкарабкивайся, сынок! Ты же сильный, ты же солдат. Ты вон жизнь своему другу спас, теперь сам себя не подведи.

Маша и сама не знала, сколько времени она просидела около солдата, по-женски вытянув ноги перед собой и покачиваясь из стороны в сторону, словно лялькала младенца, и не переставая что-то говорить. Поднявшееся солнце уже пекло голову и спину, и ей захотелось снова пить. Она собралась подняться, чтобы снова сходить к ручью, но тут заметила, что десантник повернул голову и, открыв глаза, устремил на неё мутный, безразличный взгляд. Вот и веки его дрогнули, в глазах появилась осмысленность, а из уголков возле носа скатились две слезинки. Маша улыбнулась:

— Что, узнал меня? Вот и молодец. Пить хочешь?

Но солдат никак не отреагировал на её слова. Тут Маша вспомнила про его контузию и как можно громче повторила:

— Пить хочешь? Или ты не слышишь меня?

Он неожиданно и медленно моргнул глазами и попытался пошевелить растрескавшимися губами, но из горла вместо звуков вылетел лишь слабый хрип. Маша встала.

— Я сейчас, сейчас. Ты подожди немного, сынок. Я скоро приду.

У неё хватило сил сходить к валявшемуся в стороне рюкзаку, достать из него кружку и термос и сходить к ручью. Когда она возвращалась, осторожно ступая, чтобы не разлить воду, то увидела, как солдат приподнял голову. Она крикнула:

— Ты лежи, лежи, тебе нельзя вставать. Я иду к тебе, сынок!

Когда он сделал несколько мелких глотков и откинул голову, Маша не столько услышала, сколько поняла по губам, как он пытался сказать “спасибо”, и вслух ответила:

— На здоровье, сынок. Попробуй что-нибудь сказать. Говорить-то сможешь?

Он сначала моргнул глазами, а потом через силу, с хрипом вытолкнул:

— Мо-гу. — И тут же закашлялся. Потом добавил: — Во-ды.

Он выпил ещё несколько глотков, полежал, закрыв глаза, чтобы набраться сил и шепотом спросил:

— Где мы?

Маша огляделась, словно могла увидеть что-то новое в окружающем пейзаже, и ответила:

— Сама не знаю. Звать-то тебя как? А то знакомы целых два дня, а как звать друг друга, не знаем.

— Са-ша.

— Саша?! — обрадовалась Маша. — Значит, Саша с «Уралмаша». А родные тебя Шуриком зовут?

Он слегка улыбнулся и кивнул головой.

— А меня Марией Петровной. Можешь звать меня просто тётей Машей, ведь у меня сын твоего же возраста и тоже Сашей зовут. И тоже где-то здесь, в этих проклятых горах. — Она вздохнула. — Как же нам выбираться-то отсюда? Тебе не холодно? Давай я тебе помогу на припечек перебраться. Вот так. Вот и хорошо. Ну, ты пока полежи, отдохни, а я на разведку схожу. Да, это не твой тут автомат валяется?

Саша сразу заволновался, стал подниматься на локтях и вдруг со стоном упал. Маша подошла к нему.

— Да разве можно так! Нельзя тебе, милый, пока подыматься.

Саша прошептал:

— По-са-дят.

Маша долго морщила лоб, чтобы понять его, потом спросила:

— Да за что тебя сажать-то, сынок?

— Ору-жие... На мне... чис-лит-ся...

— Да вот же оно, никуда не делось.

Маша подняла автомат, отстегнула рожок, по-мальчишески присвистнула:

— Фьють, гляди-ка и «магазин» полный.

Затем она передёрнула затвор, посмотрела в ствол, потом снова вставила рожок на место.

— Полный порядок. — Увидела его удивлённый взгляд. — Что так смотришь? Ты не удивляйся, я, сынок, старый стрелок, с оружием обращаться умею. Ну, я пойду, схожу.

4

Маша повесила автомат на плечо и двинулась вверх по склону. Отдыхала она часто, через каждые двадцать-тридцать шагов, а потом снова лезла вверх. Через несколько сотен метров она обошла большой серый монолит скалы, торчащий из земли, словно египетская пирамида, и услышала шум проезжающих машин. Обрадовалась — значит, совсем недалеко дорога! Скоро она добрела до высокой насыпи из горной породы, выбрала самый пологий, по ее мнению, склон и стала карабкаться вверх. Несколько раз закон Ньютона стаскивал её вниз, и Маша села на пригретую солнцем щебёнку, чтобы передохнуть. Положила автомат рядом с собой и изругала себя самыми последними словами — зачем она взяла с собой эту железяку, или стрелять в кого собралась, дура? И весит он порядочно, да и не выйдешь же на дорогу с автоматом на плече, как последняя бандитка! Видать, и правда насильники ей последние мозги вышибли!

Спрятав автомат за камнем, она снова стала карабкаться вверх. С

огромным трудом одолела склон и выбралась на ровное место. Маша села на пыльную обочину и огляделась. Слева от нее горная насыпная дорога выскакивала из-за поворота у отвесной скалы и серпантином поднималась вправо. Скоро она услышала вой мотора, а потом увидела и саму машину. Маша встала и подняла обе руки вверх. Увидев её — страшную, грязную — полугнилой “Москвич” сначала как-то странно вильнул, словно водитель увидел привидение, потом снизил скорость и медленно стал подкрадываться к ней. Не доезжая метров десяти до Маши, машина остановилась. С грохотом пустой бочки отворилась дверка, и из салона вылез усатый молодец в рыжей шапке, крикнул что-то по-чеченски. Маша не ответила. Мужчина спросил по-русски:

— Ты русская, да? Чего надо?

Маша стала подходить к машине, одновременно жестикулируя и говоря:

— Я прошу вас, помогите Христа ради. Там лежит раненый парень. Ему нужна помощь, иначе он умрёт. Я вас очень прошу!

С другой стороны машины тоже вылез мужчина, он крикнул:

— А ну, стой! Не подходи! Ты что, Гасан, не видишь, она же пьяная, алкашка. Ты посмотри на неё, она же неделю в грязной канаве вместе со свиньями валялась. Поехали! Пусть её кто-нибудь другой подбирает!

Сейчас Маша уже жалела, что оставила автомат внизу. Она понимала, что видок у неё еще тот. Облизнув губы, она решила нажать на слабое место:

— Эх вы, а еще мужчинами себя считаете, бабы напугались!

— Ты что, женщина, хочешь узнать, мужчины мы или нет, да? Это мы быстро можем доказать! — ответил второй и стал приближаться к ней. Но Маша не испугалась — да и чего ей было бояться после прошлой ночи — и пошла ему навстречу.

— Я же вас об одном только прошу — довезти нас до любого первого села. Я заплачу. Сколько вы хотите?

Водитель вдруг смягчился:

— Эй, женщина, про какие деньги ты говоришь. Ладно, води своего красавца, довезём.

— Хорошо, вы подождите тут немного, я сейчас, я... мы скоро!

Она быстро спустилась на заднице по откосу и только сейчас поняла, что совершила ошибку. “Москвич”, оставляя за собой огромный шлейф синегорного дыма, уже набрал скорость и исчез за поворотом. Маша упала на траву и в бессилии заорала:

— С-суки мужики! Эх, лю-ю-ди!

Пока она лежала и плакала, над её головой прошли еще несколько машин. Но скоро Маша успокоилась и стала строить планы. Так, во-первых: Саша лежит слишком далеко от дороги и его надо подтащить как можно ближе. Удастся ли ей это сделать, хватит ли сил? Но ведь смог же этот хрупкий паренёк протащить своего раненого друга почти два километра до самой дороги! Второе: уж слишком крутой была насыпь, надо найти место поотложе. Такое место где-то должно быть, ведь не могли же их истязатели тащить их, бесчувственных, сюда на руках. И третье: это надо было сделать до темноты, иначе неизвестно, переживут ли они ещё одну ночь в горах.

Решение было принято, и Маша, не раздумывая, приступила к его

осуществлению. Она взяла припрятанный автомат и стала спускаться вниз.

Сашка уже сидел, опершись спиной о камень, и баюкал свою правую руку, с которой стянул рукав бушлата. Заслышав её шаги, он виновато посмотрел на Машу и сказал:

— Вот, рука очень сильно болит.

— Ну-ка, давай посмотрим.

Маша осторожно ощупала его руку, пройдя от плеча к кисти. Плечевая кость была цела. Но когда она стала подбираться к локтевой, Саша сморщился.

— Здесь? — спросила Маша, прощупывая припухлость под гимнастёркой. Саша замычал и покрутил головой. Когда Маша стала прощупывать лучевую кость, Саша сжал рот, замычал и вмиг побелел. Маша почувствовала выпуклость — перелом был здесь, и хорошо, что закрытый. Она припомнила всё, чему её учили в школе, в институте для оказания первой неотложной помощи и сказала:

— Ну, миленький, теперь тебе придется потерпеть. Сначала будет больно, а потом полегчает.

Она достала нож, осторожно расстегнула пуговицу на рукаве гимнастерки и стала его разрезать. Потом срезала с кустов несколько лубков коры, срезала толстую палку, спросила Сашу:

— Бинта у тебя нет? Ведь должны же вам давать индивидуальные пакеты.

Саша, сморщившись, хохотнул:

— Ха-ха, какие пакеты, тётя Маша! Мы иногда не ели по несколько суток, хорошо, что местные жители немного подкармливали.

Пришлось расположить свою трикотажную сорочку, которую ей всунул Лёшка перед самым отъездом. И она мысленно снова поблагодарила его — этого мудрого и спокойного мужичка, который много лет подпирал её в этой жизни своим нехилым плечом. Она чуть не заплакала от умиления и светлых воспоминаний, но вовремя сдержалась. Потом сунула в рот Сашки оструганную толстую палку и приказала:

— Держи. Когда будет больно, сжимай изо всей силы. Сможешь? Ну, держись, сынок!

Пока Маша накладывала шины на место перелома и перебинтовывала их голубыми полосками материи, страшный крик катился по горам, то взвываясь, то стихая. Завязав последний узел на руке, Маша стала успокаивать:

— Всё, всё, миленький, теперь уже всё позади. Теперь наша косточка стоит на месте, там, где ей и положено, и деться ей теперь некуда. Боль, сынок, — это как наркотик, сначала болит, болит, болит, а после неё становится все легче и легче. Ну как? — спросила Маша, но, увидев его бледное неподвижное лицо, по которому текли струйки пота, сказала: — Ну, ладно, ты немного тут посиди, а мне снова надо в разведку сходить.

Маша пошла вдоль дороги вверх и скоро метрах в четырехстах от того места, где был их бивак, нашла пологий съезд. Значит, тут вот их, бесчувственных, и сгрузили, а потом оттащили подальше от дороги, чтобы никто не нашёл. А если бы кто-то и нашёл: подумаешь, валяются ещё два трупа. Сейчас в Чечне этим никого не удивить.

Маша посмотрела на солнце, потом на свои часы, но они оказались разбитыми, и стояли. Она сняла их с руки и выбросила в кусты. “Для будущих

археологов”, — почему-то с легкостью подумала она. Когда Маша возвратилась, Саша уже улыбался.

— Ну, что, Саша, как себя чувствуешь?

— Как заново родился, — ответил он.

— Вот и молоток! А ноги-то у тебя целые, ходить можешь?

Сначала Саша ощупал свои ноги, потом с её помощью неуклюже встал и улыбнулся.

— Всё в порядке, тетя Маша. Вы не беспокойтесь, я обузой вам не буду.

— Это я уже заметила, — ласково ответила она. — Есть, небось, хочешь?

— Нет, сейчас в рот ничего не полезет, — прошамкал он. — А вы знаете, тетя Маша, ведь это майор меня так наградил. Из-за меня вот и вам досталось.

— Бог ему судья, — ответила она. — Авось, ещё доведётся с ним встренуться. Сейчас, Сашок, самое главное, что мы живы, и нам надо каким-то образом отсюда выбираться. Только вот не знаю, что с этим делать. С ним нам далеко не уйти, да ещё пристрелят, чего доброго. — Она показала на автомат.

— Оружие я не брошу, — упрямо заявил Саша.

— Так ведь опасно с ним ходить, неизвестно, на кого нарвёмся. Хорошо, если на своих. Может быть, прихороним пока, а? — предложила она.

— Меня и так, наверно, уже дезертиром считают. — Сашаснова схватился за голову и поморщился. — А если я и автомат оставляю... Тогда, считай, всё — посадят меня. Нет, автомат я не брошу.

— Ну, ладно, не бросишь, так не бросишь — так тому и быть. Где наша не попадала! Пошли потихоньку. Ты как?

— Да ничего, сносно. Только ноги ватные и голова кружится. Да ещё во рту что-то пустовато стало, — попытался он мрачно пошутить.

Саша осторожно повесил на плечо автомат, Маша — свою котомку, и они пошагали вверх по склону.

— Как же это получилось, что вас с другом двоих оставили? — допытывалась по дороге Маша.

Саша с неохотой ответил:

— Да так вот, очень просто, в темноте попали в засаду. Звезданули нас сразу с трех сторон, сначала подожгли первую, потом последнюю машину, чтобы заблокировать всю колонну, а потом с пулемётов стали поливать, чтобы заставить нас в броне сидеть. Сначала мы ничего не поняли. Потом командир приказал столкнуть с дороги одну бээмдэшку. Мы с Сережкой выскочили из машины, стали прикрывать отход. Потом что-то взорвалось, и я потерял сознание. Когда очнулся, женикого не было. — Тут Саша скривился и словно бы всхлипнул. — Серега метрах в десяти от меня лежал, прямо в кустах. Я подошёл к нему, а он весь в крови. Ну, смотрю, ещё дышит, потащил его к дороге. Вот и всё.

— Выходит, бросили вас? — спросила Маша.

— Н-не знаю. Вряд ли, ведь темно было, могли нас и не заметить в спешке. А, может быть, командир побоялся, что всех пожгут и утробят, и решил быстрее вырваться из мешка? Не знаю. Вообще-то, когда я очнулся, тихо было. Видать, “духи” тоже драпанули, испугались чего-то, а то бы и нас в живых не было. Ведь они раненых пристреливают или горло перерезают.

— Ну, ничего, сынок, вот вернёшься в свою часть, доложишь командиру, что и как произошло, и всё будет хорошо. Ой, гляди, машина едет! — закричала Маша и побежала к дороге. Машина, а это оказались “Жигули” первой модели, скорости не сбавляла, видно, ехавшие в ней их не видели. Она закричала во всю оставшуюся в ней силу:

— Стойте, стойте! Остановитесь, пожалуйста!

Машина уже проходит поворот и вот-вот скроется из виду. И вдруг Маша услышала, как за ее спиной клацнул затвор, и отскочила в сторону. Саша с перекошенным — неизвестно, от боли или от злости, — лицом держал автомат в левой руке и уже нажимал на курок. Прогрохотали три одиночных выстрела, и от скалы чуть впереди машины брызнули гранитные осколки. Машина сначала вильнула, остановилась, а затем, словно пугливая козочка, снова рванула вперед. Саша грязно выругался и снова поднял автомат. Маша бросилась к нему:

— Саша, не стреляй! Только людей погубишь! Они всё равно уже не остановятся.

Саша скрежетнул оставшимися зубами и, перекосив рот, бессильно сложился на землю и заорал:

— Козлы!!! Ну что за люди! Г-гады, шкурники! Только и думают о своей шкуре! Ух, с-суки, попадись они мне в руки — к стенке поставил бы, размазал бы это говно, как..!

Маша, чувствуя, что с ним вот-вот начнётся истерика, подошла к солдату, погладила его по голове и сказала:

— Успокойся, сынок, успокойся. Разве люди виноваты, что им каждого куста приходится бояться. — Она прислушалась и покрутила головой. — Вон, даже зверья никакого не видно, и птицы все попрятались. А человек трусливее зверя, потому что разум его боится не только за себя, но и за своих близких. А тут ты из автомата лупанул! Ну, ладно, успокойся. Всё будет хорошо. Всё равно кто-нибудь нас да подберёт. Одно плохо — опять темнеть начинает.

И, правда, на восточные склоны гор постепенно стали наползать языки теней от горных вершин.

— Интересно, куда ведёт эта дорога, — прервала молчание Маша, — уж слишком тут безлюдно. Видно, придется нам тут кантоваться до утра. Ты есть-то хочешь? — спросила она приунывшего парня.

Тот сначала сглотнул слюну, двинув острым кадыком, и молча кивнул. Автомат его лежал в стороне, а сам он опять баюкал свою сломанную руку и тихо постанывал, словно напевал колыбельную. Маша выгащила из рюкзака все свои съестные припасы, отобрала два солёных огурца и два помидора, банку тушёнки, пачку печенья. Остальное сложила обратно.

— Эх, жалко, хлеба у нас с тобой нет, — проворчала она.

Затем Маша собрала японский примус, снова мысленно поблагодарив Лёшку, вкрутила в гнездо баллончик и нажала на кнопку пьезоэлемента. Горелка вспыхнула и зашумела. Саша, забыв о боли, заинтересованно смотрел на необычный аппарат, потом, сказав: “Вот это штука”, попытался вскрыть ножом банку. Но у него ничего не получилось. Маша сама вскрыла и поставила тушёнку разогреваться. Потом сходила с термосом за водой и стала готовить в кружке чай. Она протянула ложку Саше и сказала:

— Давай, ты первый, все равно инструмент у нас один.

Сначала Саша морщился и часто выворачивал разбитые губы, дул, стараясь остудить горячее мясо, а когда прикончил ровно половину, протянул ложку ей, предварительно протерев её об полу своего бушлата. Нарушил молчание:

— Когда я уходил в армию, мне на память подарили складной нож-вилку-ложку. Её когда-то мой дед с фронта привез, как трофей. Украли, — грустно констатировал он.

— А мать твоя знает, что ты здесь?

— Догадывается, наверно. Писем я домой не писал. Перед самым отъездом только сообщил, что едем на учения.

— Глупые вы, — мягко упрекнула его Маша. — Разве материнское сердце можно обмануть. Даю бесплатный совет: при первой же возможности дай знать о себе. Поверь, для матери самое страшное — это неизвестность. А если бы с тобой случилось что-нибудь, не дай Бог, конечно, серьёзное? И мать не знает, что случилось с сыном? Ты представляешь? Конечно, близкие всегда живут надеждой, но если бы ты знал, Саша, как тяжела эта надежда! Другое дело, когда ты жив, ну или — почти здоров. Ты не представляешь, какая это будет радость для твоих родителей. Да они сразу лет на двадцать помолодеют!

— Да, тётя Маша, наверно, вы правы. При первой же возможности напишу им огромное письмо, целую тетрадку, — ответил, позёвывая, Саша.

Спать они легли, тесно прижавшись друг к другу. Саша долго этому сопротивлялся, чувствуя неловкость перед незнакомой, но ставшей ему почти родной за эти двое суток, женщиной. Но Маша убедила его, что один он замёрзнет. Через полчаса они уже спали на огромной перине из наломанных веток, согретые теплом своих тел: чужая мать и чужой сын, обручённые и сроднённые одной судьбой.

Машу разбудил не то неясный треск сухой ветки, не то чьё-то незримое присутствие. Она открыла глаза. Вокруг была все та же тихая темнота, но она словно колыхалась от чьего-то присутствия.

— Вставай, — услыхала она густой мужской бас. Маша осторожно отвела руку Саши, встала, стараясь рассмотреть хоть что-то в темноте, и через некоторое время различила рядом с собой несколько неясных теней. Саша сладко посапывал, ни о чём не подозревая. Она не стала спрашивать, кто они такие: по едва заметному кавказскому акценту ей сразу всё стало понятно — они влипли. Она тихо сказала:

— Только не бейте его, у него рука сломана.

— Хорошо, поднимай его и пошли, — ответил тот же голос. — И не дури, автомат у нас. Понятно?

Куда уж было яснее! Маша потормошила Сашу, тихонько сказала:

— Саша, сынок, вставай, нам надо идти.

— Куда? — спросил он заспанным голосом. — Ещё ночь, я спать хочу.

— Вставай, вставай, — ответила она, помогая приподняться ему с земли за здоровую руку. — Идти надо. Ты не бойся и не волнуйся, нам помогут. Пошли.

Обнявшись, они под конвоем пошли к дороге, где сияли красными габаритными огнями несколько автомашин. Их усадили в одну из них через

заднюю дверь. В неярком свете салонного плафона они увидели двух молчаливых бородачей с оружием между коленями.

Дорога заняла минут сорок, сначала по шоссе, а потом по каменистой горной колее. Иногда старый джип встряхивало так, что он всеми четырьмя колесами отрывался от земли. Саша глухо вскрикивал и стонал, прижимая правую руку к груди и тараща глаза от боли. Даже в полутьме его лицо выделялось лунным пятном. В эти минуты, он, видимо, не мог думать больше ни о чём, кроме своей боли, потому что в редкие спокойные минуты он тут же откидывался на сиденье и поднимал голову вверх, словно моля кого-то о покое. Один из бородачей заметил:

— Настоящий джигит! Когда к нам попадали другие, они визжали, как свиньи перед смертью.

Маша промолчала. Она и сама еле держалась, потому что на каждом ухабе на её голову словно опускался пудовый кузнечный молот, и сознание как бы выпрыгивало из нее на некоторое время, а потом возвращалось вновь. В минуты просветления она наблюдала за мучениями Саши, и сама страдала от них. Но что она могла сейчас сделать, чем помочь, когда сама еле цеплялась за проблески своего сознания.

А потом... А потом она и сама не помнила, когда последний проблеск её жизни сменился темнотой.

5

Маша очнулась от потока свежего теплого воздуха, выплеснувшегося на неё из открытого окна. Она открыла глаза, а потом снова закрыла их, потому что в них ударил такой нестерпимо обжигающий и слепящий свет, что в них потемнело. Маша дождалась, пока через прикрытые веки не начнет просачиваться розовато-матовый свет, снова открыла глаза и увидела на белом потолке пятиугольную люстру со стеклянными колпаками в виде распустившихся тюльпанов, яркий розово-голубой узор по периметру потолка, а на стене напротив — большой ковёр. Под ковром стояла большая железная кровать с шишечками на спинках и разобранной постелью. Сзади и слева от неё были два прямоугольных окна с гардинами, на краях которых висели прозрачные занавески.

Свет казался ей каким-то странным, неожиданным, весёлым. Лишь через несколько минут она поняла, что за окнами под ветром плескались ветви какого-то дерева, сплошь унизанные крохотными светло - зелёными листочками. Была открыта только одна створка, и сквозь неё доносился шум жизни, сотканный из гоготания птиц, ворчания петуха, блеяния овец, шелеста веток, грохота ведра и звона льющейся откуда-то воды.

Сейчас Маше было так спокойно и хорошо, что она боялась пошевелиться. Ей казалось, что если она пошевелится, то эта прекрасная картина вмиг исчезнет и никогда не вернется. И все же она попыталась повернуться на бок, но тупая, пульсирующая боль в голове заставила её изменить свое решение. Она рукой ощупала свою голову и ощутила на ней марлевую повязку, похожую на разрезанный кочан капусты, нахлобученный на макушку головы.

Маша долго пыталась вспомнить, что с ней случилось, но память, словно

загнанный зверёк, спряталась в темную норку небытия и никак не хотела из неё выходить. Она попыталась вспомнить, где находится, как её зовут, и тоже не смогла.

Неожиданно справа от себя она услышала шорох и тихое хихиканье. Маша осторожно повернула голову и краем глаза увидела девочку лет пяти, которая сидела на детской кровати, закутанная в одеяло. Девочка смотрела на неё светлыми глазенками с черными бусинками зрачков, щеря свой щербатый ротик и чему-то смеясь. Маша невольно улыбнулась, проглотила сухой ком в горле и слабым голосом спросила:

— Ты кто, девочка? Как тебя звать?

Девочка, услышав голос, вдруг перестала смеяться, вскочила с постели, отбросив одеяло, и, сверкая босыми розовыми пятками, выбежала из комнаты. Минут через пять она, лопоча что-то по-чеченски и показывая на Машу пальчиком, втащила в комнату невысокую женщину в прямом длинном ситцевом платье, в красной косынке, повязанной назад. Женщина взглянула на Машу, что-то сказала девочке, и та тут же убежала, заливаясь колокольчиковым смехом.

Женщина взяла стул, стоящий у детской кровати, и под села к ней.

— Ну, как твои дела, Маша? Как ты себя чувствуешь?

Маша наморщила лоб: "Разве её зовут Маша? И откуда эта женщина знает, что ее так зовут? Кто она такая? Маша, Маша", — твердила она про себя, словно привыкая к этому имени. В ответ спросила:

— Где я?

Женщина сложила свои ладони в замок и ответила:

— Не беспокойся, не беспокойся, ты у добрых людей, тебе в этом доме не сделают ничего плохого.

Но Маша не удовлетворилась ответом, засыпая женщину вопросами:

— Как я сюда попала? Где я? Почему вы меня здесь держите? Кто вы такая? Я вас не знаю! Выпустите меня отсюда, я хочу уйти!

Видя, что Маша вот-вот зайдёт в истерику, женщина выбежала из комнаты и тут же вернулась с бокалом воды. Она почти насильно влила ей в рот несколько капель. Маша попыталась оттолкнуть женщину, и новая боль повергла её в небытие.

Когда она снова вернулась на этот свет, Маша сразу почувствовала, что что-то изменилось. Она лежала в той же комнате, в которой была та же обстановка, тот же запах лекарств, а за окном те же веточки с едва распустившимися листочками. И всё же, и всё же... Да, да, она вспомнила! И в первую же секунду подумала: "А где Саша? Ведь нас везли вместе. Вот они едут по ухабистой горной дороге, вот в салоне светятся белое лицо Саши и тлеющие огоньки сигарет, которые курили боевики. А потом неожиданная боль и беспамятство. Так. А потом? Потом вдруг появляется какая-то девочка, затем женщина... Ничего не понятно! Ну, ладно, потом разберёмся. А сейчас надо встать. Сейчас самое главное — это встать".

Маша и сама не смогла бы объяснить, почему для неё это было таким важным. Наверное, ей просто казалось, что от того, встанет она или нет, зависит её будущее. Вот так, ни больше и ни меньше. Ну, что ж... Маша слегка приподняла голову, оперлась на локти и немного полежала так, чтобы прошло

лёгкое головокружение. Потом она перевалилась набок и свесила ноги с кровати. Хорошо, что эта деревянная кровать такая низкая, иначе она бы грохнулась! Маша сидела на краю кровати, опираясь руками об её край, и привыкала к ощущению вертикальности. Голова еще кружилась, но Маша уже была уверена, что ей удастся встать. "Вот посижу немного. Ещё немного, ещё чуть-чуть". Полы, застеленные паласом, холодили её босые ноги. Она искала глазами какую-нибудь обувь, не нашла и стала осторожно вставать, опираясь рукой об спинку кровати. Ей удалось это только после нескольких попыток, но от этих попыток по всему телу пошла испарина и лицо покрылось липким потом, словно она в одиночку отметала стог сена. Она смахнула со лба пот тыльной стороной ладони, чтобы он не заливал глаза, и пошла к окну. Это путешествие заняло несколько минут.

Но когда она ухватилась за подоконник, сквозь пышную кисею веток Маша увидела большой двор, обнесённый двухметровым глухим забором, мирно бродивших кур, выкапывающих что-то из земли, развешенное на верёвках бельё, несколько чурбаков, служивших, видимо, стульями, двери открытых сараев.

Маша отметила, что нигде не видно людей, не слышно стрельбы, которая сопровождала её всюду, от Моздока до выезда из Грозного. За стенами этого дома царила мирная, сельская идиллия, которая почему-то не успокаивала, а наоборот — заставляла тревожиться. Видно, душа её, за последние недели привыкшая к напряжению и постоянным страхам, словно не верила, что на этом свете ещё могут быть тишина, покой, свет, тепло, уют, и потому была настороже, словно только что вышедшая из драки волчица, которая защищала своё логово с детьми от страшного и неумолимого врага.

Маша долго стояла у раскрытого окна, наслаждаясь терпким, напоённым крутой горной свежестью и тонкими запахами цветущих первоцветов воздухом, и вернулась на кровать. Лёжа в постели, она размышляла о том, а нужно ли показывать хозяевам этого дома, что к ней вернулась память, может быть, ей выгодней остаться забывшей всё о своём прошлом дурочкой, пока она не поймёт, где и у кого находится? Ведь наверняка сейчас она находится в руках врагов её сына...

Снова очнувшись она от вспыхнувшего в комнате света и тут же открыла глаза. На стуле рядом с её постелью сидела незнакомая полная женщина в белом халате и улыбалась ей. Увидев, что больная открыла глаза, женщина приветливо спросила на чистом русском:

— Ну, как самочувствие, голубушка ты моя, страдальца?

— Вы кто?

— А разве не видно? Я — доктор, лечу тебя.

У Маши вдруг дрогнули губы, но незнакомка остановила её:

— Милая, я знаю всё, о чём ты хочешь спросить! Но сейчас тебе лучше всего не разговаривать, ты еще очень слабая. Давай лучше познакомимся. Зовут меня Айшат, а русские называли меня просто Аней. Нашли вас ополченцы и привезли сюда. Не бойтесь, вы в безопасности, вас никто не тронет. — Её бархатистый, ласковый голос словно убаюкивал и был похож на звучание флейты, который зачаровывал спокойствием и глубиной. — У вас пробита голова, вы были без сознания, когда вас привезли. Вот видите, я вам

всё рассказываю, и вам не надо ничего спрашивать. Я не знаю, кто с вами это сделал, для меня это неважно. Я — врач, и для меня любой больной только пациент, и никто больше. Село у нас горное, маленькое, из специалистов — медиков я здесь одна. Правда, есть ещё медсестра, но она такая ленивая, что только постоянно сидит в медпункте, пьёт чай и записывает в тетрадь вызовы. А бегать приходится мне.

— Аня, а где сейчас Саша? — неожиданно спросила Маша. — Ну, тот парнишка, солдатик, что со мной был?

— Солдат? А, его зовут Саша? Не беспокойтесь, с ним тоже всё в порядке. У него сломана рука, выбиты передние зубы, небольшая рана на ноге да несколько синяков на теле. Я наложила ему гипс, и сейчас он выздоравливает.

— Я могу его увидеть?

Айшат немного замаялась, но всё же ответила:

— Конечно, вот только немного поправитесь. А сейчас нам нужно сменить повязку.

Айшат раскрыла свой чемоданчик с инструментами, выложила на клеёночку бинты, вату, ножницы, пузырек с перекисью водорода и стала сматывать с машины головы бинт. К концу стало больно, Маша поморщилась, но не закричала. Айшат смазала рану перекисью.

— Я что, стриженная? — с беспокойством спросила Маша.

Айшат ласково ответила:

— Пришлось остричь, иначе как бы я наложила швы.

— Швы? — с недоумением спросила Маша. — Скажите, Айшат, у меня что-то серьёзное?

— Вам пробили голову. Хорошо, что кости черепа не раздробили и не задели мозг, иначе... — Айшат не договорила.

Но Маша и сама знала, что было бы: кровоизлияние и, если не смерть, то она осталась бы на всю жизнь дурочкой или идиоткой.

Маша спросила:

— Аня, а зеркальце у вас есть?

— Зеркало? — растерялась Айшат. — Ну, конечно же, есть.

Она подала свою косметичку, в крышку которой было вправлено небольшое зеркальце. Маша долго смотрелась в него и не узнавала себя: с той стороны на неё смотрел бледный худой подросток с огромными глазами и едва заметным ёршиком волос. Создавалось такое впечатление, что она попала в прошлое на машине времени, в тот самый детский дом, где их стригли чуть ли не ежедневно, опасаясь вшей и работников санэпидемстанции.

И только сейчас Маша обратила внимание, что этот подросток, смотрящий на нее из зеркала, так похож на её Сашку с первой армейской фотографии, где он стриженный, худой, длинношей, ест глазами фотообъектив. “Значит, он точно мой сын. Значит, он мой, а не чужой”, — с иронией подумала она.

Во время перевязки Айшат снова зашептала:

— Я ведь заканчивала Куйбышевский медицинский, на хирурга. Но здесь, в Чечне, мужчины не допускают женщин к сложным операциям, и пришлось мне ехать в своё родное село. Приходится исполнять обязанности фельдшера. — Маша дернулась от нечаянного прикосновения Айшат. — Вы не беспокойтесь, Маша, я сделала всё как надо, только не могла сосудики сшить,

для этого нужно специальное оборудование, поэтому голова в этом месте будет немного неметь. Конечно, если бы вас определить в хорошую нейрохирургическую клинику, тогда другое дело. Но времени нельзя было терять... Ну, вот и готово.

Пока Айшат собирала свой саквояж, Маша спросила:

— Скажи, Аня, можно задать тебе несколько вопросов?

Айшат подняла смоляные брови.

— Конечно. Почему нельзя?

— Я в плену?

— Ну что ты, о чём ты говоришь? Когда поправишься, можешь уйти куда пожелаешь.

— А Саша? — Айшат снова в недоумении подняла черные брови. Маша пояснила: — Ну, я насчёт того солдата, который был со мной?

— Он вам кто, родственник? — спросила Айшат.

— Нет, но он мне больше, чем родственник, — ответила Маша. — Этот мальчик перенёс столько страданий, которых другим хватило бы на всю жизнь. Так уж получилось, что мы были вместе. Беда сближает людей, Айшат, поэтому он стал мне почти родным. Меня беспокоит его судьба.

— Понимаю. — Собравшись было уходить, Айшат снова села. — Я ничего об этом не знала. Сейчас идет война, а справедливость и правда у каждой стороны своя. Я ничего в этом не понимаю, для меня все люди — это прежде всего больные, которые нуждаются в моей помощи. Чеченцы считают, что русские отнимают у них свободу и, наверно, поэтому каждого солдата считают своими врагом.

— Ты знаешь, где он, что с ним?

— Маша, у нас за такие вопросы отрезают языки. — Айшат понизила голос. — Но тебе я скажу — он здесь, в нашем селе.

— Айшат, ты тоже считаешь, что русские враги?

— Нет, конечно, нет! Спаси нас Аллах от вражды и ненависти! У всех матерей, русские они или чеченки, на войну один взгляд: она не нужна. Ведь у меня тоже двое сыновей: одному двенадцать, другому — восемь лет. И я боюсь, что их тоже затянут в эти взрослые игры. Они и сейчас-то грезят только оружием, играют в войну с федералами. А какой матери хочется, чтобы погибали их сыновья! — Айшат подтянула концы своего платка. — Я слышала, что вы тоже ищите своего сына?

— Да, — спокойно ответила Маша. — И я обязательно его найду.

— Да услышит Аллах твои слова! — отозвалась Айшат. — А солдат, с которым вас привезли, и в плену, и не в плену. Просто так его, конечно, не отпустят — чтобы это понять, надо знать обычаи гор, — но родителям отдадут, если он даст слово больше не воевать.

— Да, выбор у него небогатый. — Маша вытянула перед собой свои исхудавшие руки. — Айшат, сколько я здесь валяюсь и кто эта женщина, которая заходила сюда утром?

— Ты пролежала без сознания почти неделю...

— Так долго?! Без реанимирования? — засомневалась Маша.

— Ну, какое же это реанимирование. У вас хорошее сердце, все органы работают нормально, просто от боли вы были в шоке, иногда приходили в себя. Я вводила анальгетики, витамины, делала системы.

— Я ничего этого не помню, — ответила Маша.

— Вот и хорошо, что не помните. Зачем переносить боль и страдания, когда мозг помогает вам в этом: будто спишь и все. Суйабат — это хозяйка этого дома. Она прибежала ко мне и сказала, что вы встали. Вы можете ей доверять, это очень хорошая женщина...

Суйабат, и правда, оказалась приветливой, жалостливой, доброй и очень простой женщиной. Она как клушка хлопотала около Маши, стараясь предупредить все её желания. Через несколько дней Маша окрепла, стала выходить во двор.

Однажды в калитку вошла пожилая женщина в чёрном платке. Она подошла к Маше и неожиданно ударила её по щеке и стала что-то кричать на своем языке, плача и рвя на голове волосы. Ничего не понимающая Маша от неожиданности и напора онемела, чувствуя, как к голове начинает приливать бешеная кровь. Подбежавшая Суйабат, которая увидела эту сцену из окна, силком уволокла разъярённую женщину в дом. Ошеломлённая происшедшим, Маша ещё долго изображала бы пень посреди двора, если бы вернувшаяся Суйабат не объяснила:

— Маша, вы уж не обижайтесь, пожалуйста, на старуху. Она вот уже две недели ходит сама не своя. У неё убили младшего сына, брата моего мужа. Она так любила его, что вот не нервы не выдерживают.

— Я всё понимаю. Но причём здесь я? — спросила Маша.

— Ты — русская, — просто объяснила Суйабат. — Она думает, что во всем, что происходит в Чечне, виноваты только русские. Она простая женщина, ни в чем не разбирается. А тут что-то на неё нашло... Вы уж извините ее.

В тот день они о многом переговорили. Разные по национальности, по вере, они обе были матерями, женщинами, и эта общность делала их близкими. Суйабат рассказала о нелёгкой доле горской женщины, у которой двое сынов и муж ушли воевать, Маша — о своём сыне, о его поиске, о своих думах и переживаниях.

Потом Суйабат попросила её подождать и куда-то ушла. Вернулась она с тряпичным свертком и протянула его Маше:

— Вот, возьми, это твоё. Я никому не говорила об этом.

— Что это? — недоумевала Маша, разворачивая сверток.

— Не надо разворачивать, — сказала Суйабат, останавливая её, — в доме посмотришь. Это твои деньги, я нашла их, когда тебя переодевала.

“Боже, деньги! — подумала Маша. — Как же я о них забыла?” А вслух сказала:

— Суйабат, я не знаю, как тебя благодарить. Ведь я, честное пионерское, думала, что меня обчистили до нитки наши солдаты, когда...

— Подожди, — остановила ее Суйабат, — ты хочешь сказать, что тебя избили свои, русские?

— А ты разве не знала? — удивилась Маша. — И не только меня, но и того солдата, что был со мной.

— Откуда? — удивилась и Суйабат. — Ведь ты же лежала без сознания. Только бредила иногда, говорила, не поймёшь что.

— А Саша, — этот солдат?

— Ты о нём не беспокойся, он здесь, в нашем селении. По слухам, он никому и ничего не говорит, мол, просто заблудился в горах.

— Ничего не понимаю. — Маша опустила на стул, обхватила голову

руками. — Ведь нас обоих наши же... И его тоже. Не понимаю, как нас нашли, ведь мы же спали далеко от дороги.

— Это Басханбек сказал. Он с женой ехал с рынка, и их кто-то обстрелял на дороге. Он рассказал об этом Руслану, командиру ополченцев, тогда они и поехали за вами.

— Вот теперь всё понятно. — Маша вздохнула. — А за деньги большое спасибо тебе, Суйабат. Куда я без денег-то. Ведь мне ещё сына искать надо. Но... — Маша посмотрела в глаза женщины. — Ты не думай, что я подкупаю тебя или ещё что-то, но ты должна взять немного. Ведь мне надо что-то есть, лечиться, а это расходы. Я вижу, как тебе тяжело приходится. Хорошо?

— Хорошо, хорошо, — отмахнулась Суйабат, — поживём — увидим. А ты знаешь, я сразу догадалась, что ты сына ищешь.

— А откуда? — с весёлой хитрецей спросила Маша. — Я тебе не говорила, ведь я же без сознания была.

— Не местная ты, чужие к нам редко попадают. И паспорт твой посмотрела, — ответила Суйабат. — Да и кричала ты всё время: "Саша! Саша! Я иду к тебе, сынок!" Фотографию его видел. Ты не беспокойся, и документы, и фотографии твои целые. Их командир забрал. Как только ты совсем поправишься, тебе их вернут.

В комнату, где они сидели, заглянула весёлая мордашка малышки. Она с любопытством смотрела на Машу, засунув большой пальчик в рот, и, встретив ответный взгляд, прыснула смехом, закрыв беззубый рот рукой.

— Это моя младшенькая, — с улыбкой сказала Суйабат, — Мадина, ей всего шесть лет. Страшная озорница, по-русски совсем не говорит, но немного понимает.

— Я с ней уже знакома, — отозвалась Маша. — Когда очнулась, она на кровати сидела.

Она говорила с Суйабат, а сама думала и думала об одном: как там Сашка, кормят ли его, не мерзнет ли, как у него с рукой? Она и сама удивлялась, что думает и тревожится об этом чужом парне, как о родном сыне. А ведь знакома с ним всего ничего: если не считать времени, когда она была без сознания — всего несколько дней. Вот и верь после этого, что людей роднит кровь. Значит, есть что-то ещё, что сильнее крови, сильнее времени, сильнее привязанности. Что это: душа, генетика, мистика?

Маша неожиданно для Суйабат спросила:

— Скажи, Суйабат, а могу я увидеться с тем солдатом, которого привезли вместе со мной? Он тоже натерпелся, бедняга.

— А с ним-то что случилось? — спросила Суйабат, хмуря брови.

Маша рассказала обо всех своих приключениях с Сашей: от того момента, когда они встретили его на дороге, и до секунды, когда она потеряла сознание по дороге. Суйабат закричала:

— О, Аллах, в каком мире мы живем! Маша, да за такое надо в тюрьму сажать! Нет, расстреливать надо! Что же за человек этот майор: зверь, подонок? Над ним что, никакого начальника нет, да, он ничего не боится, да?

— А чего ему бояться, он, наверно, думает, что нас и в живых- то уже давно нет, — тихо ответила Маша

Суйабат задумалась.

— Хорошо, я постараюсь, чтобы вы встретились...

Елизавета ПАРФЕНОВА

И так бывает

(Рассказ)

После смерти мужа Зинаида Николаевна долго не могла придти в себя. Спасло то, что ее пригласили временно поработать в одной фирме. Эта работа, хлопоты по огородным делам – отвлекали от горьких мыслей. Как-то сосед пригласил ее в поездку в лес по грибы. Поплыли на лодке, где оказался еще один мужчина – знакомый соседа. В разговорах выяснилось, что он хорошо знал и мужа Зинаиды. Долго расспрашивал ее о нынешнем житье-бытье...

Вскоре после той поездки он наведлся к ней в гости. Завел интересный разговор:

-Мужика бы тебе в дом надо. Вон как у тебя все рушится! Трудно же одной. Дети далеко, а помочь некому...

Погоревал, погоревал и ушел. Но через несколько дней снова пришел к Зинаиде, опять завел разговор:

-Знаю тебя, Зина, давно. Женщина ты неплохая, а у меня есть на примете один знакомый:

хороший, работающий мужик, да только не везет ему с женой, лет пятнадцать, как не живут они. Жена его такая стерва! Двоих детей растили, а дочь умерла шесть лет назад. Сын остался с семьей. Жена и двое детей жили в своем доме: в одной половине жена с внуком, а в другой – сын с семьей. Чтобы не мешать им, он сошелся с одной женщиной. У нее трое детей взрослых. Дочь – где-то на Украине и два неженатых сына. Один выпивает, но спокойный, а вот второй – как выпьет, так – хулиганит. Не раз бывал в милиции...

Вот друг и спрашивает меня: что же ему теперь делать?

Затем он предложил Зинаиде Николаевне сойтись с этим человеком и жить вместе.

-Что вы, Степан Егорович, - возражала она, - я с мужем прожила больше сорока лет, вырастили троих детей и я его очень любила. Даже не представляю теперь другого мужчину в своем доме...

-Ничего, привыкнешь, - продолжал гнуть свою линию Степан. – Скоро я приду с ним к тебе в гости, поосмотритесь, познакомитесь...

«Дня через два слышу стук в калитку, - поведала мне Зинаида Николаевна, - смотрю, стоят они вдвоем, спрашивают: можно ли им войти? Говорю - заходите! Принесли они бутылку водки, я приготовила закуску. Сели за стол, тут Степан Егорович сходу стал нас знакомить. Это – говорит – Василий, про которого я тебе рассказывал. А ты что же – решилась? И начинает меня уговаривать, чтобы я соглашалась. Мол, мужик он хороший, стоящий, что я не ошибусь, если приму его...

Я ответила, что надо бы подумать еще. Выпили мы, закусили, а потом они попрощались и ушли восвояси.

Всю ночь я не спала, думала. Не соглашусь – подумают, что Василий мне не понравился... Ведь, в любом возрасте должна быть хоть какая-то любовь!

Проснулась утром с головной болью. Но - пошла поделиться сомнениями с подругой. А та тоже уговаривает соглашаться. Она, оказывается, хорошо знает жену Василия и тоже называет ее стервой. Стерва-то эта – двоюродной сестрой мужа моей подруги оказалась. Подруга уверяла меня, что и муж ее и его сестра – одного поля ягоды, она тоже несколько раз расходилась со своим...

Говорю ей: «Люба, милая, да как же я буду с тем Василием жить, если не по душе он мне? А она в ответ – привыкнешь!»

Ушла от подруги Зинаида в растерянности. Но про себя решила, что не согласится на предложение о замужестве.

Еще ночь минула. Днем пришла она с работы, а во дворе ее дома небывалый порядок: все тропки расчищены, мусора нет, стройматериалы аккуратно прибраны...

Все это сделал Василий к ее приходу. Посидел он с ней немного и ушел. А на другой день опять застала его – уже за очисткой туалета. На дворе был март, лед оттаивал, вот Василий и занялся чисткой на огороде...

Дальше Зинаида Николаевна рассказывает:

«И мне как-то неудобно стало дальше ему отказывать. Так вот и сошлись мы. Пришел Василий в мой дом совсем. Целый год мы с моим новым хозяином никуда не ходили, не нравились ему прогулки. Зато мне хороши были видны его деловитость, трудолюбие. Тем меня и покори!»

Он – пенсионер, но продолжал работать, да и я почувствовала облегчение в своих заботах и средствах. Но однажды приходит Василий и говорит, что его дом сносят, а взамен дают сыну с семьей трехкомнатную квартиру. Первой же жене с внуком – «двушку», Василию – однокомнатную. Вот, говорит, Зина, - собирайся и, давай переедем в благоустроенную квартиру.

Убрали мы все с огорода и осенью переехали в его квартиру. Прожили там всего несколько месяцев, и Василий заболел. Положили его в больницу, сделали операцию. Вставили в боку трубочку. С ней прожил он еще два года, да и то, благодаря тому, что я доставала ему дорогие лекарства. Так и врач сказал, что только благодаря им Василий еще так долго протянул...

Потом стало ему хуже, появились адские боли. Выписали врачи обезболивающие препараты, я научилась сама делать уколы. Но он уже не мог даже спать, все время просил колоть ему эти лекарства. А как-то ушла я в магазин, а когда вернулась обратно, Василий рассказал мне, что его навещил сын. Узнал, что за болезнь у отца, пришел, стал зазывать его жить к себе. А там – и достойно похоронить обещал...

Ведь я же никогда не говорила с мужем о его смерти, все уверяла, что скоро поправится...

Теперь же Василий стал меня уверять, что он не хочет переезжать к сыну. Поручил мне сказать об этом его сыну. Ну, пришел тот снова. Ласкается к Василию, любезно приглашает отца переехать в его семью. Сказал даже, что его жена Лена умеет уколы делать, да и пожалей, говорит, тетю Зину. Она устала ухаживать за тобой. Вот отдохнет немного – опять тебя к ней перевезем...

И я поняла: чувствовал он, что отец скоро умрет, тогда они и квартиру нашу отсудят у меня!

Вася как-то сам предлагал – давай, мол, я на тебя по завещанию переведу квартиру. Дом твой уже старый, за ним уход мужской нужен. У сына есть своя квартира, так что все хорошо образуется...

За все время, что мы с ним прожили, сын-то всего раза три его навещал. Даже в больнице у отца не был. Но я все не соглашалась, чтобы Василий при жизни писал предсмертное завещание. Грех это! А теперь сын его – подъехал на автомобиле, погрузили туда смертельно больного отца и увезли...

Я навещала мужа у его сына, Вася был мне очень рад, но наши встречи не нравились его детям. А скоро они вообще перестали меня пускать к нему на свидания. Вот, однажды, накупила я всяких вкусностей, фруктов, - звоню к ним в квартиру, - дверь которой мне всегда открывали, внуки его были мне рады, - а тут, словно мой голос не узнают, - долго не отворяли. Затем, выскочила Васина первая жена и, давай, на меня кричать, оскорблять, матом даже послала...

Я развернулась на выход, а она меня – толк в спину так, что я чуть было не упала...

С тех пор стало мне совсем плохо, чую, не чисто там дело...

А дней через пять Вася умер. А я не знаю, как поступать, как его хоронить. Здесь и позвонил мне его сын, о смерти отца сообщает. Я говорю ему, что все знаю. А он мне – что же вы тогда к нам не идете? Я в ответ – как же придти, если меня выгоняют от вас, как собаку? Тот в ответ мне, что он, мол, мать ругал за ее поведение, и опять приглашает меня на похороны...

Взяла я с собой приятельницу и мы пошли проводить Василия в последний путь. Приготовила я и деньги, и одежду ему. Все передала сыну. Так и проводили мужа...

А потом начались мои страдания: оказывается, как только сын его привез отца к себе, вызвал сразу нотариуса и заставил отца написать дарственное заявление на себя.

Мне он сразу же сказал, чтобы съезжала. Врежу в вашу квартиру, говорит, другой замок, пушу туда квартирантов. Квартира-то была не приватизированной, потому он сразу же подал на суд, чтобы меня оттуда выселить. Суд присудил ему половину этой квартиры, а тот стал требовать с меня деньги на выкуп всей жилплощади. Угрожал. Я позвонила дочери, та приехала, привезла денег. Но они – в Сбербанке были на счету. Там несколько дней ждать надо было, пока они не соберут всю сумму к получению наличностью. Заведующая сберкассой предложила мне открыть новый счет на имя Васиного сына. Что я и сделала. Я так и решила. Звоню ему, ищу его, а он, словно в прятки играет, не могу отыскать его! В банке ничем помочь не могут. Все – только через суд...

Пошла на работу Васиного сына, обратилась к его начальству. Там женщина, добрая такая с виду, пообещала разобраться, но была не уверена, - поймет ли он ситуацию, захочет ли разрешить все миром...

Вышла я в коридор, жду. Минут через двадцать прошел в тот кабинет сын Васи. Долго они там беседовали, а когда он вышел от начальницы, то и говорит мне, что половину свою он продавать мне не станет!

Я в сберкассе сняла свои деньги, немного успокоилась. А наутро звонок, - сын Василия требует, чтобы мы ехали к нотариусу оформлять продажу мне квартиры. Так и получилось: все оформили, деньги я отдала ему. И, наконец, уснула в своей законной квартире крепким сном», - так все и поведала мне Зинаида Николаевна, а я пересказала моим читателям эту вполне житейскую историю с хорошим концом...

Александр НАДЫКТОВ

Русский олигарх

(Повесть)

Невероятно, но шестидесятилетний Андрей Державин, несмотря на своё огромное финансовое состояние, не входил в список олигархов. Более того, никто и не предполагал, что он “владелец заводов, газет, пароходов”. Выпускник МГУ середины 70-х годов, окончивший университет на кафедре “Организация управления производством”, которая была новаторским явлением в системе высшего образования страны, достигнувшей в перестроечное время больших успехов в коммерческой деятельности, он никогда не светился не только в СМИ, но и редко бывал на представительных деловых встречах. Андрей Андреевич предпочитал находиться в тени. Являясь одарённым и везучим финансистом, он сторонился громких финансовых сделок. Находиться на авансцене, как считал Державин, значит, подвергать себя возможному пристальному вниманию со стороны окружающих, в части которых прятается негативная биоэнергетика, способная своим коварством свалить любого гения.

Державин специализировался на выгодных контрактах со сравнительно небольшими фирмами и корпорациями, доход от которых был не весьма громаден. Но таких контрактов, заключённых во многих странах мира, было огромное количество. И в результате эта работа приносила ему и тем, чьи интересы он иногда представлял, солидные дивиденды. Он никогда не был подвержен тщеславию, ему не нужны были известность, слава и даже, что может показаться парадоксальным, странным, огромные деньги. Может быть, поэтому, не являясь закомплексованным и скованным внутренне эгоцентризмом, основываясь не столько на ортодоксальных финансовых, экономических законах, сколько на игровом характере его серьезной деятельности, этот человек импозантной наружности достигал великолепных результатов. Видимо, хотя он и владел в достаточной степени ситуацией в рыночной экономике, в коммерческой среде, в частности, его значительно выручали интуиция и везение.

Достигнув больших успехов в бизнесе, Державин всё же не считал его своей стихией. И чем дальше, тем острее чувствовал, что дело, которым он занимался, стало ему надоедать.

Идя ранним майским утром к автостоянке частных машин, Андрей Андреевич как раз размышлял о возможности поменять род своей деятельности, что, в свою очередь, может изменить в целом весь уклад его жизни. Понятно, что мыслями об этом он ни с кем из близких не делился. Иначе бы его жена и сын посчитали, что он свихнулся, а некоторые коллеги поставили бы диагноз: нарушение нормального функционирования мозга. Впрочем, это одно и то же. Державин был неординарным человеком, что не исключает некоторую странность поведения, воспринимаемую глазами, во всяком случае, окружающих, живущих по каким-то трафаретам, стереотипам и житейским догмам. За свою сознательную жизнь ему приходилось резко менять направление своей деятельности. Первый раз это случилось, когда ему было 17 лет. Учась на втором курсе горного техникума, он параллельно учится в последнем классе вечерней школы. Получив аттестат об её окончании, он на третьем курсе внезапно бросает учёбу и приезжает к родителям домой. С учётом, что его отец был крутого нрава, это был очень решительный смелый шаг. Сначала отец обрадовался, увидев сына, полагая, что тот приехал на 2-3 дня побывать дома. Однако, узнав, что сын бросил учёбу, вспикел:

- Ты что, с ума сошёл?! Недоучка!

Андрей приготовился к такой реакции отца. Он вынул из кармана аттестат и подал ему. Тот недоумённо глянул на документ, несколько успокоился и спросил:

- И что же ты думаешь теперь делать?

- Пойду работать в шахту и буду готовиться к поступлению в университет, - спокойно ответил Андрей.

Второй неожиданный шаг в жизни Державин совершил после окончания университета. По распределению он попал на один из крупных заводов Украины, где попытался внедрить ряд оптимальных методов управления производством. Номенклатурное руководство стало на него косо поглядывать. Андрей на летучках, планёрках, совещаниях бился, как рыба об лёд, объясняя, доказывая, что производительность труда, себестоимость выпускаемой продукции в целом, рентабельность зависят во многом от умелой, чёткой организации труда. Он ссылался на опыт работы в США, Западной Европе, на работы известного экономиста, крупного специалиста по организации труда Терещенко, на получившую большой резонанс книгу Н.Смеякова "Деловая Америка", на партийные документы, посвящённые эффективности производства и качеству выпускаемой продукции. Но всё это было гласом вопиющего в пустыне. Начальник одного цеха прямо ему заявил:

- Я пятнадцать лет руковожу цехом. И не было ни одного года, чтобы не выполнялся план. А ты, умник, даёшь мне наставления. Плевать я на них хотел, молокосос. Понял? А не понял, значит, скатертью дорога!

Отсутствие полного понимания и приобретение недругов на работе вынудили Андрея Державина покинуть завод. Проработав ещё год на одном комбинате, он понял, что является лишним специалистом на социалистическом производстве. Андрей махнул рукой на этакий дурдом, как он выражался, и уехал в Донбасс, где прошли его детство и юность, где жила его мать; отец, к сожалению, погиб в шахте. Все, знавшие его друзья, знакомые, ахнули, когда он, выпускник самого respectable вуза страны, специалист в области плановой социалистической экономики, свободно владеющий немецким и английским языками, устроился работать забойщиком, где когда-то начинал свою трудовую деятельность. Некоторые посчитали, что у него проблема с головой. Хотя, следует сказать, он не был пионером своеобразного социального диссидентства. На шахтах угольного комбината рабочим очистного забоя работали уже, как стало известно ему, и выпускник МГИМО, и бывший заведующий аптекой и лингвист, окончивший в своё время ЛГУ, знающий три иностранных языка. Конечно, у каждого из них была своя судьба. Но было и одно общее: общество не нуждалось в них.

В жизни Державина был и ещё один серьёзный, радикальный поступок. Являясь членом обкома партии и парторгом крупного угольного предприятия, он вдруг подаёт заявление о добровольном выходе из КПСС, считая, что её руководство развернуло партийный корабль в иную сторону. Одним словом, Андрей Андреевич неоднократно совершал поступки, влияющие в будущем на уклад его жизни. Он желал жить независимым человеком. И делал это не по подсказке кого-то, не спонтанно.

Вот и сейчас Державин почувствовал, что попадает в тиски регламентированной олигархической жизни, где всё замыкается на одном - деньги, деньги, деньги. Державина же всегда влекла нестандартность жизни. Последние десять лет Андрей Андреевич жил в красивом престижном доме советских времён, недалеко от китайского посольства. Конечно, он мог проживать в дорогом современном особняке в любом элитном месте Москвы. Но у него была своя философия жизни: резко не выделяться среди окружающих его людей, свести до разумного уровня использование финансовых и материальных возможностей. На вопрос о том, что означает "до разумного", он отвечал: "Если можно без чего-то обойтись, то обойдись. Следует рационально использовать возможности, средства, что не даёт телу и душе лениться". Его никогда не прельщал излишний акцент на собственной персоне. Если же он замечал, что кто-то

склонен к самолюбованию, у него пропадал интерес к нему. Живя в обыкновенной трёхкомнатной квартире, пользуясь автомобилем “Жигули” седьмой модели, Державин не привлекал особого внимания простых людей. И не потому, что он кого-то или что-то боялся. И даже не потому, чтобы быть ближе к народу. Дело в том, что чувствовал себя свободным, когда на нём не фокусируется внимание. В противном случае Державин вынужден был бы поддерживать, сохранять тот образ, который создался бы у окружающих в результате контрастности между ним и большинством людей. У него же был иной интерес к жизни. Поэтому, видимо, Андрей Андреевич для некоторых и казался странным, чудачковатым, что вёл обычный образ жизни, не вписывающийся в привычное представление об очень состоятельных людях.

Район Москвы, где он приобрёл квартиру, нравился ему ещё со студенческих лет, когда на первом и втором курсах Андрей проживал на Мичуринском проспекте в студенческом городке. Университет находился недалеко, минут двадцать ходьбы. Андрей редко ездил на автобусе. Ему нравилось рано утром, когда город уже проснулся, но москвичи, торопясь проглотить свой завтрак, ещё бурным потоком не пронесли, спеша на работу и учёбу, пройти спокойно до альма-матер. Зелёные насаждения и красивые газоны, ухоженные заботливыми руками, многочисленная персидская сирень, очаровывающая своим изумительным цветом и благоухающая тонким, нежным запахом загадочного и волшебного древнего Ирана, благотворно, целительно действовали на душу Андрея. Он чувствовал себя свежим и бодрым. Вдыхая в себя утреннюю прохладу, наблюдая городскую безмятежность, которая вот-вот уступит шуму, загазованности выхлопами машин, людской суете, Андрей был переполнен не передаваемым блаженством. Утренняя идиллия сливалась его с земной и небесной благодатью, переполняла его душу, умиротворяющим покоем, придавала ему ощущение некоторой райской жизни. Если же не идти в сторону университета, а пересечь Мичуринский проспект со стороны студенческих общежитий, то, немного пройдя, окажешься у высокой металлической ограды, протянувшейся несколько десятков метров. Поодаль за ней стоит строгое прямоугольное здание. Это и есть посольство КНР, от которого недалеко находится дом, где проживает Державин.

В студенческие годы здесь он иногда курсировал со своими сокурсниками в сторону известной чебуречной. Там было отменное пиво и неплохие чебуреки. На всю жизнь Андрей запомнил один эпизод, происшедший в этой закусочной. Он и его два приятеля, Виктор Козлов и Гарик Давидян, взяв по бокалу пива, сидели за столиком и вели непринуждённую беседу. Вдруг к ним обратился мальчишка лет десяти со своим ровесником - с просьбой дать монетку, которой не хватало, чтобы купить чебуреки. Гарик, приветливо улыбаясь мальчишкам, тотчас протянул руку в карман своего пиджака, достал горсть монет и с радостным возбуждением от того, что может им помочь, передал деньги одному из них. Мальчишки, оторопев от неожиданного множества монет, вопросительно взглянули на Гарика.

- Берите, берите, - весело сказал щедрый товарищ, - сам был таким.

Когда ребята отошли, Андрей изумлённо спросил, зная, что до получения стипендии ещё два дня жить, его:

- Гарик, тебе деньги прислали?

- Нет, - ответил тот.

- А что же ты разбрасываешься последней мелочью? - вознегодовал Андрей.

- Ерунда. Проживём! Жалко мальчишек, - все еще улыбаясь, ответил Гарик.

Для Андрея это был блестящий урок бескорыстности, доброты, щедрости. Может быть, с этого момента он почувствовал, что деньги - далеко не главное в жизни человека. И потом, став так называемым олигархом, он никогда, в отличие от других очень состоятельных людей, не раболепствовал перед рублями, долларами и иной валютой. Быть идолопоклонником денег, значит, как считал Андрей, потерять своё достоинство.

Каждое утро, направляясь к своему офису, либо в Министерство экономического

развития, куда его часто приглашали для проведения консультаций, либо на деловые встречи и, вступая в новый день своего существования, Державин не только не отдался от прожитой жизни, но и пытался мысленно воспроизвести отдельные куски, фрагменты минувших событий своей жизни, не упуская иногда отдельные, казалось бы, незначительные её детали. Он ловил себя на мысли, что пытается параллельно жить в прошлом времени, которое, по его мнению, неразумно было отсекал, забывать, смотреть на него как на отработанную субстанцию, как на ненужное утильсырьё. Время, рассуждал Андрей Андреевич, категория объёмная и неразрывная. Если жить только настоящим временем, то это может привести к утрате памяти. Использование памяти позволяет репродуцировать прошедшее время. Таким образом, как бы переводить его в настоящее. Заодно сохраняется, хотя бы частично, и зримое пространство прошлого времени. И не случайно квартира была приобретена им в том месте, где прошли его памятные студенческие годы. Не случайно Андрей Андреевич сохранил для себя “семёрку”. Не случайно, вместо того, чтобы с шиком отъехать от своего подъезда на дорогой модной машине, шёл до платной стоянки, взирая на привычную ландшафтную архитектуру, чтобы на короткий миг пребывать в былом пространстве. Державин воспринимал время цельным, удивительно насыщенным и колоритным явлением природы.

Садясь в “семёрку”, ставшую для него приветливым, надёжным, пусть и староватым другом, он нехотя снимал с себя кепку, футболку, спортивную куртку, слегка вздыхая, одевал белоснежную рубашку, галстук, дорогой пиджак, аккуратно висевшие на плечике в машине и ехал к другой платной стоянке. Там он оставлял “Жигули”, выходил на проезжую часть условленного места и садился в “Мерседес”, за рулём которого ожидал его телохранитель. Таким образом, он переходил незаметно для окружающих из одной ипостаси в другую, из одной среды, в которой жило большинство простых людей, именуемых в целом народом, в иную, где меньшинство руководствовалось законами, правилами большого бизнеса и соответственными манерами поведения, и, как правило, не принадлежало самому себе, упиваясь от всё возрастающего финансового «ожирения».

Прибыв в офис, Державин знакомился со сводками дежурившего в ночь сотрудника по информационной финансовой и коммерческой политике, узнавал о крупных событиях в мире, переговаривал по телефону со своими эмиссарами за рубежом, и только после этого проводил совещание с ведущими специалистами руководимого им коммерческого Агентства. Бизнесом Андрей Андреевич начал заниматься лет 10 назад. Работая, после неудавшейся попытки заниматься научной организацией труда в шахте, он даром время не терял. Владея немецким и английским языками, изучил самостоятельно испанский, регулярно уделял внимание солидным экономическим изданиям, читал зарубежную литературу. В 1994 году к нему неожиданно появился бывший сокурсник Александр Соловьёв, которого он не видел после окончания университета. Он не был другом Андрея. Державин всегда элегантно дистанцировался от ребят, родители которых занимали высокое положение. У Сашки Соловьёва отец был высоким партийным работником. Но обыкновенные приятельские отношения в студенческие годы Андрей сохранял с Соловьёвым, который был энергичным, спортивным, имеющим успех среди многих университетских девочек.

- Ну, Андрюха, вот, наконец, и встретились в твоём родном Донбассе, - радостно произнёс Соловьёв, протягивая руку для приветствия.

- Как ты меня нашёл, Саша? - удивлённо спросил Андрей, пожимая товарищу руку.

- Мир не без добрых людей, - улыбаясь, ответил неожиданный гость. - Это же надо, ну и чудак ты, Андрей! Стоило ли заканчивать МГУ, чтобы закопаться на много лет под землю?!

- Ну, не тяни, Александр, с чем связан твой визит? - приветливо спросил Андрей.

- Одним словом, крот ты шахтёрский, выполняю я миссию одной дамы. Живёт она в Нью-Йорке. Работает помощником представителя России в ООН. Через своего мужа, сотрудника ФСБ, узнала твой адрес и попросила меня, чтобы я тебя навестил. Она предлагает тебе интересную работу в этом представительстве, - «отстучал» расторопный Соловьёв.

Вот как! - удивлённо воскликнул Андрей. - Что же это за таинственная и заботливая мадам?

- Её имя её для тебя ничего не значит. Хотя ты и имел честь с ней беседовать, когда учился на пятом курсе. Помнишь, ты разговаривал с одной девушкой, мы тогда с тобой пропустили лекцию. Я подходил к вам, просил у тебя сигарету. Ты как-то косовато посмотрел на меня, видимо, недоволен был, что я буду лишним при разговоре. Поняв это, я сразу ретировался.

- Ну, ты, Саша, пока умойся, приведи себя в порядок с дороги, а я накрою на стол, - сказал Андрей, мысленно возвращаясь в университетское время.

Да, вспомнил про себя Андрей, был такой разговор. Однажды в перерыве между лекциями он подошёл к незнакомой студентке. Статная, с распущенными волосами, державшая сигарету в правой руке, на безымянном пальце которой красовалось обручальное кольцо, она казалась недоступной. Андрей решил проверить, сможет ли он расположить её к себе. Только и всего, не претендуя на какой-то флирт. Поприветствовав её, Андрей произнёс по латыни выражение и перевёл его:

- На что только не способна женщина.

Молодая особа недоумённо и настороженно взглянула на него. Андрей, понимая её опасение, разъяснил, придавая дружелюбность и шутливость латинской фразе, что её муж, благодаря этому кольцу лишился, видимо, некоторой свободы. Взгляд его собеседницы несколько смягчился. Она чуть улыбнулась и вдруг спросила:

- А почему, интересно, вы выбрали этот университет, а не другой вуз?

Андрей ответил, что МГУ сочетает в себе фундаментальность получаемых знаний и демократичность отношений между преподавателями и студентами. И то, и другое он очень ценит. Сделав небольшую паузу, Андрей пояснил:

- Есть два учебных заведения в Москве, где я никогда бы не учился - МГИМО и ВГИК.

Собеседница удивлённо и вопросительно взглянула на Андрея:

- И чем же они, молодой человек, вам не приглянулись, pardon?

- Дело в том, что там учатся, как правило, детки партийной, дипломатической и кинематографической элит, - ответил Андрей. - Привилегированность, протекция... Как мне думается, это снижает степень профессионализма. Более того, это приводит к снобизму - мягкой упаковке цинизма.

Девушка как-то странно посмотрела на Андрея. На его вопрос, на каком факультете она учится, та ответила, что является студенткой ВГИКа, а в МГУ пришла навестить подругу.

- И кем Вы будете после окончания глянцевого института? - спросил озадаченно Андрей.

- Я занимаюсь на режиссёрском факультете.

- А Вам приходилось в жизни голодать?

- Нет, - удивившись неожиданному вопросу, ответила будущий кинорежиссёр.

- Трудно будет ставить сцену в фильме о состоянии голода, если сам это не испытал, - произнёс как-то тихо и отрешённо Андрей.

Девида внимательно и с особым интересом взглянула на него.

- Ну, а муж, если не секрет, чем занимается? - со следовательским оттенком в голосе спросил Андрей.

- А он закончил МГИМО, - игриво ответила курящая девушка.

- За границей, наверно, окопался в каком-нибудь посольстве?

- Он работает в Москве, в МИДе.

- Так, так. Лихо же я вляпался насчёт снобизма, - улыбаясь, парировал Андрей.

Манера Андрея быть раскованным и в тоже время соблюдать чувство такта импонировала, видимо, студентке ВГИКа. Она уже легко и приветливо вела с ним беседу. Время за разговором прошло быстро. Зазвенел звонок, оповещая, что закончилась пропущенная Андреем лекция. Они поблагодарили друг друга за приятную встречу, так и не соизволив познакомиться. В этом случае инициатива должна была принадлежать Андрею. "Зачем, - подумал он, - мне чужая жена?"

Прошло месяца два-три после этой встречи. За это время Андрей пару раз видел её случайно в университете. Был момент, когда он хотел подскочить к ней и поприветствовать, но, вспоминая из известной песни строчку: "Зачем нам, поручик, чужая земля?" и, несколько трансформируя её концовку, как бы опомнившись, уходил в сторону. Однажды к нему подошёл тот же Соловьёв и сказал:

- Андрей, тебе передаёт привет одна девушка.

- Кто? - удивился Андрей.

- Помнишь девушку, с которой ты беседовал? Она была с распущенными волосами и курила.

- Ты её знаешь? Кто она такая? Она говорила мне, что учится во ВГИКе, а её муж работает в МИДе.

- Какой ВГИК? Какой "муж"?! - засмеявшись, воскликнул всезнающий товарищ. Она учится здесь, на втором курсе исторического. Никакого мужа у неё нет. Сейчас она улетела за океан, к отцу. Он у неё посол Советского Союза.

Соловьёв назвал её фамилию. И Андрей понял, что его собеседница решила пошутить над ним. Его несколько разозлило, что он поверил ей тогда.

- А мне всё равно, - с досадой произнёс Андрей. - Пусть летит хоть на Луну.

Вскоре Андрей получил диплом и уехал из Москвы.

И вот теперь, после нескольких лет жизни вне Москвы, вне стен университета, у него, в Донбассе дома его сокурсник Сашка Соловьёв, сидит за столом и аппетитно закусывает после выпитой рюмки.

- А почему всё же она меня вспомнила и предлагает в таком престижном месте работу? - спросил товарища Андрей.

- Объясняется, на мой взгляд, просто, - живо заговорил Соловьёв. - Твой неотразимый вид, которому намного уступает слащавая красота самого Алена Делона. твой блестящий интеллект, сочетающийся с удивительной простотой, а также нежелание расшаркиваться перед хорошенькой леди, видимо, произвело сильное впечатление на неё на долгие годы. Разумеется, этого недостаточно, чтобы предлагать тебе такую важную, ответственную работу. Новая власть ищет классных специалистов, которые заменили бы старых номенклатурных работников. Когда ты, Андрей, добровольно вышел из КПСС, являясь членом обкома партии и парторгом достаточно крупного угольного предприятия, твоё личное дело, сам понимаешь, попало в КГБ. После победы так называемых демократов оно перекочевало в ФСБ. Поняв, что ты, получивший блестящее образование в лучшем вузе страны, независимый от партийных догм бывшей правящей партии кадр, новая власть решила пригласить тебя работать на достойном и высоком месте.

- Да, я вышел из КПСС, которая, к сожалению, стала бюрократической партией, - неторопливо, опустив глаза, произнёс Андрей. - Но ведь это не значит, что я перестал быть человеком с коммунистическими взглядами.

- Ты не вздумай, - разгорячено воскликнул Соловьёв, вставая из-за стола, - ляпнуть это ещё где-нибудь. Ты же не идиот законченный, на самом деле. Не воспользоваться этим предложением, Андрей, было бы непростительной глупостью. Нельзя же быть, в конце концов, всю жизнь инфантильным. Пойми же, наконец, Андрей, не было коммунизма и никогда не будет. Жизнь доказывает, что это полная профанация. Если

хочешь проявить свои способности и знания, утвердиться в обществе, летим в Москву. А через две недели в Америку, в Нью-Йорк. Будешь работать в Экономической комиссии ООН по Европе. Не валяй дурака, Андрей!

Так оказался Державин в Америке, где поработал в разных структурах ООН. В последний раз входил в Экономический и социальный Совет ООН. За это время он побывал во многих странах, получил возможность контактировать с представителями ряда корпораций и фирм. Учитывая его высокое дарование, обширные знания и опыт, ему предлагали работать в правительстве России. Но Державин, почувствовав, что постепенно входит в новое номенклатурное сообщество, отказался. Да и его концепция социально-экономического развития страны в корне отличалась от проводимой в этом плане государственной политики. Невольно наблюдая по службе за своими соотечественниками, занимающими государственные и партийные посты, за их отношением к выполняемым обязанностям и друг к другу, Андрей Андреевич убеждался, что многие из них не отличаются от партократов и чиновников советского времени. Более того, они, выскочившие на волне перестройки и антикоммунистической истерии, прямолинейнее, рельефнее, не особенно беспокоясь о своей внешней благопристойности, выражали честолюбивые и корыстные цели. Находиться в атмосфере лицемерия, двойных стандартов Державин, конечно же, не мог. И он решил заняться бизнесом, где открывалось новое, широкое поле для его неординарной личности.

Создав коммерческое Агентство, он занялся поставками в Россию мелкого ходового товара. Прибыль была сравнительно не очень великая. Однако быстрая реализация товара приносила “живые” деньги, которые тут же вкладывались в приобретение больших оптовых партий того или иного товара. К работе Андрей Андреевич подключил и своего сына Евгения, выпускника института народного хозяйства имени Плеханова, ушедшего через три года, когда отец достиг ошеломляющих результатов в коммерческой деятельности, работать в Министерство экономического развития.

Большой успех Державина в бизнесе объяснялся, помимо всего прочего, и тем, что он не боялся потерпеть в нём фиаско. Для него бизнес был не столько возможным финансовым доходом, сколько увлечением, при котором импровизация даёт ему ощущение непринуждённости, безбидного озорства. Отсутствие страха потерять все деньги в результате их вложения в дело, надёжность которого нельзя было до конца просчитать по причине возможной непредвиденной конъюнктуры, как раз и увеличивало для удачного коммерсанта вероятность успешной сделки. Может быть, поэтому фортуна, которую Державин воспринимал спокойно, без особого ажиотажа, и была к нему благосклонна. Но даже, если бы она и отвернулась от него, он бы не драматизировал жизненные обстоятельства, а с лёгкостью, с какой-то, возможно, облегчённостью, внутренне радуясь загадочным переменам, изменил бы образ жизни. Не боясь быть смешным в глазах многих, игнорируя привычные представления об успешной состоятельности, Андрей Андреевич мог опять пойти работать в шахту горнорабочим очистного забоя, чем, несомненно, шокировал бы, свалил бы наповал всех, кто его знал. И дело было вовсе не в его желании кого-то эпатировать. Скорее всего, экстраординарность Державина заключалась в особом его мировосприятии. Он считал, что мужчина, не умеющий зарабатывать себе на жизнь руками, это не мужчина. Своим близким и товарищам он говорил: “Жизнь на Земле может внезапно резко измениться. И человек, чтобы выжить, вынужден будет рассчитывать только на свои физические возможности, связанные с сооружением жилья и добычей пищи. Работа же президентов, председателей, олигархов, чиновников никому не будет нужна. Они канут в Лету, в реку забвения, оставив о себе лишь миф”.

Как-то сознательно провоцируя недоумённую реакцию своих собеседников, Державин в присутствии сотрудника ООН - представителя одной из кавказских стран и олигарха, еврея по национальности, как бы вскользь, обмолвился, что он мог бы

опять работать простым рабочим. У дипломата чуть глаза на лоб не полезли. Он, было, поперхнулся, тут же перевёл дыхание, быстро зажестикულიровал и выразительно, с известным акцентом вопросительно произнёс:

- Андрей, дорогой, ты вчера, наверно, много вина выпил или с женой повздорил?

А банкир поднял глаза на Державина, очень внимательно, проницательно посмотрел на него, оценивая степень серьёзности произнесённых слов, «проскрипел»:

- До чего же, действительно, загадочна русская душа.

Бизнесом Державин занялся не ради денег. Ему было интересно, сможет ли он достичь впечатляющих результатов. Войдя в круг богатых людей России, он потерял интерес к бизнесу. Дальнейшее наращивание капитала, который давно уже перешёл уровень разумной достаточности, теряло для него свой смысл. Роскошные автомобили, самолёты и яхты, виллы и замки никогда его не прельщали. Более того, к очень дорогим вещам он относился безразлично, а к их владельцам испытывал некоторое чувство неприязни. Когда один олигарх купил остров со всеми архитектурными достопримечательностями, Андрей Андреевич при всех присутствующих на одном из раутов пренебрежительно, нарушая соответствующий этикет, бросил в его сторону хлёсткую фразу:

- Кое-кто, нахapaвши в России и приобретя за её пределами очень дорогой райский уголок, решил, видимо, в недалёком будущем эвакуироваться из неё...

- Я расширяю тем самым территориальное пространство России,- ответил тот, прищуриw хитренькие глазки и ядовито улыбаясь.

- Типичное спекулятивное мышление, прикрытое ложным патриотизмом,- не выдержав, возразил Державин. - Скорее всего, таким образом, расширяется представительство Израиля, гражданство которого наш ушлый "соотечественник" тоже имеет.

- Но и Андрей Андреевич далеко не бедный человек,- ответил олигарх с горбинкой на носу.

- Я стал состоятельным человеком, чтобы одним богатым инородцем в России было меньше. На мой взгляд, быть одновременно гражданином разных стран, значит, не иметь родины.

Державин больше всего ценил в человеке сочетание ума и простоты, бескорыстности. Примером для него среди исторических личностей был Фокиан и его жена, не носившая принципиально золотых побрякушек, считая, что её бесценным украшением является сам Фокиан. Не так уж часто встречались в жизни Андрею Державину люди, обладающие высоким умом, широкой образованностью и удивительной открытостью, приветливостью и доброжелательностью. Когда это случалось, у него на душе был настоящий праздник. Одна из таких редких встреч произошла в одном из летних отпусков, в молодые годы. Он отдыхал в Сочи.

На пляже, где утром расположился Андрей, было не очень много людей. Отсутствие пляжного шума и суеты, которые сопутствуют при большом скоплении отдыхающих, убаюкивало его, заботливо обогреваемого лучами божественного солнца. Неожиданно раздавшийся с высокого черноморского берега колокольный звон не нарушил пляжное настроение отдыхающих. Своими мягкими звучащими переливами он соединился с лёгкими нежными облаками, с прозрачным морским воздухом, с играющими бликами морских волн и создал ощущение удивительно сказочной безмятежности. Державину хотелось, чтобы это умиротворяющее состояние продолжалось как можно дольше, унося волшебными колокольными звуками его душу в райскую беспредельную даль...

В этот момент ему показалось, что прежняя жизнь - это лишь механическая деятельность, суета живых существ. А вот настоящая жизнь - это то, что происходит сию минуту, когда душа, растворившись в небесных звуках колоколов, парит вместе с ними над землёй и морскими просторами. Что-то в этом есть от таинственной

привлекательности. А таинственной красотой может быть, пожалуй, только кратковременность, покрытая лёгкой завуалированностью и неизвестностью. Иначе всё было бы тривиально и скучно. Остаётся, думал Андрей, быть только благодарным Создателю, что, оставаясь от нас на неизмеримом расстоянии, Он дарит нам удивительные минуты вселенской радости.

Но сказка вечной не бывает. Колокольный, колокольчиковый звон постепенно утихал, уплывая в запредельный мир. Потеряв интерес к морскому пляжу, все, находясь под впечатлением изумительного звучания и какого-то особого состояния души, Державин оделся и побрёл по крутому склону к церкви, которая взирала с высокого берега на людей, обитающих на пляже, на лазурные владения Посейдона. Повелитель морей тоже был, видимо, во власти чарующих звуков, а потому море тихой гладыю поблескивало под солнечными лучами.

Поднявшись к небольшой церкви, Андрей задумчиво остановился. Войти в храм он не решился, объясняя это себе тем, что ещё не освободился от многих земных неблагоприятных привычек. Желая перекусить, он направился в столовую санатория, в холле которого заметил небольшое столпотворение. Звучный женский голос оповещал о сочинских достопримечательностях, а отдыхающие плотным кольцом скрывали глашатая с удивительным голосовым тембром. Державина так и подмывало увидеть обладательницу чудесного голоса, подождав, когда ряды заядлых туристов поредеют, он, наконец, увидел женщину лет шестидесяти. Утончённость черт её лица и выразительные глаза придавали ей необыкновенную достоинность. Когда все разошлись, Андрей решил заговорить с этой необычной женщиной, чтобы услышать и насладиться ещё раз её необыкновенным голосом, который казался ему продолжением колокольных переливов. Говорить какие-то дежурные фразы ему не хотелось, понимая, что на подобную стереотипность она может просто отмолчаться, посчитав, что перед ней обычный курортный трепач. И он начал с того, что привлекло его в первую очередь:

- Мне никогда не приходилось слышать такого приятного голосового тембра в сочетании с чётко выраженной дикцией, - обратился он к незнакомой женщине. - Такое ощущение, что он, напоминающий утренний перезвон колоколов, идёт из запредельного, божественного мира.

Женщина приветливо улыбнулась, выслушав его восторженные дифирамбы, показывая своими пронизательными глазами, что вполне верит его искренности.

- Голос отражает внутреннее мирозерцание человека, - сказала она. - Я по профессии филолог, что, несомненно, способствует некоторому благозвучию речи. Благодарю, молодой человек, за комплимент.

Державин поделился с ней впечатлением от колокольной музыки, услышанной им недавно.

- Я подобное чувствовала в Домском соборе в Риге, слушая церковную музыку и хоровое песнопение. Верите, у меня слёзы на глазах выступали от испытанного чудодейственного звучания.

Чувствуя приветливое расположение друг к другу, они решили встретиться в выходной день. Через пару дней, в полдень, когда людей в парке было ещё немного, они встретились у центрального входа. Андрей вручил ей букетик красных гвоздик, чему пожилая женщина была рада. Счастливыми глазами она осматривала цветы, нежно придерживая их. Прогуливаясь по парку и слушая её, Державин любовался палитрой её голосовых связок, изысканной манерой, говорить, которая сочеталась с простотой и чёткостью изъяснения. Казалось, всё вокруг оживало под её музыкальной очаровательной речью. Чтобы отдохнуть, они присели на скамейку, расположенную в уютном живописном месте. Они говорили о литературе, к которой Андрей имел большое пристрастие.

- Я не представляю себя, - сказала женщина, - без книг: ежедневно читаю хоть один из "толстых" журналов.

- Что особенного можно отметить в творчестве Набокова? - спросил Андрей.

- Он является, Андрей, великолепным стилистом в русской литературе. Пожалуй, в этом смысле он близок к Лескову, - быстро ответила женщина.

Она имела очень большие познания и в зарубежной литературе. Ею назывались имена и произведения самых разных иностранных прозаиков и поэтов, от творчества которых Державин был просто в восторге. Чувствовалось, что литература, музыка, живопись, архитектура были для неё тем материалом, посредством которого она постоянно выстраивала внутренний духовный ансамбль. В нём она ощущала себя комфортно, изящно, прелестно.

Постепенно с литературной темы они перешли на социально-психологические аспекты реальной жизни. В данном широком «поле» они оказались на одинаковых позициях. Причиной общих интересов и единоклассия, как заметил Державин своей собеседнице, с чем она согласилась, была их, пожалуй, родственность натур, душ. Несмотря на большую разницу в возрасте, на совершенно разный жизненный опыт, они были очень близки по духу и, как показалось Андрею, по характеру. Попрошавшись на выходе из парка «Ривьера» с Марией Ефимовной, Андрей с некоторой грустью, понимая, что вряд ли ещё увидит эту неповторимую, элегантно одетую почтенную женщину с гвоздиками в руках, посмотрел ей вслед. Он стоял, наблюдая, как всё её тело уходит от него родственный его душе человек.

Прошло много лет, но он до сих пор находится под впечатлением божественной колокольной музыки, изумрудно пленяющего женского голоса, высокого ума и неподдельной простоты настоящей Личности.

Андрей Андреевич понимал, что вот-вот с бизнесом с его стороны будет покончено. Ему опротивела среда политиков, банкиров, бизнесменов. Практически все они находились в состоянии долларовой лихорадки. Державин чувствовал, что находится на грани нервного срыва, настолько омерзительная, липкая зараза окружала его в так называемом деловом мире. Ему удалось убедить жену и сына, что он должен снова изменить свой образ жизни. Этому пониманию со стороны родных ему людей способствовало и то, что после тридцатипятилетнего отсутствия он, наконец, выкроил время, чтобы побывать вместе с ними пару дней в местечке, где прошло его детство.

За рулём машины сидел сын Державина, Евгений. На заднем сидении - Андрей Андреевич и его жена, Мария Васильевна. Километра за два-три, подъезжая к посёлку Русичи, прилегающему к Северскому Донцу, Державин попросил сына остановить машину. Все трое вышли намного размяться после продолжительной езды. Евгений смотрел на отца, стоявшего отдельно от него и матери, и любовался им. Перед ним стоял статный, красивый мужчина с проседью на висках. Напряжённый, пронизывающий взгляд отца магически действовал всегда на окружающих. Все чувствовали, глядя на него, что перед ними сильный, решительный и незаурядный человек.

- Что испытываешь, отец? Волнуешься? - спросил Евгений и глянул на мать, которая прислонила указательный палец к своим губам, давая понять сыну, что не следует беспокоить вопросами отца в эти минуты.

- Жень, - после недолгого молчания заговорил отец, - уже несколько десятилетий я остро чувствую непреодолимую тягу к родным местам, где прошло моё босоное детство. Это такое сокровенное чувство, что особенно-то им и не делишься со многими. И не потому, что далеко не все его могут понять. Просто остерегаешься, сын, что неточным, корявым словом можешь размазать, исказить картину своей тихой, неприметной родины. Тот, кто чувствует её, либо молчит, либо старается очень бережно говорить о ней.

Андрей Державин на короткое время замолчал, присел на край небольшого оврага, показал рукой сыну, чтобы тот сел рядом.

- Только, пожалуйста, в зрелом возрасте, - заговорил снова он, - можешь рельефнее

обозначить и по-настоящему оценить свою малую родину. Конечно же, прав был Николай Рубцов, один из лучших русских поэтов XX века, писавший о пылком мальчишке, торопившемся уехать из деревни.

И отец тихо, смотря в сторону, где за возвышенностью располагались его Русичи, процитировал рубцовские строки:

Когда ж повзрослеет, в столице,
Посмотрит на жизнь за границей,
Тогда он оценит Николу,
Где кончил начальную школу.

Наступила опять тишина. Мария Васильевна, используя походную газовую горелку, приготовила всем кофе. Сын смотрел, как мать старательно готовит бутерброды. Он всегда удивлялся её аккуратности. Она была спокойной, собранной, внутренне организованной натурой. Андрей Андреевич тоже очень ценил эти качества. Мария Васильевна, тихая, по большей части молчаливая, никогда ни в чём не упрекала мужа, хотя было за что.

Выпив кофе, Андрей Андреевич, понимая, что он должен поделиться с сыном своими чувствами, продолжил говорить.

- Сын, ты знаешь, что за свою жизнь мне пришлось бывать в разных уголках Советского Союза, России, за границей. Я служил в тихой Белоруссии и в суровом Красноярском крае, учился в Москве и работал на шахтах певучей Украины, отдыхал в солнечной Абхазии и достопочтенной Латвии. Многое запомнилось. Посещал великолепную библиотеку Ленина, прекрасные музеи и выставки страны, осматривал достопримечательности древнерусских городов. Бывал в известных местах и живописных уголках других стран. И всё же дороже всего для меня является шахтёрский поселок Русичи, куда мы сейчас и направляемся.

- Чем же он покори́л твою душу, отец? Что в нём такого особенного? Ведь есть много замечательных мест, с которыми твои Русичи, думаю, не могут и сравниться.

- Наверное, Женя, малая родина включает в себя в первую очередь память детства, начала жизни каждого человека. Именно с этого возраста возникает ощущение, духовного, кровного родства с родными, близкими и с окружающей природой. Память впервые отпечатывает глубоко и навсегда след начало жизненного пути.

После небольшого перерыва Державины продолжили поездку. Андрей Андреевич сел рядом с сыном. Русичи он не видел несколько десятилетий. С чувством громадного волнения сей человек, умудрённый жизнью, объехавший чуть ли не полмира, подвезжал к захолудному, Богом забытому местечку в сотню маленьких стареньких домиков. У Державина перехватывало дыхание. Он пытался подавить в себе едва заметную дрожь, которая готова была завладеть всем его телом. Он въезжал в своё святилище. Он бесконечно был ему рад. Вдали показался марганцево-бурового цвета старый террикон, напоминающий собою египетскую пирамиду. Одиноко стоящий, с грустной молчаливостью он всё же возвещал, что когда-то под ним, глубоко под землёй, стучала, грохотала, кипела горняцкая работа, благодаря которой жил и веселился шахтёрский посёлок. У подножия этого гордого террикона стояли приземистые, глинобитные, тихие, как старушки, повидавшие многое в жизни, домики.

За посёлком появились очертания знакомого с детских лет небольшого леса, по-братски обнимающего донскую реку. От эмоционального напряжения у Андрея Андреевича больно резало глаза. Он возвращался в далёкое, уютное детство. Время молниеносно устремилось к истокам прожитой жизни. Мгновенно то, что раньше привлекало своей значимостью: и высотное здание МГУ, где Державин постигал науки, и Красная площадь, которую любил он посещать, и колокольня Ивана Великого, величием и строгостью которой всегда любовался, и Мачу-Пикчу, святилище инков, в котором ему однажды удалось побывать, и Джомолунгма, мечта его детства, куда он уже точно не попадёт, - отступило, раздвинулось и быстро исчезло. Перед

Державиным открылось его родное святилище. В нём он перво-наперво отыскал жадным взором маленький финский домик. Не исчез! Стоит он, покрытый красной черепицей. Это его школа. Здесь, в одной из комнат, проходили уроки сразу трёх классов. В стенах этого домика он начал постигать грамоту.

Расположившись у тётушки Державина, оставив жену с ней в доме, Андрей Андреевич вышел с сыном во двор, где молчаливо отживали свой век фруктовые деревья. Они присели на скамейку у яблони. Евгений, глядя на отца, чувствовал, что с ним происходит какое-то внутреннее преобразование, что перед ним открывается подлинный смысл существующего бытия.

- В юности, Женя, я много размышлял о смысле жизни, - как бы угадав, о чём думает сын, заговорил Державин. - Мне казалось, что главное в жизни - получить блестящее образование, сделать большую карьеру, получить признание в обществе. Оказывается, как я сейчас могу судить, прожив очень много лет, не это главное. Вся моя образованность, моё положение в обществе, моё большое финансовое состояние не представляют для меня той значимости, которую имеют мои детские годы. Я бы всё отдал, чтобы вернуться в детство. Всё же иное в нашей "боевой" и "кипучей" жизни напоминает театр со своей бутафорией, с нелепыми порой декорациями и каким-то наигранным звучанием, театр, где актёры пытаются создать видимость жизни, заменяя тем самым ту, которую бы они, действительно, должны были прожить. Смешные, глупые, отвратительные, талантливые и бездарные, симпатичные актёры. И на всех маски. Некоторые из них иногда снимают их на время. И становятся на миг милыми, по-детски привлекательными людьми. Мне же нужно видеть постоянно не актёров, а людей с живым характером, которые выражали бы непосредственность, неподдельную искренность и простоту. А это может быть в основном там, в далёком детстве, которое кровно связано с отчим домом, с любимыми родителями, с ребяташками - огольцами и, конечно же, с природой родного края

Отец встал. Приподнялся и Евгений. Андрей Андреевич, положив руку на плечо сына, сказал:

- Пойдём отдыхать. Завтра я покажу достопримечательности своего «святилища».

На следующий день, позавтракав, они решили пройтись по малоллюдным Русичам. Повсюду, где они проходили, царила тишина. Пропал размерный гул шахтных вентиляторов, возвещавший о постоянной подземной жизни. Давно уже закрыта, не работает шахта. Нет и шахтных построек. Исчез, словно провалился под землю, статный копёр, со своими двумя часто вращающимися шкивами, расположенными на самой его высоте и стремящими колесить по небу. Остался лишь старый террикон, напоминающий безмятежного мудреца.

Проходя между бывшей столовой, в которой в былые времена, как заметил отец сыну, всё время пахло пивом, древесными опилками, устилавшими пол, куревом, сопровождавшимся папиросным дымом, и баракком, в котором когда-то было общежитие, где жили молодые, крепкие шахтёры, Андрей Андреевич, слегка подталкивая сына за локоть, спешно обратился к нему.

- Смотри, смотри, Женя, левее магазина из силикатного кирпича, построенного после моего отъезда из посёлка, когда-то стоял маленький деревянный магазинчик, где продавали и хлеб, и ткани, и всякую одежонку, а рядом с ним находился такой же домик, где была парикмахерская, которую я навсегда запомнил. Я в неё редко заходил. Но когда бывал, видел там высокого, здорового, с крепкими ручищами парикмахера, на голове которого красовалась интересная по тем временам мужская причёска - седовласый "ёжик". Видя такого огромного мужчину в белом халате и с игрушечной для его больших лап машинкой для стрижки, я, мальчишка лет семи, удивлялся про себя тому, что он не работает в шахте, как все дяденьки, а выбрал себе дамскую профессию. Лишь почти полвека спустя я узнал, что он был евреем.

- Потому он тебе и запомнился, что выбрал работу далеко не шахтёрскую? - спросил Евгений отца.

- Не только поэтому. Этот парикмахер всегда интересно говорил о каких-то политиках. Я ничего подобного раньше от взрослых не слышал. Его клиенты почти всегда молчали, слушая красноречивые рассуждения человека, похожего на древнеримского сенатора. Кое-кто из них всё же пытался иногда поддерживать с ним беседу. На стене висели портреты политиков. Одного из них я знал. Это был Сталин. Я знал, что он умер, помня, как все взрослые угрюмо, с каким-то чувством страха молчали, а некоторые плакали, не скрывая слёз. Два других политика, как мне казалось, с важным видом смотрели с портретов на желающих оболванить себя под "бокс". Повзрослев, я узнал, что это были Булганин и Маленков. Получается, что впервые о политике я услышал в маленькой парикмахерской от большого парикмахера. Его давно уже нет в живых, как и нет, сам видишь, самой парикмахерской. Но почему-то я трогательно вспоминаю об этом. Видимо, потому что дальнейшая жизнь показала, насколько многое в ней зависит от политиков, о которых впервые поведал мне парикмахер, понимая, наверно, что его соотечественникам никогда не везло на государственных "отцов".

Державин с сыном ходили по опустевшим улицам «святылища», которое покинули шахтёрские семьи, как и инки Мачу-Пикчу. И всё же это только кажется, что жизнь в нём угасла. Андрей Андреевич, в отличие от сына, слышит многочисленные голоса и видит знакомые лица. Например, он слышит голос своего приятеля с детских лет, сынишку главного инженера шахты. Мальчишка стоит перед домом Андрея и во всё горло кричит, не выговаривая "к":

-Андрюша, пойдём на анюшню, аней смотреть!

Приятели любили ходить на конюшню, глядеть на коней. Вид у животных был усталый из-за непосильной работы, которую они выполняли даже в подземных выработках. И им, мальчишкам, очень жалко было этих замученных животных. Своим присутствием они хотели выразить лошадкам сочувствие.

А вот - Андрей Андреевич слышит, как ему сигналист из машины. Это его друг Аляка (интересно, думает тут же Державин, как у него сложилась жизнь, может быть, живёт в далёком Израиле?) приехал со своим отцом на красивой немецкой легковушке, купленной где-то в Москве у какого-то генерала, чтобы забрать Андрюшу покататься. Он мигом влезает в трофейную машину, о которой они с Алякой какие только невероятные истории не сочиняли, усаживается на обтянутое красной кожей сиденье, думая, что на нём когда-то сидел фашистский генерал, которого, явно, убили, а он теперь по праву занял его место...

Видит Андрей Андреевич и каких-то пьяненьких мужиков. Среди них узнаёт и своего отца. Оказывается, в тот уже очень далёкий день его отец чудом остался жив в шахте. И они на радостях отметили это. Пройдёт несколько лет, прежде чем отец всё же погибнет в забое.

- А вот на этой улочке, Женя, я вижу,- пройдя немного, говорит Державин,- шумную свадьбу и слышу голосистые казачьи напевы:

Да горошеняк, да зелёненькай.

Да идёть Иван, ненагльденькай!

А над праздничной толпой взлетают постельные подушки...

Андрей Андреевич долго ещё водил сына по посёлку, показывая ему и место, где когда-то находился летний дощатый клуб без крыши, и пустырь, на котором в далёкие времена было футбольное поле, используемое часто для всенародных гуляний с духовым оркестром и с песнями. Конечно, они побывали и в лесу, прошлись по берегу Донца, о котором у Державина осталось много детских впечатлений.

Прогуливаясь по лесу, Андрей Андреевич, после некоторой задумчивости, вновь обратился к сыну:

- Я, Женя, не случайно тебя привёз сюда. Мне хотелось, чтобы ты отчётливее, зримее почувствовал истинные ценности человеческой жизни. Ты, конечно, взрослый, образованный человек. Но каждому из нас следует периодически возвращаться к истокам своей жизни.

- Да, для кого-то посёлок, наверное, и для меня, вымер, может быть. А для тебя он, видно, живёт прежней жизнью. Просто прошлое время тесно связано для тебя с настоящим и будущим. И у тебя не поехала "крыша". Всё это - одна жизнь. А она, как писал твой любимый Кортасар, есть комментарий ещё к чему-то, - ответил Евгений.

Отец благодарно посмотрел на сына, радуясь, что тот разделяет его мысли и чувства, и, как бы подводя итог размышлениям, произнёс:

- В том-то и ценность, святость моего посёлка Русичи, что он продолжает жить для меня прежней жизнью, позволяя мне находиться в едином времени, в едином пространстве, связывая с близкими для меня людьми.

Сейчас наступило время, когда с восторгом говорят о виртуальном мире. Идёт компьютеризация душ. А мне так и хочется целыми днями пропадать на родной реке. Донец всегда привлекал нас, мальчишек, своей чистотой, свежестью, прохладой. Наплававшись и понырявши вдоволь, мы бродили, нет, не по Интернету, конечно, его тогда и в помине не было, - по чудесному лесу. Вот и теперь, когда мы проходим по нему, я, как и несколько десятилетий назад, испытываю знакомые приятные ощущения. Слава Богу, что хоть здесь ничего не изменилось.

Вот, вот она, - смотри сын, - едва приметная небольшая роща. Самое чудесное место в лесу и на всей Земле. Это мой рай. Никогда и нигде мне не было так легко в жизни, как здесь, среди славных и приветливых дубков. Умирать буду, а они всё равно будут стоять перед глазами. Только здесь я чувствую во всей полноте умиротворяющий покой и сокровенную красоту жизни. Недаром дуб в переводе означает "красавец". У каждого человека есть, пожалуй, своё святилище. Оно непременно ассоциируется в памяти с родным очагом, с матерью, с детством. Без него, думается, невозможно успешное восхождение по крутым склонам жизни. И как бы не были прекрасны достигаемые пики, человек всё равно возвращается, может быть, молча, мысленно в своё «святилище», чтобы, зарядившись необходимой энергией, продолжать предначертанный судьбой жизненный путь...

Через два дня Державины вернулись в Москву. После пребывания в Русичах Андрей Андреевич окончательно решил оставить бизнес. Более того, он сказал жене и сыну, что хочет покинуть Москву и, возможно, уехать из России. Мотивировал он этим, что не может больше жить в стране, где разрушают социально-экономические и морально-этические основы общества, в котором он родился и прожил основную часть жизни.

- Отец, - возражал Евгений, - но ты ведь преуспевающий деловой человек. Твой бизнес процветает, а не разрушается. Да и твой социальный статус, согласишься, отделяет тебя от той грязи, от того разложения, которые в целом присутствуют в обществе!

- Женя, ты знаешь, что я убеждённый марксист. Ты также знаешь, что в бизнес я пошёл не ради больших денег. Я хотел убедиться сам и доказать сторонникам и защитникам капитализма, что лично я смогу стать состоятельным человеком, живя по законам рыночной экономики. Если бы я этого не сумел достичь, а лишь бы только критиковал капитализм, то мне сказали бы, что я его не принимаю только потому, что являюсь слабой, никчемной личностью, которая не хочет самостоятельно, по-настоящему работать, прячась в безличном социалистическом коллективе. Достигнув же больших успехов в системе рыночной экономики, я отсекаю возможность подобного объяснения.

Ты, Женя, также знаешь, что в МГУ я очень серьёзно изучал на русском и немецком языках "Капитал" Маркса. Я считаю, что капитализм не позволяет справедливо распределять результаты совокупного общественного труда. Если говорить о морально-этической стороне, то меня лично не устраивает роскошная жизнь, когда миллионы моих соотечественников влачат жалкое существование, еле сводя концы с

концами. Я, имея все возможности жить весьма и весьма комфортно, не испытываю комфорт в душе, когда вижу множество усталых, обездоленных, несчастных людей. Такой уж я человек. И дело даже не в том, что я родился в рабочей семье и сам много лет работал рабочим. Мне пришлось много видеть людей, выходцев из простых семей, ставшими материально и социально значимыми персонами, попав, как говорят, «из грязи да в князи», которые оказались большими мерзавцами. Много, видимо, зависит от генетической программы индивидуума...

- И куда ты, отец, все же решил направиться? В Русичи или за рубеж?

- Я долго раздумывал, над этим. В какой-то момент хотел уединиться в Русичах. Но пассивная жизнь всё же не для меня. Пожалуй, я уеду в одну из латиноамериканских стран, в которой народ, несмотря на громадные трудности, полон решимости построить у себя социалистическое общество. Мои знания, мой опыт и мои деньги могут, уверен, пригодиться такому народу.

- А разве своему народу ты не можешь оказать содействие в реализации планов улучшения его жизни?! - загорячился Евгений.

- К сожалению, нет, - с грустным видом начал отвечать сыну Андрей Андреевич. - Реальность такова, что в отличие от некоторых латиноамериканских стран Россия утратила интерес к социализму. А коль российский народ, находясь в социально-политической растерянности, не проявляет желания идти по социалистическому пути, то и мои услуги ему пока не нужны. Насильно мил не будешь. Я не отворачиваюсь от своего народа. Я иду навстречу к тем, с кем разделяю свои взгляды.

- Желаете закончить жизнь как Че Гевара? – сиронизировал сын.

- Че взял автомат в руки и пошёл в другую страну завоевывать её народу справедливость. Считаю, что это должен делать сам народ. Не следует со своим уставом идти в чужой монастырь. Че Гевара был великий романтик и идеалист. Я же буду в Латинской Америке заниматься прикладным экономическим моделированием в рамках построения социалистического общества.

- Ясно, что это будет либо Куба, либо Венесуэла или Боливия.

- Посмотрим... - коротко ответил Андрей Андреевич.

- А мать как же? - с любопытством спросил сын, глядя на неё.

- Я не для того выходила замуж, чтобы оставлять мужа и твоего отца одного. Вместе прожили значительную часть жизни и вместе её будем заканчивать, - спокойно произнесла Мария Васильевна. - Ну, а теперь, дорогие мои мужики, хватит о политике. Пойдёмте ужинать.

Через месяц после этого разговора с сыном Державин совершил поездку в ряд латиноамериканских стран, где встретился с их руководством. Андрей Андреевич предложил им интересные планы, связанные с эффективными методами управления экономикой, с оптимальным координированием их межгосударственных отношений, которые должны, по его мнению, определиться в форме тесного, сплочённого социально-экономического и политического Содружества. Державин выразил намерение предоставить под конкретные экономические программы и направления, требующие чёткости, слаженности и контроля выполнения, большую часть своего финансового состояния. К его предложениям отнеслись внимательно, с приятным удивлением и, разумеется, с нескрываемым приветствием. Руководство Венесуэлы предложило Державину возглавить один из секторов Министерства экономики. Он дал своё согласие. Впереди его ожидала большая, интересная, ответственная работа. Всю жизнь он отдавал приоритет идеям социализма. Если же Россия отказалась от социализма, то, в чём он был убеждён, это ещё не говорит, что этому общественному устремлению нет больше места в мире.

Вернувшись из зарубежной поездки, Державин вплотную занялся пересмотром своих активных счетов и депозитов. Свои полномочия по управлению Агентством он передал сыну. Имея большой жизненный опыт, являясь специалистом в области

организации труда и управления производством, учитывая изъёмы и ошибки строительства социализма в СССР, он объективно имел возможность успешно реализовывать идею подлинного социализма с соответственной экономической политикой практически в любой стране, изъявившей желание следовать этому курсу. Владение же испанским языком, знаниями в целом латиноамериканской литературы, пониманием духовных, культурных ценностей жителей Латинской Америки, несомненно, увеличивало такую возможность на этом континенте.

Ещё в юношеские годы, когда Андрей впервые посмотрел латиноамериканские фильмы, когда впервые услышал пленяющие звуки аргентинского танго и мексиканских серенад, увидел прекрасное их исполнение, он был очарован задушевностью и пламенностью, искромётностью и пластичностью чудесной музыки и изумительных танцев. С этого времени и возникло у него молчаливое преклонение перед латиноамериканским характером, темпераментом, представляющими национальный облик народа. Впоследствии для него символами этого облика стали Симон Боливар, литературный герой Хосе Эрнандеса - Мартин Фьерро, Фидель Кастро, Че Гевара, Уго Чавес. Ещё объёмнее для Державина это обозначилось, когда он познакомился с литературными произведениями кубинца Карпентьера, аргентинца Кортасара, колумбийца Маркеса, бразильца Жоржи Амаду, перуанца Льоса, уругвайца Онетти, мексиканца Фуэнтеса. Он полюбил латиноамериканскую литературу за многогранность и объёмность, за высочайший интеллектуализм и бесконечный юмор, за богатый колорит красок и невероятное движение мысли, и мироощущение. Андрей Державин был признателен за то, что эти произведения раздвинули рамки его мировосприятия, открыли самые разные и мощные пласты латиноамериканской культуры, помогли ему подняться на новый, более высокий уровень понимания человеческой цивилизации.

Ярчайшей величиной в созвездии латиноамериканских писателей для Державина являлся Хулио Кортасар, один из видных авангардистов в художественной литературе XX века. Андрей Андреевич ценил его за то, что тому, используя громадное литературное дарование, высокую интеллектуальность и головокружительную эрудицию, через создание многообразных парадоксальных ситуаций удалось определить квинтэссенцию окружающего мира, которая не поддаётся прямолинейному, стандартному осмыслению. Для литературной эквилибристики этого писателя характерна игра со временем, являющаяся основой всей парадоксальности прозы Кортасара. Блестящий писатель помогал Державину "уловить", осознать время, раздвинуть его границы, заглянуть за его пределы, даже поиграть с ним в прятки. И всё это совершить в короткий миг, словно при неожиданной вспышке света увидеть и запечатлеть скрытую до этого темнотой чёткую предметность окружающей среды. Влияние Кортасара на литературные и эстетические вкусы, на интеллектуальный уровень и определённую философию жизни Андрея Державина было очень велико. Ценность всей латиноамериканской литературы для него заключалась и в том, что она комплексно, многогранно представляет психологию и поведение личности, позволяет отказаться от прямолинейности, стереотипов, с которыми традиционно часто делаются умозаключения.

Решение Державина уехать в Южную Америку многими его знакомыми оценивалось как, по меньшей мере, странное. Сам же Андрей Андреевич даже не пытался объяснить, почему он так поступает. Он считал, что у каждого своя стезя. И коль суждено пройти ею, то так оно и будет.

Незадолго до вылета в Каракас, когда необходимые дела в связи с предстоящим переездом были закончены, Державин в бодром настроении, купив букетик цветов жене, подходил к своему дому. Проходя мимо пивного киоска, он услышал вдруг, произнесённую мужским голосом, фразу на латинском языке: "Feci quod potui faciant meliora potentes", означающую в переводе - "Я сделал, что мог, что может, пусть сделает лучше". Державин резко остановился и повернулся в сторону, откуда раздалось

изречение, которое с давних студенческих лет любил часто повторять его сокурсник и приятель Алексей Козлов. Недалеко от киоска стояли два мужика с рожами, заросшими щетиной, неопрятно одетые, распивающие пиво. Судя по всему, это были бомжи. Державин хотел продолжить свой путь, но он снова против воли пристально посмотрел на подвыпивших «дикообразов». Андрей Андреевич, заинтригованный тем, что в этой компании далеко не интеллигентного вида кто-то претендует на эрудицию, подошёл к ним, продолжая их разглядывать, и с иронией произнёс:

- Что-то вы, мужики, я вижу, немногого достигли?

- Лёха, Лёха, - быстро обратился к своему товарищу, среднего роста, с припухшими глазами подвыпивший, - ответь-ка ему, этому франту, по научному, а то я его пошлю по-нашенски!

Державин взглянул на Лёху и обомлел. Перед ним стоял до неузнаваемо опустившийся Алексей Козлов, которого он не видел лет двадцать.

- А ты, милорд, видно сечёшь по латыни? Ин-те-ресно! Говоришь, что мы «немногого достигли»? - обратился к незнакомцу Алексей, поглаживая пальцами правой руки свои усы и подмигивая своему товарищу. - «Omnia mea mecum porto». Надеюсь, понял? Если вдруг не понял, то для таких правильных и чистеньких перевожу с латыни - «Всё своё ношу с собой». Знаешь, старина, наше достижение это то, что мы никого не грабим и не обворовываем, не врем и не обманываем, не хамим и не обижаем в отличие от многих так называемых «новых русских». Так что, земляк, не надо в нас тыкать пальцем, иди своей дорогой, куда шёл.

- Алексей! Козлов! - воскликнул Державин. - Ты меня не узнаёшь?! Я рад тебя видеть, дорогой.

Лёха внимательно посмотрел на «милорда»:

- Если не ошибаюсь, передо мной Андрей Державин. Привет, Андрюша! Я тоже рад тебя видеть, - протягивая руку для пожатия, сказал Козлов.

Они пожали друг другу руки и обнялись. От Алексея тянуло перегаром, табаком, запахом сенной трухи и картофельной ботвы.

- Алексей, я здесь рядом живу. Пойдём ко мне домой. Будешь желанным гостем.

- Спасибо, Андрей. Но я в таком виде... Жену твою пугать?

- Да, вид у тебя, правда, далеко не парадный. Однако это поправимо. Рядом парикмахерская, дома душ - и полный порядок!

Алексей попорочался с приятелем. И они вместе с Державиным направились в парикмахерскую.

Пока Алексея брили и стригли, Андрей Андреевич кому-то позвонил по сотовому телефону и попросил, чтобы купили новый костюм, рубашку, туфли и привезли ему домой, указав соответственный размер Алексея. Сделал звонок он и жене.

Алексей вышел из парикмахерской лет на десять помолодевшим.

Державин, открыв дверь квартиры, пропустил Алексея вперёд. Навстречу вышла Мария Васильевна. Она приветливо встретила Алексея, который вручил ей цветы, переданные ему Андреем. Приняв душ и одевшись в новую одежду, он стал абсолютно непохожим на Лёху у пивного киоска. Мария Васильевна приготовила крепкий чай с бутербродами. Все уселись за стол.

- Наконец, я увидел настоящего Алексея Козлова, - весело сказал Державин. - Ну, что, гордость нашего курса, какие у тебя проблемы? Чем могу тебе помочь, дорогой?

- Спасибо, Андрей, за внимание, за гостеприимство, за протянутую руку помощи. Но я в ней не нуждаюсь. Меня устраивает мой образ жизни.

- С трудом верится, что человека, закончившего университет с отличием, владеющего английским, французским, испанским, латынью, широкими и глубокими познаниями которого восхищались не только деканат, но и ректорат, устраивает жизнь, извини, заблудыги и оборванца.

Алексей перехватил укоряющий взгляд Марии Васильевны на мужа.

- Не беспокойся, Мария, я не обижаюсь на Андрея. Я, действительно, выпиваю и выгляжу неряшливо. Но зато я никому не делаю плохо. Ну, а насчёт образования... А при чём оно здесь? - Алексей на минуту замолчал, сделал несколько глотков чая. - Есть люди весьма образованные, а являются мерзавцами. И есть без него - милые, порядочные люди. Ты знаешь, Андрей, когда жена Льва Николаевича Толстого спросила его, чему желательно сначала учить ребёнка, музыке или иностранному языку, он ответил, что в первую очередь нужно, чтобы он стал Человеком. А это куда сложнее достигается, чем получение даже блестящего образования.

- Да, но ты ведь мог бы жить более интересной и значимой жизнью.

- А кто тебе сказал, Андрей, что я живу неинтересной жизнью? - закончив пить чай и, поблагодарив жену Державина, спросил Алексей. - Я не загружаю свою голову всякими планами, обязательствами, проблемами, такими, например: как купить модную машину, какой подарок преподнести начальнику или чиновнику, за то, чтобы он тебе повысил зарплату. Я никому ничего не должен, никому ничем не обязан, не завишу, если не от всех, то от многих надуманных стереотипов поведения.

- Алексей, - вступила в разговор жена Державина, - а семья у тебя есть?

- Семьи у меня нет. С женой мы оказались разными людьми. Разошлись. Детей не было.

- Может быть, поэтому тебя и устраивает этот образ жизни, что ты, к сожалению, одинок, - произнёс Андрей.

- Скорее всего, наоборот, Андрей. Мне нравится быть одному, а потому я так и живу.

Алексей посмотрел на Державиных, в глазах которых было некоторое недоумение, и, чуть улыбнувшись, продолжал отвечать.

- Вы что, дорогие мои праведники, думаете, что все выпивохи, бомжи, одинокие люди обязательно несчастные люди? Ничего подобного! Ну, вспомните хотя бы Омара Хайяма: "Уж лучше быть одним, чем вместе с кем попало". По моему глубокому убеждению, большая часть из них могла бы, если бы захотела, жить по иному, могла бы достигнуть трафаретного счастья: карьера, финансовое благосостояние, семейная идиллия. Но у них другие критерии ценности человеческой жизни, чем у многих. Как вам объяснить лучше? - Алексей сделал паузу, ещё раз лукаво улыбнулся, посмотрев на супружескую чету. - Наверно, без стакана вина мне это трудно будет сделать. *In vino veritas!*

- Что тебе предложить, Алексей? Коньяку? Вина? Водки? - привстав из-за стола, заспешил Державин.

- Нет, друзья, не беспокойтесь. Я пошутил. Как говорил Серёга Есенин, "Не такой уж горький я пропойца"...

- Так, всё же, каковы их и, стало быть, твои ценности жизни? - спросила жена Державина.

- Важно, Мария, как мне думается, не распылять себя в жизни, не суетиться. Человек так устроен, что ему много чего хочется. А жизнь одна, к тому же короткая. Видимо, многие об этом забывают. Забывают, что они получили неоценимый дар: видеть, слышать, двигаться. Для меня, Мария, это и есть главные ценности жизни, успокаивающие и радующие душу. А остальное, как правило, человеческие капризы.

Алексей замолчал, встал из-за стола, подошёл к стене, на которой висел рисунок Альбрехта Дюрера, полюбавался им. Потом перевёл взгляд на небольшую картину Рокуэлла Кента. Подойдя к фотографии, где был запечатлен Че Гевара, с минуту внимательно вглядывался в неё. Рядом была фотография, с которой в упор, магическим взглядом смотрел Хулио Кортасар.

- Твои кумиры, Андрей? - спросил Алексей.

- Да. Надеюсь, и твои тоже.

- Ты не ошибёшься. Меня всегда привлекали яркие, неординарные личности. Я слышал,

Андрей, ты стал богатым человеком. Зачем тебе это понадобилось? Насколько я помню, ты был убеждённым марксистом.

- А им и остался, Алексей, - произнёс Державин. - Марксу повезло. У него был богатый друг, фабрикант Энгельс. Я же своими знаниями и деньгами решил сделать вклад в становление справедливых отношений в некоторых странах Латинской Америки.

- Но разве печальный опыт России для тебя ничего не значит, - удивлённо спросил Алексей.

- Сейчас столько ленивый не осуждает ленинизм, сталинизм или троцкизм, сваливая их в одну кучу с марксизмом, о котором не имеют и малейшего представления. Если Россия не справилась с построением у себя справедливого общества, то это ещё не значит, что другим странам, народам должно быть отказано в создании такого социального мира. Более того, думаю, что Россия всё же осознает, что в силу исторических, этнических обстоятельств она ближе к социализму, чем к капитализму. Но на это нужно время. А тебе, Алексей, я предлагаю заканчивать со своими медитациями у пивных ларьков и собираться со мной в Венесуэлу. Уго Чавесу и его народу такие высокообразованные, талантливые люди, как ты, очень нужны. Неужели тебя устраивает бардак, который происходит в России? Время, Алексей, не ждёт. Решайся!

- А я с тобой, Андрей, хоть на край света! *Vivere militare est!*

Они радостно улыбнулись, крепко пожали руки и искренне, по-дружески, без всякой театральности, обнялись. Мария Васильевна с весёлым изумлением смотрела на двух мужчин солидного возраста, на олигарха и бомжа. И видела она в них не великовозрастных мужиков, со своими социальными и финансовыми различиями, а двух мальчишек, радующихся своей дружбе. И радовалась она, глядя на Андрея и Алексея, стоявших у широкого окна, что они ощущают счастливые минуты жизни.

В связи с получением загранпаспорта и визы для Алексея Козлова Державину пришлось задержаться в Москве несколько дней. За это время он тесно общался с Алексеем. Между ними было очень много общего. Разумеется, были и различия. Державину в первые дни общения с приятелем трудно было понять, как Алексей, человек очень больших способностей и знаний, мог опустить руки, не оказывать должного сопротивления трудностям жизни. Нужно же быть мужчиной, размышлял про себя Андрей Андреевич, а не тряпкой. Однако в ходе дальнейшего общения Державину стали проясняться истинные мотивы образа жизни Алексея. Есть тип людей, который, ясно осознавая реальный мир вокруг себя, сознательно не противостоит негативному давлению с его стороны. Когда в разговоре с Алексеем Державин сослался на коротасарскую трактовку бездействия, как своеобразную форму протеста, Алексей, выслушав внимательно, решил возразить и Кортасару, и приятелю:

- Я не думаю, Андрей, что бездействие, а я понимаю, что, говоря о нём, ты пытаешься деликатно упрекнуть меня в моём странном, как тебе кажется, образе жизни, всегда протест. Понятно, что протест - это всегда проявление недовольства. Бездействие же не всегда выражает недовольство. На мой взгляд, бездействие - это особая форма существования, это способ выживания. Например, при нестерпимой жаре человек, как правило, пытается перейти в теневую сторону и переждать её пик, находясь в состоянии покоя, то есть бездействия. Упрекать его, что он якобы бездельничает, вместо того, чтобы продолжать свой путь, по меньшей мере - глупо. Всегда следует учитывать, что подобное движение для многих людей может закончиться солнечным ударом. Это, во-первых.

Во-вторых, бездействие полезно для некоторых тем, что предотвращает их от очень пагубных поступков. Уж пусть кое-кто ничего не делает, чем совершит для себя и других непростительную, мягко говоря, глупость. Другим же бездействие даёт возможность переосмыслить свою жизнь, критически отнестись к самому себе и,

возможно, понять, что путь, которым следовал он прежде, следует изменить. Главное - не делайте мне плохо, не мешайте мне спокойно жить. И я всем буду безмерно благодарен за это. А уж о себе я как-нибудь и сам беспокоюсь.

- Алексей, тебя послушаешь, так бездельникам следует хвалебные оды воспевать.

- Не передёргивай, Андрей, пожалуйста,- ответил Козлов. - На самом деле бездельников не так уж много. Да, часть из них деградировавшие люди. Но есть и такие, которые находятся в сложном, мучительном поиске. Им, конечно, не позавидуешь. Вспомни, к примеру, Иосифа Бродского. Кем его считали в советское время? Туенядцем. За что и был наказан властью. А ведь невдомёк было многим, что этот "лодырь" проводил колоссальную интеллектуальную, творческую работу, которую, понятно, визуально не могли видеть. Когда же невозможно стало это скрывать, когда появились поэтические шедевры, когда "бездельника" удостоили звания лауреата нобелевской премии, тогда и прикусили языки "энергичные" люди. А теперь представь, Андрей, что Бродский, выдворенный из Ленинграда, так и находился бы в местах, как говорят, не столь отдалённых. Так бы он в общественном сознании и продолжал восприниматься туенядцем, отщепенцем.

- Ты тоже создавал свои шедевры? - добродушно улыбаясь, спросил Державин. - Нет. Последние годы, соблюдая гражданские законы, я всё же пытался дистанцироваться, насколько это было возможно, от общества. И не потому, что я его игнорировал. Отстраняясь от общества, мне хотелось посмотреть на него как бы со стороны. Таким образом, я хотел лучше рассмотреть его субстанцию, сущность, найти возможность оптимального своего места в нём. Это сложная, трудная форма индивидуального психоанализа. Не каждому она подходит. Меня она привлекает тем, что, как писал поэт: "Большое видится на расстоянии".

- Однако, Алексей, приняв моё предложение, ты возвращаешься в общественную жизнь,- констатировал Державин.

- Есть редкий тип людей, обладающий мощной биоэнергетикой. Человек, принадлежащий к нему, раскрепощает своей незаурядностью людей вокруг себя, заряжает своими импульсами, выводит их на новый виток мироощущений. Благодаря своему излучению, он как бы проецирует частичку себя на рядом с ним присутствующих. К такому типу относишься, уверен, и ты, Андрей. Видимо, время, стечение обстоятельств, встреча с тобой дают мне импульс к движению в жизни: "Non progredi, est regredi".

- Да, верно, Алексей, - согласился Державин. - Не идти вперёд, значит идти назад.

...Самолёт, снизив высоту, нырнул в облака, прошёл их пуховую толщу, оставив пасть их в голубых небесах, и стал продолжать свой стремительный курс к великому Американскому континенту, открытому незабвенным итальянцем Колумбом, известным в далёкие времена среди испанцев как Кристоаль Колон.

Под самолётом расстилался необъятный океанский простор. Казалось, что ему так и не будет конца. Но, глядя в иллюминатор, Козлов вдруг увидел большой остров, на поверхности которого выделялись то лесные массивы, то, видимо, водные пятна, то какое-то светлое, похожее на плешь, пятно. Алексей повернулся к Андрею сидевшему, рядом с женой, и произнёс:

- Интересный остров. На нём разнообразная поверхность.

- Да, Алексей, мы подлетаем к Венесуэле, которой и принадлежит этот красивый остров с прелестным названием Маргарита. Иногда его называют Жемчужным, потому что аборигены, населявшие остров, занимались добычей жемчуга.

- Наверно, он назван в честь местной красавицы, которая, спасая независимость и честь, бросилась от конкистадоров с высокого утёса в океан,- размышлял вслух Алексей. - Или же она была привлекательной испанкой с густыми чёрными, как смоль, волосами и жгучими глазами, пронизывающими сердце и прожигающими до глубины душу. Ясно, что из-за неё теряли разум и голову мужчины острова.

- Испанки все привлекательны. Не мудрено, что сильный пол был без ума от них, - весело, видимо, радуясь за воображаемую испанку, сказала жена Державина.

- Несомненно, испанки весьма красивые женщины, - произнёс Андрей. - Правда, ни той, ни другой Маргарита Австрийская не была. Она, знатная особа, родилась в Бельгии. Её родителями были император Максимилиан I и Мария Бургундская. Маргарита получила хорошее воспитание при французском дворе. После первого брака она стала наместницей Испанских Нидерландов. В личной жизни ей не повезло. Она была дважды замужем. Оба её мужа рано ушли из жизни. А единственный её ребёнок родился мёртвым. Больше детей у неё так и не было. Вы ошиблись, красотой она не блистала.

- Ты был знаком с ней? - сострил Алексей.

- Я видел её портрет в Нью-Йорке, в Метрополитен-музее и портрет работы Барента Орлея. Обыкновенное лицо простой девушки, не имеющее ничего общего с аристократическими чертами. Во всём её облике, в её и, как мне показалось, понурых глазах печать некоего рока. Но зато она была уравновешенной, мудрой правительницей. Пожалуй, поэтому и назвали в честь её чудесный остров с разнообразным ландшафтом. Маргарита Австрийская прожила 50 лет и скончалась в небольшом городке Мелехене, между Антверпеном и Брюсселем, где находилась её главная нидерландская резиденция. Рядом с Мелехенским собором стоит статуя этой замечательной женщины. Время правления Маргариты было периодом мира и процветания для Нидерландов...

- Господи! Да это же, поистине, святая Маргарита! - воскликнула Мария Васильевна. - Сколько же нужно было пережить, выстрадать хрупкой женщине, чтобы её имя осталось на века в светлой памяти потомков?!

После минутной паузы молчания, когда люди преклоняются перед ушедшими в иной мир, становясь на мгновение особо светлыми и чистыми, снова раздался голос Андрея:

- А вот, смотрите, появился, наконец, и сам материк. Чудесная земля! Венесуэльский поэт Хосе Рамон Йепес писал: "Нигде природа не преисполняет нас до такой степени чувством своего величия; нигде она не обращается к нам проникновенно и сильно, как под небом Америки". Удивительно верно сказано. Почти тоже писал и известный немецкий учёный и путешественник Гумбольдт об испанской Америки. Не могу удержаться, чтобы не процитировать вам, Мария и Алексей, замечательные строки другого венесуэльского поэта Андреса Бельо:

О, Южная Америка моя,
Свободных наций юная семья,
Пред изумлённою Европой
Ты гордо вскинула чело
И вольности венец лавровый!

Иногда, благодаря замечательным латиноамериканским мелодиям и танцам, благодаря писателям Южной Америки, отразившим в своих произведениях характер или дух народа, благодаря видным представителям их освободительного движения я, не принимая достоинств своей нации, больше бываю в какие-то моменты аргентинцем, исполняющим блистательное танго, мексиканцем, зажигательно играющим на гитаре и проникновенно исполняющим серенады, латиноамериканцем, напоминающим непреклонного и одинокого Мартина Фьерро, ищущего, как и кортасарский Оливейра, счастливые минуты жизни в быстротечном Времени и необъятном пространстве. Благодаря Симону Боливару, Хосе Марти, Фиделю Кастро, Че Геваре, Уго Чавесу, я испытываю целеустремлённость и радость жизни в движении за собственную независимость и свободу. Снимаю шляпу пред тобою, Южная Америка! Желаю благополучия и процветания твоему великому народу. Шлю тебе горячий, искренний привет из России!

А вот, Алексей, и Каракас, основанный 25 июля 1567 года на месте сожженного конкистадорами поселения индейского племени Каракас. Теперь это прекрасная столица красавицы Венесуэлы.

Прибыв в Каракас, Державин и Козлов долго не стали медлить. Они на другой же день после приезда приступили к работе в Министерстве экономики, а Мария Васильевна через неделю стала работать в Национальном университете. Первые три месяца друзья были настолько заняты работой, входили в курс дел, что им едва хватало времени отсыпаться. Жена Державина тоже была погружена в работу.

Познакомившись с состоянием дел в экономике страны, побывав в разных промышленных и сельскохозяйственных регионах, зафиксировав, что государство имеет широкий и значительный природно-сырьевой потенциал, неплохую хозяйственную инфраструктуру, - Андрей и Алексей начали вырабатывать приоритетные меры, которые могли бы оперативно и оптимально раскрутить весь экономический механизм.

Рациональное размещение производительных сил, чёткая подготовка квалифицированных работников, гибкое, точечное инвестирование с целью быстрой и эффективной её результативности, - было важным в направлении работы русских специалистов. Державин и Козлов понимали, что мало, как это ни странно могло показаться на первый взгляд, для страны иметь высокие доходы от добычи нефти. К примеру, президент Карлос Перес, проведя в 1976 году национализацию нефтяной промышленности, так и не смог эффективно использовать создавшие возможности и возросшие поступления от экспорта нефти для собственного нефтедобывающего потенциала, развития обрабатывающей промышленности, создания многоотраслевого хозяйства, снижения зависимости экономики Венесуэлы от нефти...

Они также понимали, что Карлос Перес не сидел, сложа руки. В 1989 году он попытался осуществить программу экономической стабилизации и структурной перестройки. Идея, в принципе, единственно верная, считали друзья. Однако метод шоковой терапии, который использовал Перес по рекомендации МВФ, привёл к полному фиаско и к недовольству населения. В результате - отставка Карлоса Переса и приход к власти Уго Чавеса.

- Заметь, - сказал как-то Андрей Державин в разговоре с Козловым, - что правительство Гайдара позже использовало тоже метод шоковой терапии в России. И, как следствие, опять обнищание народа. Вместо того, чтобы использовать преимущества плановой социалистической экономики, с помощью которой достигаются и стратегические цели, и, в случае необходимости, имеются возможности менять тактику их достижения. Социализм тем примечателен и отличен от капитализма, что позволяет заниматься гибким экономическим и политическим моделированием. Социализм прогнозирует в основном перспективы своего развития. Для капитализма же характерна непредсказуемость, чреватая иногда мощным социально-экономическим кризисом.

- А как же ты объяснишь развал социализма в Советском Союзе? - спросил Алексей.

- Причин этому было несколько, - ответил Андрей. - Одна из главных состояла в том, что партийная элита и советская бюрократия, заживев и обленившись, проспала возможности гибкого реагирования, которые имеются при плановой социалистической системе, приведя экономику страны к неповоротливому, инертному, дряхлому состоянию. Мне импонирует, что Уго Чавес, может быть, интуитивно, понял, что только при социализме можно достичь хороших социально-экономических результатов в стране для всего населения.

- Да, - произнёс Алексей, - Чавес, несомненно, яркая, колоритная фигура. Он, прирождённый боец, природным умом осознал, что только на основе нового социализма двадцать первого века венесуэльский народ может устроить себе достойную жизнь. Но не эпатирует ли тебя, Андрей, что Чавес бывает излишне резким в политике?

- Нет, не эпатирует. Его прямолинейные высказывания мне понятны. На протяжении столетий народ Венесуэлы испытывал на себе захватническую и колониальную политику чужезмцев. При огромных природно-сырьевых богатствах народ прозябал в нищете. И всё по милости метрополии и американских компаний. За десять только лет, с 1960 года по 1970 год, американские нефтяные компании перевели из Венесуэлы в США прибылей на сумму 7,2 миллиардов долларов, оставив самим венесуэльцам лишь крохи по сравнению со своими дивидендами. Согласись, имея громадные запасы нефти, доведя её добычу до 140 миллионов тонн, страна может жить весьма не бедно.

Не следует забывать, что и по добыче алмазов Венесуэла стоит на первом месте в Латинской Америке. Я уже не говорю, о чём ты хорошо знаешь, - о залежах железных и никелевых руд, фосфоритов, газа, угля, асбеста, цинка, серебра, золота, урана. Это же несметные сокровища! И как же должен реагировать Уго Чавес, когда, так сказать, обижённые страны, в числе которых в первую очередь США, пытаются сделать всё, чтобы помешать процветанию Венесуэлы?! И это не амбиции, не капризы Уго Чавеса, когда он говорит о социализме, когда пытается практически реализовать его в своей стране. Это право венесуэльского народа отстаивать свой социальный выбор.

Овладев достаточно хорошо информацией по состоянию дел в экономике страны, Державин и Козлов начали работать над выработкой рекомендаций для правительства Венесуэлы, связанных с организацией управления первостепенными секторами промышленности и сельского хозяйства. Параллельно этому Державин активизировал деятельность по созданию Содружества латиноамериканских стран в условиях нового века. Работа была напряжённая.

Понимая, что в таких случаях следует и немного отдохнуть, Андрей Андреевич предложил жене и Алексею посетить остров Маргарита, развлечься, полюбоваться его природой. Остров Маргарита расположен в сорока километрах от северного побережья страны. Образуется островами Коче и Кубагуа архипелаг из трех островов и почти семидесяти рифов, является самостоятельным штатом Нуэва-Эспарта.

Возражений не было. Быстро собрались. Перелёт из Каракаса занял около 40 минут. Остановились они в красивом отеле, расположенном вдоль одного из лучших пляжей, именуемом Плайя Пуэрто Крус.

Русских поразила богатая флора и фауна острова. Они посетили на нём пять национальных парков. Во время путешествия в парк Ла Рестинг совершили круиз на индейской пироге по протокам мангровых болот в затопленном лесу. Это была сказочная красота. Друзья не могли оторвать глаз от цапель и красных ибисов, от пеликанов и бакланов. Мария Васильевна была в восторге. Ей казалось, что она попала в райский уголок земли. Островной отдых предлагал им большой выбор морских развлечений. Они выбрали прогулку на яхте. На пляже Паргито они любовались ловкостью любителей виндсерфинга, которых встречали высокие волны и порывистый ветер. Однажды, ужиная с товарищами в ресторане под открытым небом, Алексей познакомился с миловидной испанкой. Жена Державина несколько подтрунивала над Козловым.

- Алексей, - говорила она, смеясь, - а ты, оказывается ко всему ещё и Дон Жуан. Как же зовут твою сеньору?

- Нет, Мария, я никогда не был ловеласом. Я случайно с Каролиной познакомился. Она моложе меня на двадцать лет. Признаюсь, я влюблён в неё.

- Значит, не за горами свадьба... - радостно произнёс Андрей.

Вернувшись в Каракас, Державин и Козлов продолжили интенсивную деятельность по реализации некоторых экономических программ. Не только руководство Венесуэлы, но и в других странах заметили, что два русских специалиста работают с полной отдачей сил. О них заговорили. Одни с благодарностью отзывались о них. Другие,

представители оппозиционных сил, не очень радовались коммунистам, как их называли, из России.

Так прошёл год пребывания Державинных и Козлова в Венесуэле. За это время в жизни Алексея произошли значительные события. Он женился на Каролине. У них родились два близнеца, два сына. Алексей чувствовал себя самым счастливым человеком на свете. Державины радовались за друга. Андрей Андреевич преуспел в политической карьере. Он стал секретарём созданного, при его активном участии, Содружества пяти латиноамериканских стран, и испытывал глубокое удовлетворение от своей деятельности. Значительную часть своего состояния Державин вложил безвозмездно в экономику Венесуэлы. Таким образом, он превратился из олигарха в свободного гражданина Венесуэлы. По её законам иностранец, вложивший определённые средства на благо страны, становится её гражданином. Свободу Андрей Андреевич ощущал ещё и потому, что груз большого финансового состояния, которым он обладал, уже не давил на него. Подлинную свободу и радость жизни он чувствовал только в атмосфере равноправия и справедливости, честности и искренности. Такая атмосфера была в Боливии, в Венесуэле, на Кубе. Поэтому Державин чувствовал себя легко, непринуждённо и бодро.

К сожалению, в человеческой жизни не всегда всё идёт гладко и прекрасно. Бывает горестно и мрачно.

Жаркий летний день клонился к вечеру. Державин и Козлов, заехав в Национальный университет, где на выходе их уже ждала Мария Васильевна, и посадив её в автомобиль, направились в один из жилых комплексов. Там проживал Алексей со своей семьёй. Они все вместе хотели поужинать. Алексей был за рулём. Державины находились на заднем сиденье. Вдруг, когда их автомобиль делал поворот с главной автомагистрали, они ощутили слева резкий, сильный удар. В них врезался грузовик, ехавший на большой скорости.

Алексей и жена Державина погибли, не приходя в сознание. Сам Андрей Андреевич остался жив, отделавшись лишь сильными ушибами.

Козлов и Мария Васильевна были похоронены в Каракасе. Державин всё это время был с Каролиной и со своим сыном Евгением, прилетевшим из Москвы. Зрелым своим умом он понимал, что закончился очень важный этап, можно сказать, вся основная часть его жизни. Надо было как-то взять себя в руки, чтобы не впасть в состояние депрессии. Работая когда-то в шахте, он испытывал чувство большой утраты по случаю гибели отца и многих товарищей. Уход их из жизни заставлял его осознавать, что существует некая реальность, судьба, которую следует, несмотря на её разломный характер, воспринимать хладнокровнее, более стойко, не раздирать свою душу, не разрывать своё сердце, не доводить себя до истерики. Это говорили ему ещё, когда Андрей Андреевич был молодым, его отец и мать, за что он впоследствии был им признателен.

Здоровье ума, считал Державин, должна помогать преодолевать самые трудные, критические моменты жизни. Когда-то, ещё в молодые годы, он прочитал мемуары известной французской певицы Эдит Пиаф. Прошли десятилетия, Андрей Андреевич многое забыл из этого прочитанного. Но одна фраза Эдит Пиаф врезалась ему в память навсегда: «Как бы ты низко не пал, никогда не теряй надежду». Он перефразировал для себя эти слова: «Как бы тебе не было трудно в жизни, никогда не теряй надежду». Всё это и помогло Державину перенести потерю жены и друга.

Всякие ходили предположения. Одни говорили, что автомобильная катастрофа была подстроена руками правых радикалов. Другие не исключали, что к этой гибели причастно ЦРУ США. Третьи считали, что произошла обычная автомобильная авария. Андрею Андреевичу была безразлична причина случившейся трагедии. Какова бы она не была, от этого ему легче не было. Державин знал эффективное, надёжное лекарство от многих бед. Это физические нагрузки и любая созидательная деятельность. Он регулярно, на протяжении многих лет делал ежедневные пробежки, занимался

зарядкой, часто плавал в бассейне. Работая ещё в шахте, Державин получал громадное удовольствие от физической работы. Только после преодоления физической усталости, считал Андрей Державин, человек может по-настоящему оценить блаженство отдыха и покоя. Достигнув успехов на международной и предпринимательской работе, он всё равно воспринимал шахтёрский труд одной из важных составляющих в его жизни. Подземная работа помогла Державину в большей степени, чем вся его учёба, книги, знания, к которым он всегда стремился, почувствовать ценность и неповторимость человеческой жизни, докопаться до её сути.

В шахте происходит упорное, опасное состязание между человеком и природой. И Андрея Державина влекла эта борьба. Он утверждал в ней себя, она захватывала его острым, жгучим чувством победы, которое испытывает на протяжении всей многотысячелетней истории человечества настоящий мужчина. Природа, цена волю, умение, сноровку, терпение, настырность, осторожность, риск такого мужчины, делится с ним своим богатством. Она принимает его, считает его усилия достойными, потому что он поборол в себе неуверенность, минутную слабость, проявил твёрдый характер. В такие моменты душа Державина всегда тихо ликovala. Закончив работу и прислонившись к груди угольного забоя, Андрей, наслаждаясь поразительной тишиной после долгого грохота подземных механизмов и неумоимого стука отбойного молотка ощущал такое упоенье, что хотелось петь. Душа, упоённая успехом, разливалась по угольному забою. И Державину казалось, что в торжественной тишине, в подземном царстве древнейший горбатый старик Аид, жестокое и коварное существо, удручённое духовным единением человека и природы, невидимо ковыляет в ужасное обвальное место. Там, откуда бегут крысы, где обманчивая тишина в любой момент может смениться страшным грохотом, свисают, готовые обрушиться, смертельные куски молчаливой породы. Вот-вот за Аидом рухнет горный массив, оставив его навсегда в царстве мёртвых и обезопасив, таким образом, горняков от гибели...

Государственно-политическая же деятельность Андрея Андреевича тоже не позволяла власть в хандру. Не прошло и несколько дней после похорон близких ему людей, как вместе с Уго Чавесом Державин вылетел на Кубу, чтобы встретиться с Фиделем Кастро. На встрече обсуждались социально-экономические и политические проблемы стран Латинской Америки с социалистической ориентацией. Андрей Державин убедительно аргументировал членам Содружества, что скорейшее строительство атомной электростанции в Венесуэле близ города Сан-Кристобаль является не только острой необходимостью для этой страны, но и даёт экономические преимущества всему латиноамериканскому Содружеству. Иметь под боком залежи урана и не воспользоваться этим, чтобы в недалёком будущем получать дешёвую электроэнергию, было бы непростительной ошибкой. Все участники Содружества, на взгляд Державина, должны вложить свою лепту в это строительство. Чавесу и Кастро понравилась энергичность и убедительность Державина.

- Уго,- обратился к президенту Венесуэлы Фидель Кастро,- где ты нашёл этого русского красавца и умницу? Мало того, что ты из Тулы привёз автоматы Калашникова, так, оказывается, и русские социалисты у тебя давно объявились. Что, в России остались ещё подлинные приверженцы социализма? Хорошо. Значит, не все оказались политическими проститутками.

- Андрей,- ответил Чавес,- сам прибыл к нам. Никто его не покупал, не агитировал и не вылавливал. Этот русский олигарх оказался настоящим марксистом. Я его считаю национальным достоянием России. Кстати, он является гражданином и нашей страны.

- В знак уважения и признания заслуг,- сказал Кастро,- мы с удовольствием, если он не против, тоже предлагаем товарищу Державину и кубинское гражданство.

- Почту за высокую честь,- произнёс Андрей Андреевич,- быть гражданином Кубы и с благодарностью принимаю это предложение.

- Великолепно,- улыбаясь,- сказал глава кубинского государства,- с сегодняшнего дня Державин может считать себя полноправным гражданином Кубы.

Державин и Кастро обменялись рукопожатиями.

- Уго, - опять улыбаясь, глядя на друга, спросил Фидель, - а у них там, в России, много ли олигархов-марксистов? Чем Куба хуже Венесуэлы? Нам тоже хочется хотя бы одного иметь такого олигарха.

Все дружно рассмеялись.

- Пока, - ответил Чавес, - только, к сожалению, один. Но, если ещё кто появится, то непременно придёт в Гавану, к тебе, Фидель. Если же говорить серьёзно, то Андрей Державин очень много уже сделал для всего нашего латиноамериканского Содружества.

- В Россию не тянет? - глядя внимательным взглядом на Державина, спросил Кастро.

- Меня всегда тянет в общество, принципами которого являются справедливость и добпорядочность. К сожалению, в России сейчас с этим большие проблемы, - ответил Андрей Андреевич.

Попрошавшись с Кастро, Чавес и Державин отправились в аэропорт. Чавес улетел в Каракас, а Державин сел в самолёт, совершающий рейс в Минск. По поручению Уго Чавеса Андрей Андреевич должен был подготовить пакет документов с белорусской стороны о взаимовыгодном экономическом сотрудничестве. На предстоящей встрече в Каракасе президентов Венесуэлы и Белоруссии эти документы должны были ими приняты и утверждены. Два из них представляли особую важность.

В первом шла речь о совместной разработке и добыче венесуэльской нефти. Белоруссия предлагала оказать в этом плане все услуги и работы Венесуэле, которая обязывалась предоставлять белорусской стороне 40% добываемой нефти. Венесуэльское руководство шло на такую уступку не только по причине братских, интернациональных отношений. Принимаемый вслед за этим другой документ давал возможность Венесуэле приобретать в Белоруссии по очень приемлемым, выгодным ценам вооружение, главным в котором были ракеты "земля-воздух". Чавес не случайно послал в Минск Державина, понимая, что ему, бывшему гражданину Советского Союза, важным оплотом которого была Белоруссия, значительно было быстрее и легче скоординировать и решить все вопросы, связанные с экономическими и политическими контрактами и договорами.

Пробыв неделю в Минске, удовлетворённый результатами переговоров, Державин, перед тем как вернуться в Венесуэлу, решил навестить сына и его семью в Москве. Евгений, его жена Вера и внук Иван обрадовались приезду дорогого им человека. После гибели матери Евгений стал воспринимать отца с особой высокой значимостью. Он и всегда очень любил своих родителей. Но сейчас, когда мать ушла из жизни, Евгений с пронизывающей остротой почувствовал, что отец остался единственным человеком в мире, который соединяет его с прошлым временем их предков. И если не станет отца, то он, Евгений, будет уже выполнять преемственную эту связь. Всё выстраданное, достигнутое его фамильным родом он должен не уронить, не растерять, а, насколько это возможно, приумножить и, когда подойдёт время, передать своему сыну.

Как-то за столом, когда Державины поминали по русскому обычаю Марию Васильевну, Евгений сказал отцу о своих этих чувствах и мыслях. Андрей Андреевич неотрывным взглядом какое-то время смотрел в глаза сыну. Он ясно почувствовал, что перед ним сидит не просто взрослый, образованный сын, но и достаточно зрелый, мудрый человек. Именно сейчас Державин осознал, что свою миссию в жизни он с честью выполнил. И ему стало необыкновенно легко на душе.

- Да, сын, то, о чём ты только говорил, является самым главным, может быть, в жизни каждого человека. Мне очень приятно, что тебе дорога память о нашем роде. А что может быть ценнее памяти о своих предках? Очень точно сказал о ней мексиканский писатель Карлос Фуэнтес: "Родной очаг - это память. И становится она единственным прибежищем наших сердец"

- Да, - произнёс Евгений, - память о родных людях - это душевная связь с ними. И чем старше становишься, тем больше, сильнее её ценишь.

- А наиболее глущее чувство памяти испытываешь, когда родные тебе люди уходят из жизни, - после некоторой задумчивой паузы сказал отец Евгения. - Казалось бы, когда родители уходят в мир иной, когда их уже нет во плоти, исчезают и все связи с ними. Да, формально их уже нет. Но они существуют в нас, в нашем определённом мировосприятии и в наших некоторых поступках. По сути дела, мы - это трансформированная часть их, своеобразный их клон, сохранивший в той или иной степени их характер, способности, душевные и физические качества. Забвение этой памяти ведёт к саморазрушению личности и исчезновению генеалогического древа. Возвращение к родному очагу, хотя бы мысленное, это признак, попытка вернуться, пусть на миг, к своим истокам. А это и есть единая, неразрывная человеческая субстанция между предками и их потомками в бесконечном времени и необъятном пространстве.

- Так это характерно только для человеческого рода? - спросил с интересом Евгений.

- Не думаю. Это свойственно и некоторым животным. Правда, не на духовном, не на сознательном уровне, а на биологическом. Ведь хорошо известно, что некоторые собаки или кошки возвращаются в свой дом, находясь от него за сотни и тысячи километров. Память - это уклад жизни, традиции, психология, преемственность. Личность, семья, государство существуют только благодаря ей.

Державин замолчал, придвинулся к внуку, сидевшему рядом, обнял его.

- Хотелось бы мне, - продолжил он говорить, - снова увидеть Русичи. Непременно взял бы туда Ивана. Но нет, к сожалению, времени. Меня ждёт Америка. Я рад, что приношу пользу латиноамериканскому народу.

- Отец, - спросил Евгений, - а не чувствуешь ли ты себя там, в далёких местах от России, одиноким человеком?

- Нет, сын, не чувствую. Одиноким можно быть и в Москве, даже являясь очень состоятельным человеком. В Южной Америке я нахожусь среди людей, которых не устраивает, как, впрочем, и меня, окружающая их бедность, обездоленность, малограмотность. Им приятно, как и мне, жить среди благополучных и радостных людей. Утопать же в роскоши, покупать острова, замки, подводные лодки, дорогие самолёты, яхты, футбольные клубы, кутить, разбрасывая огромные деньги, как это делают в современной России, когда рядом миллионы соотечественников, добропорядочных граждан влачат жалкое, унижительное существование, значит, откровенно плевать на народ. Что может быть более мерзким и гнилым, когда зажавшееся отребье, претендующее на некую элитарность, проявляя чванливость и высокомерие, жирует среди нищего населения страны?

В Венесуэле и других латиноамериканских странах, в отличие от России, так жить не желают. Конечно, например, Уго Чавес и его сторонники встречают сильное сопротивление со стороны того слоя венесуэльского общества, который хотел бы продолжать паразитировать за счёт своего народа. Надо отдать должное непоколебимости и мужественности Уго Чавеса, делающего всё, чтобы облегчить жизнь венесуэльцам. Так какой же я одинокий человек, если нахожусь среди патриотов?!

Утром, попрощавшись с родными, Державин вылетел в Каракас. Бывший русский олигарх с приятным чувством летел навстречу солнечной Венесуэле, навстречу социализму. Андрей Державин всегда искренне, по-детски радовался встрече с Южной Америкой, где проживали неунывающие, бодрые, весёлые, притягивающие своей непосредственностью и чистотой души её жители. Он летел к Великому континенту, к

свободолюбивому латиноамериканскому народу, славящемуся своими настоящими, мужественными, благородными, красивыми мужчинами и очаровательными, жгучими, бронзовыми мадоннами, не нуждающихся в модной косметике и дорогих безделушках, ибо они и без этого необыкновенно красивые и привлекательные, не уступающие драгоценным жемчужинам.

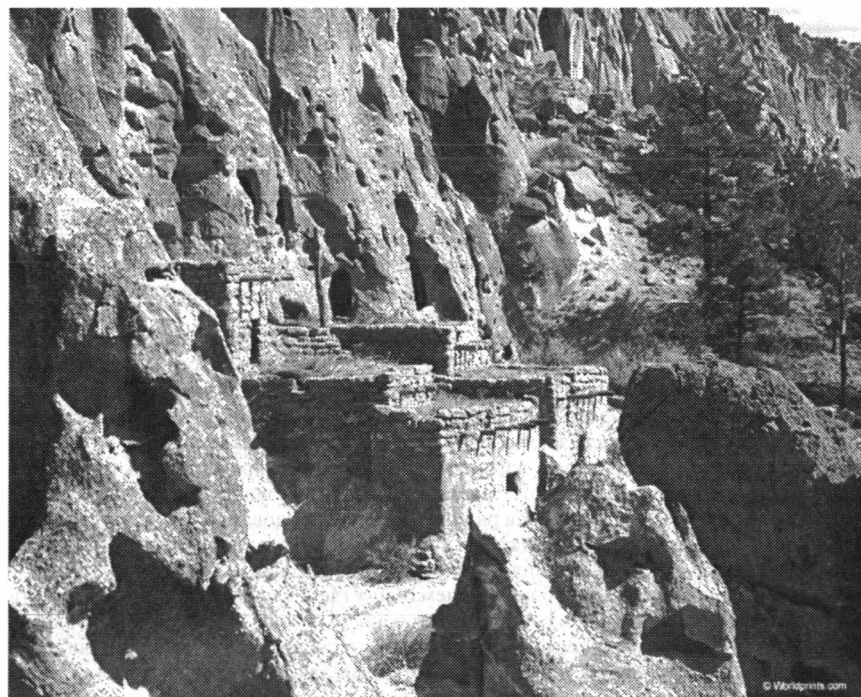
Державин летел к Южно-Американскому континенту, который одарил мир множеством выдающихся деятелей культуры, искусства, литературы.

Он летел к самому красочному континенту на Земле, который завораживает своей удивительно богатой и разнообразной флорой и фауной.

Андрей Державин летел к замечательному, божественному континенту, над которым всегда воцаряется главное божество американских индейцев - Солнце, с приподнятым настроением. Солнечная Венесуэла встречала его божественным светом и теплом, приглашая делить с ней радость жизни.

Россия и Венесуэла, красивый остров Маргарита и скромный шахтёрский посёлок Русичи... Они так далеки друг от друга! Но они вмещаются в одном сердце русского олигарха Андрея Державина, решившего строить, как и Фидель Кастро, и Че Гевара, и Уго Чавес, социализм XXI века.

21.12.07

Василий
КОРОБКОВ

Литераторы

(Роман. Журнальный вариант)

Продолжение. Начало в №№1, 2, 3, 5 альманаха.

Глава девятая

После долгих и мучительных раздумий, вступать в партию или нет, Тиханов всё же решил вступить. Не потому, что ему нравилась программа коммунистической партии, а из корыстных побуждений. Он подал заявление, и на ближайшем собрании его приняли в свои ряды коммунисты, и на двадцать шестом году своей жизни Александр превратился в большевика. Не знаю, изменился ли его внутренний мир, когда ему вручили красную книжечку но, став обладателем этого документа, он автоматически получил почти все блага, которыми пользовались члены партии. Через две недели ему выдали ордер на трёхкомнатную квартиру и мне вместе с Лесковым пришлось помогать ему перевозить вещи. Мы искренне радовались за своего друга, что ему так сильно подфартило в жизни: и работу - по душе предоставили, и квартиру выделили, и телефон в ближайшее время обещают поставить, что ещё нужно для молодого человека?! Теперь живи и радуйся. Я даже завидовал ему, и очень сожалел, что лично у меня нет таких перспектив и всё из-за того, думал я в то время, что у меня нет образования. Нет образования, нет хорошей профессии, а без того и другого, - разве можно достичь каких-то благ в нашем обществе. Если, даже и захочу вступить в ряды коммунистов, то они, изучив мою не очень-то красивую биографию, и близко не подпустят к социалистической кормушке. Я это прекрасно понимал, и завидовал Сашке чёрной завистью. Но, узнав, что он из-за квартиры вступил в ряды

коммунистической партии, отношение к нему у меня резко изменились и, где-то в глубине души, я даже презирал его, «Приспособленец», - иногда шептал я сам себе, слушая, как он ругал эту самую партию, когда рядом с ним не было посторонних людей.

Вот, если бы я вступил в эту самую партию то я, наверное, был бы очень преданным «членом» её, и - и всюду отстаивал бы красивые идеалы, и воспевал бы их. Иногда я наблюдал за поведением Тиханова и не понимал его. Разве, может человек думать одно, а делать и стремиться совершенно к другому. Но время, как бурливая река, бежало по своему руслу и направление изменить почти невозможно, и вскоре Тиханов приобрёл статус редактора новой многотиражки.

Это событие для литераторов небольшого города было многообещающим. Как-никак, а Тиханов был наш ровесник, и он очень хорошо относился к пишущей братии. У него и мировоззрение было не такое, как у Гирина. Я часто слышал, как Сашка ругал Гирина и Башкирова за то, что они очень редко печатают на страницах районной газеты произведения местных авторов.

- Боже мой! — иногда возмущался он вслух — неужели у них руки отвалятся или глаза лопнут, если лишнее стихотворение напечатают?! Идеология! А эта «идеология» у них настолько прогнила, что от неё дурно пахнет.

Но вот наступил долгожданный день, когда все организационные вопросы были решены и Тиханову для редакции газеты выделили три комнаты на первом этаже в благоустроенном общежитии. Теперь у него возник вопрос с кадрами. И, в первую очередь, он пригласил к себе на работу в качестве корреспондентов Борю Жиневского, и Лескова. Когда я нашёл их возле общежития, они разгружали машину с мебелью. Увидев меня, обрадовались и попросили помочь затащить в новые апартаменты письменные столы, стулья, шкафы, печатные машинки. Я охотно согласился, и работа у них пошла гораздо веселее.

Когда мебель и оборудование было занесено, Митька неожиданно воскликнул:

- Мужики! А это дело не мешало бы и обмыть как следует!

Его инициативу поддержали все, но внимательно посмотрели на Тиханова. Александр понимающе кивнул головой, его рот разъехался в широкой улыбке и он поспешил успокоить нас:

- Разумеется, для этого благородного дела руководство домостроительного комбината выделило мне пятьдесят рублей, и, немного помолчав, спросил, - Ну, кто пойдёт со мной в магазин за вином?

Боря Жиневский сел на кресло и, закинув ногу на ногу, всем своим видом показал, что он при любом раскладе в магазин за водкой не побежит. Лесков тоже скривил физиономию, - по его лицу было видно, что он очень устал таскать мебель. Сашка посмотрел на меня и спросил:

- А ты, Василий, не сильно устал?

- Да я вообще не устал, — ответил я.

- Ну, тогда, - айда со мной в гастроном, а то одному мне, пожалуй, и не дотащить всё: надо и вина купить, и закуски, а одному шагать неохота.

Сашка взял с подоконника свою сумку, накинул её на плечо, и мы вышли с ним на улицу. На Средней Волге стояла поздняя осень и погода в городе была скверная. Пряча лицо от холодного ветра, я кутался в махровый шарф и старался не отставать от Тиханова. Он шёл быстро, походка у него была лёгкая пружинистая, во всех его движениях чувствовалась хорошая физическая сила. И не удивительно он вырос в деревне, на свежем воздухе, а я рядом с ним выглядел замухрышкой. Худой, в стоптанных башмаках и невзрачной кепке на голове, - все указывало во мне человека, больше смахивающего на простого рабочего. А Сашка был одет в плащ тёмно-синего цвета, на голове у него красовалась чёрная шляпа, и на фоне белой накрахмаленной рубашки, виднелся красивый галстук. Сашка выглядел настоящим интеллигентом.

В гастрономе у винного отдела в вечерние часы было настоящее столпотворение. Сашка изучил на витрине цены и направился к кассе пробивать чек, а мне приказал занять очередь возле прилавка. Но я человек был шустрый и, расталкивая мужиков, к прилавку пробился быстро. Сашка протянул мне два чека: один на вино, другой на сигареты. Я сунул чеки молодой продавщице, которая крутилась по ту сторону прилавка и на её вопрос, - чего мне надо, - я громко закричал, иначе из-за шума, она ничего бы не расслышала:

— Мне три бутылки водки и две пачки сигарет!

Девушка, всматриваясь в чек, подала мне три бутылки, а с сигаретами, у неё получилась заминка.

— Вам, каких сигарет? — спросил она.

Я не знал, какие сигареты хотел купить Александр, и выкрикнул:

— «Космос»!

Она снова заглянула в чек и заявила, что «Космос» кончился, и остались только - «Москва».

— Давайте, «Москву»!

— Тогда пробейте в кассе ещё шесть копеек, они на две копейки дороже.

— Хорошо, — согласился я и вылез из очереди с бутылками вина.

— А где сигареты? — с удивлением спросил Сашка.

— Иди, шесть копеек в кассе пробей, «Космос» кончился, осталась только «Москва».

Сашка пробил чек на шесть копеек, и я снова с этим чеком врезался в толпу возле прилавка. Продавщица взглянула на чек и выкрикнула:

— Что вам угодно?

Она уже совершенно забыла, что отправила меня пробивать в кассу шесть копеек. А я, возбуждённый толкучкой, не растерялся и в шутливой форме закричал:

— Как это - что? Шесть бутылок красного вина, да с самыми красивыми этикетками.

Девушка машинально нанизала чек на стержень, и передо мной на прилавке появилось шесть бутылок «Сливянки». Я от удивления вытаращил глаза, но признаться ей, что немного пошутил, постеснялся и, схватив бутылки в охапку, начал медленно выбираться из толпы, боясь, что девушка опомнится, и заставит меня вернуть красивые бутылки. Но к ней в это время тянулся лес рук с другими чеками, и она уже не обращала на меня внимания.

Сашка, увидев у меня в руках шесть бутылок, оторопел, и удивлённо воскликнул:

— Василий! Ты где денег взял на такое количество бутылок?

— Бежим скорее! — жарко прошептал я, — Пока продавщица не опомнилась.

— А что случилось? — снова спросил он.

— Я запудрил ей мозги, в чеке было указано шесть копеек, а я ей сказал, что мне надо шесть бутылок, и она выдала мне их.

Сашка понимающе кивнул головой, захохотал и, взяв у меня две бутылки, которые уже высказывали из моей охапки, метнулся к выходу, а я, прижимая к груди оставшиеся «пузыри», помчался вслед за ним.

Когда мы вернулись в общежитие, и вошли в комнаты новой редакции, в обществе мужчин находились две миловидные девушки. Сашка весело поздоровался с ними и приказал им накрывать стол:

— Девочки, милые! — воскликнул он, — Видите, сколько деликатесов мы принесли? Давайте помогите нам стол накрыть.

Девушки подхватили протянутую им сумку с продуктами и начали выкладывать всё содержимое на стол. Увидев три бутылки водки и шесть бутылок вина, Боря Жиневский удивился, и спросил:

— А зачем вы столько вина набрали, мы разве всё это выпьем? Я, например, выпью рюмки две, ну - от силы три - и всё. Неужели вы столько на пятьдесят рублей набрали?

— Конечно, нет! — не переставая смеяться, проговорил Тиханов, — Это Василий запудрил мозги продавщице, и она ему на шесть копеек шесть бутылок вина отпустила.

— Каким же образом? — неожиданно для нас удивился Жиневский.

— Обыкновенным, — охотно пояснил Тиханов, — продавщица попросила шесть копеек добить в кассе, у нас на сигареты не хватало, а Василий, подавая ей чек, в шутку сказал, что ему надо шесть бутылок «Сливянки», а у неё, видимо мозги затуманились, — попробуй весь день за прилавком постоять! Вот она и «нагрела» сама себя на шесть рублей.

Сашка засмеялся ещё громче, а Борис осуждающе посмотрел в мою сторону и тихо проговорил:

— Ну, этот обман ему чести не делает, а я ворованное вино пить не буду.

— А тебя никто не заставляет, — ошетинился я, — уж чересчур, ты у нас благородный. Торговые работники нас больше обманывают, каждый день обвешивают без зазрения совести.

— Да я согласен с тобой, — возразил Жиневский, — в колбасном отделе или в мясном, может быть, и встречаются такие случаи, а в винном отделе товар штучный, и как продавец может нас там обмануть?

— Очень просто, — попытался пояснить я, — откуда мы знаем, какая настоящая цена этой бутылки. Почему бутылка «Сливянки» стоит не ровно два рубля, а два рубля и три копейки. Может быть, эти копейки они сами набрасывают?

— Этого не может быть, — снова возразил Борис. — Это уже дело подсудное, и не каждый продавец пойдёт на такое.

— Естественно, — согласился я, — но если бы им не было выгоды стоять за прилавком, они вряд ли работали бы в сфере торговли.

Здесь в наш разговор вклинился Александр и, обращаясь к Боре, проговорил:

— Борис, прекращай демагогию разводить, можно подумать, что ты не знаешь, как продавцы на чужих копейках себе целое состояние сколачивают. Мы же не украли это вино, она сама ошиблась.

— Ну, и что, что ошиблась, — повышая голос, возразил Жиневский, — порядочный человек никогда не воспользуется оплошностью другого человека.

— Ну, ладно, хорошо! — вклинился в разговор я, — Пусть я человек не порядочный, а если ты считаешь себя таковым, бери эти бутылки и неси их обратно. Ты думаешь, твой поступок расценят, как настоящее благородство? Ну, чего ты на меня глаза вытаращил? Иди - отнеси их обратно в магазин.

— Что я глупый, что ли? — возразил Жиневский, и на его щеках забегали желваки, — Кто-то воспользовался оплошностью продавца, а я должен идти и извинения за чужую подлость просить, нет, увольте меня от такого удовольствия.

В небольшой комнате назревала ссора, но тут в разговор включился и Лесков:

— Боря, твоя позиция по отношению к нашей жизни уже давно всем ясна, и не надо лишний раз напоминать нам о своём благородстве. Ты прекрасно знаешь, в каком обществе мы сейчас живём. Конечно, если бы в нашей России хотя бы половина людей была бы с таким мировоззрением, как у тебя, конечно, мы бы жили гораздо лучше, но, увы, таких людей у нас очень мало. А почему? Да потому, что всех, более-менее порядочных людей в своё время объявили врагами народа и, в лучшем случае, сослали в Сибирь, а большую часть благородных и честных людей расстреляли. А кто остался у нас в России после Сталинской чистки? Недоразвитые приспособленцы, неграмотные и запуганные личности. Почти полвека народ был запуган до такой степени, что боялись свои мысли вслух высказывать. А теперь, этот почти совсем озлобленный народ, начинает всячески мстить государству за свой внутренний страх и нищету. При всяком удобном случае простые смертные стараются сделать пакость друг другу. И это сейчас прощывает по все России, и нечего особо удивляться этому безобразию. Подвернётся удобный случай и ты, Боря, и я, если будем уверены, в своей

безнаказанности, совершив преступление. Я не имею ввиду убийство или преднамеренное ограбление. Но, если, Боря, тебе на глаза попадётся кошелёк с деньгами, неужели ты его понесёшь в милицию, прекрасно зная, что они, настоящего хозяина кошелька искать не будут?

— Но это совершенно другое дело! — возразил Борис, — Случайно обнаружить чужую вещь, или преднамеренно, путём обмана, завладеть ею.

— А какая разница! — вспылал я, — Если человек поистине благородный, он так и поступил бы. А мы стараемся быть благородными только наполовину. Нас в первую очередь беспокоит то, как бы посторонние люди не уличили в нехорошем деле. Человек может быть и никогда не осмелиться при посторонних взять чужую вещь, а это не говорит о том, что он вполне порядочный. Может быть, внутренний мир его настолько безнравственный, что и подумать страшно. Ещё неизвестно, как ты поведёшь себя, если попадёшь в экстремальные условия.

— В какие условия я не попал бы, но всё равно, я останусь честным человеком, — возразил Борис.

— Да, ладно тебе болтать-то, — махнув рукой, вспылал я, — может в жизни возникнуть такая ситуация, что и ты, не задумываясь, захочешь человека убить, а не то, чтобы кусок хлеба украсть.

— Лично я никогда и ни при каких обстоятельствах не подниму руку на человека, — снова возразил Борис.

Он смотрел на меня уничижающим взглядом, всем своим видом показывая, что он презирает меня всем своим существом.

— Ну, хорошо! — начиная нервничать, снова заговорил я, — У тебя сын есть?

— Есть.

— А теперь, представь себе, что к его горлу подставили нож и пытаются перерезать ему горло, а у тебя есть возможность застрелить этого бандюгу. Ты будешь стоять и изображать из себя благородного человека? Или не задумываясь, прострелишь тому голову?

Жиневский на минуту задумался и, продолжая шевелить своими желваками, тихо проговорил:

— Не знаю, я в такой ситуации ещё никогда не был и надеюсь, что не буду.

— Вот видишь, — радостно воскликнул я, — ты уже не знаешь, а я уверен, за спасение своего сына, ты и сам любому человеку глотку перережешь!

Не зная, как возразить, Борис замолчал. Неловкую тишину нарушил Тиханов:

— Ну, хватит вам! Развели философию. В любом случае мы вино обратно в магазин не понесём, а у нас сегодня праздник. Девочки, вы что будете пить: водочку или красное вино? А то, Василий его обратно отнесёт.

Девушки переглянулись, посмотрели на вино, на водку и одна из них тихо проговорила:

— Конечно, молодой человек поступил не красиво, но раз так получилось, что же делать, лично для меня красное вино лучше, чем горькая водка.

— Ну вот, видите! — воскликнул Тиханов, — Девушки не против ответить красного вина, так что демагогию по этому поводу можно прекратить. Митя, закуска уже на столе, давай «банкуй» потихонечку.

Лесков начал открывать бутылку с водкой, а Сашка взялся за бутылку красного. Пока они разливали вино по стаканам, я сидел на стуле возле окна, взъерошенный, как ёжик. Я с ненавистью смотрел на Жиневского, а он отвечал мне тем же.

Разлив вино и водку по стаканам, Сашка взял свой стакан, поднялся со стула и, поправив на груди галстук, громко проговорил:

— Друзья! У нас сегодня очень славный день. Сегодня у нас в городе появилась ещё одна газета, и теперь будет от нас с вами зависеть, какой она будет. И мне не хотелось бы, чтобы в первый день её существования мы бы все здесь разругались в

пых и прах. Так что, я хочу выпить это вино за успехи нашей газеты, а вы, мои ближайшие соратники, должны помочь мне в этом.

Все последовали примеру новоиспечённого редактора, встали со стульев и, чокнувшись друг с другом стаканами, неторопливо выпили их содержимое. Некоторое время все закусывали молчком, не решаясь возобновить прерванный разговор. Но чтобы не возвращаться к старой теме, Сашка начал говорить о ближайших планах, которые он хотел бы осуществить на страницах многотиражки.

— А литературная страница в твоей газете будет? — спросил я, закусывая плавленым сырком.

— Разумеется, — поспешил ответить Тиханов, — хорошие стихи я буду печатать в обязательном порядке. Это - Гирин к чужим стихам относится, как к чуме двадцатого века, а для меня разницы нет, - кто автор хороших стихов: Лесков, или Коробков. Были бы стихи хорошие!

— Вот именно, — подхватил его мысль Жиневский, — стихи мы будем публиковать только хорошие, а галиматии у нас не будет.

Услышав это заявление, я понял, что Боря уже зачислен в штат редакции, он уже высказывает свою позицию по отношению к содержанию нового «рупора». Поймав себя на этой мысли, мне стало грустно, если Боря уже числится здесь сотрудником, значит, мне нечего сюда и нос совать. В любом случае мы с ним не работаем. А я так надеялся, что Сашка возьмёт меня к себе на работу, хотя бы рядовым корреспондентом, но - уввы. Конечно, ему нужны люди грамотные, а я до сих пор на каждой странице делаю по десять, а то и больше грамматических ошибок. Я сидел возле окна, слушал заумные речи образованных людей, и мне хотелось уйти. Но на столе ещё было много непотчатых бутылок и - море закуски. И покидать застолье в самом его начале, было бы невежливо и неразумно.

Выпив несколько рюмок, я почувствовал, как душа моя разогрелась и в ней с новой силой зашевелилась агрессия по отношению к Жиневскому. Меня раздражало в нём абсолютно всё, и манера поведения, и сиплый голос, больше напоминающий женский, и его напыщенное благородство и то, когда он так же разогревшись от возлияний, взял бутылку красного, любезничая с девушками начал наполнять их стаканы, я неожиданно для себя грубо заметил:

— Ну, ты, интеллигенция вшивая, ты, почему чужим вином распоряжаешься?

Борису показалось, что его облили помоями и в наступившей тишине, не зная, что на это ответить, он лишь боязливо пробормотал:

— А вы бы могли и помолчать, чья бы корова не мычала, а ваша бы — молчала!

— Ты чего хочешь сказать, что я корова. Вернее, - бык?

— Нет, вы не корова, — возразил Борис, — я извиняюсь за невольное сравнение, вы больше, действительно, похожи на колхозного быка-производителя. Тупого осеменителя... поэзии.

— Ну, если я бык, то ты — тёлка безмозглая и женоподобная!

Борис не сдержал уже перенапряжённые нервы и плеснул в меня из бутылки. Липкое вино, стекая по моему лицу, проникло за шиворот, а это меня разозлило окончательно. Не помню, как я оказался рядом с ним и, размахнувшись, с разворота, наотмашь ударил его кулаком. Бедный Борис от такого мощного удара улетел в угол комнаты и, плюхнувшись на пол, но тут же вскочив на ноги, он заверещал, как женщина диким и тонким голоском и бросился на меня. Его нападение я встретил, выткнув вперёд руки, и с новой силой оттолкнул его от себя. Он снова упал на пол, стукнувшись головой об стену. Боль, видимо немного оглушила его, но, опомнившись, он с новой истерикой набросился на меня, я успел ухватить его за грудки и, держа на расстоянии, злобно проговорил:

— Если ты не прекратишь свою истерику, я все твои мозги вышибу!

Борис сразу же почувствовал, что физически он слабее, чтобы одолеть меня и,

визжа от бессилья, схватил мою руку, вонзя зубы в указательный палец. Я почувствовал адскую боль, неистово закричал:

— А-а-а! Сволочь! Ты ещё и кусаться!

И - изо всей силы ударил его кулаком по голове. Борис разжал вонючие челюсти и повалился на пол. Напуганные девушки в это время с криками о помощи выбежали в коридор.

— Василий! Ты чего - с ума сошёл? — спросил невозмутимый Тиханов, — Здесь новая редакция газеты, а не танцплощадка, на вахте сейчас милицию вызовут, и что я буду им говорить в оправдание, ты соображаешь, что делаешь?

— А чего он выпендривается!

— Да ты, что, Борю не знаешь? Ну, любит он изображать себя интеллигентом, ну и чёрт с ним! Ты-то зачем с ним связываешься, он опять может тебя в тюрьму упрятать!

— Скотина! — закричал в это время Борис, вставая с пола и, схватив рядом стоявший стул, запустил его в меня, но я успел нагнуться и тяжёлый стул, разбив стёкла в окне, вылетел на улицу.

Уже, не скрывая ярости, я пнул Бориса ногой и, прихватив со стола бутылку вина, вышел в коридор. Решил смотаться - от греха подальше, пока не приехала милиция, но было уже поздно. Оказывается, в общежитии дежурил наряд, и два милиционера уже шли по коридору ко мне навстречу. Я снова забежал в комнату и, не раздумывая, выпрыгнул на улицу через разбитое окно, скрылся в надвигающихся сумерках ночи.

Глава десятая

Конфликт, произошедший на территории новой редакции, выбил из колеи не только меня, но и Тиханова. Слухи о пьяной драке дошли и до секретаря городского комитета партии. Александра вызывали по этому поводу «на ковёр», но ему с трудом удалось убедить начальство, что к ним в комнату вошли два неизвестных в нетрезвом состоянии и, увидев молодых женщин, начали к ним приставать, а ему пришлось заступаться. А в результате конфликта и были разбиты стёкла в окне. И незваные гости, воспользовавшись общей суматохой, убежали через разбитое окно.

Выслушав объяснения Тиханова по поводу случившегося, ему поверили, признали сказку - былою и, предупредили - впредь не допускать посторонних на территорию редакции. Александр поспешил заверить, что подобного больше не произойдёт.

Когда я убежал через окно, спасаясь от милиции, я прекрасно понимал, что своими действиями подвёл Тиханова и его новую команду — «под монастырь»! А мне так хотелось, чтобы он взял меня к себе на работу, а теперь, мне об этом и думать не стоило...

— Ну, Жиневский! — скрипел я зубами, направляясь на автобусную остановку, — Видел я идиотов, но такого - ещё поискать надо!

Несколько дней я был не в себе. Мне хотелось заглянуть к Тиханову и попросить у него извинений, но было стыдно. И визит к своим друзьям я откладывал на следующий день, и так - продолжалось почти две недели. В конце концов я решился переступить порог новой редакции и, взяв бутылку водки для примирения, направился в общежитие. Сотрудники газеты были все на месте и, когда я открыл дверь, с весёлой улыбкой вошёл в комнату, моё появление встретили по разному, но я сразу же сообразил, что этому появлению особо не рады. Я поздоровался с Митькой, потом с Тихановым. Подняв одну руку вверх, - поприветствовал девушек и, в последнюю очередь, подошёл к Жиневскому, протянув ему свою открытую ладонь. Но Борис, как сидел за столом, разглядывая какие-то бумаги, так и остался сидеть, и моя рука зависла в воздухе.

Сообразив, что этим самым он даёт мне понять, - я для него, как человек не

существую, мне стало не по себе. Горячая волна негодования, снова захлестнуло моё сознание, и мне снова захотелось треснуть его по лбу. С трудом, сдерживая свой гнев, я отошёл от его стола и сел на стул рядом с Митькой и, обращаясь к Тиханову, спросил, стараясь как можно громче:

— Ну, как у вас дела идут? Можно вашу газету посмотреть?

Саша протянул мне несколько свежих номеров, я начал всматриваться в заголовки, затем меня заинтересовали фамилии авторов статей и, увидев несколько статей за подписью Жиневского, я с пренебрежением отложил газеты в сторону. Мне хотелось пообщаться с Лесковым, с Сашкой, хотелось выставить «пузырь» на стол и предложить мировую, но у меня в душе бушевал ураган. Впервые в жизни мне не соизволили пожать руку, этим самым нанесли оскорбление, мне казалось, что я вот-вот лопну от злости. Мне снова захотелось настучать Борису по ушам, выкатить его из-за стола и, на пинках, выкинуть в коридор. Я не знаю, что меня удерживало от такого, но находиться в этой комнате, мне уже не хотелось и, сделав Митьке, незаметный знак рукой, чтобы он последовал за мной, вышел в коридор, едва справляясь со своими чувствами.

Когда друг вышел вслед за мной, я показал ему горлышко бутылки торчащий из нагрудного кармана и спросил:

— Компанию мне не желаешь составить?

Тот почесал макушку и, немного помолчав, ответил:

— Хорошо, минут через двадцать я закончу статью писать и освобожусь. Ты подожди меня на улице, а то этот Боря долбанный, опять такой скандал затянет, я и не знал, что он такой зануда.

— Ну давай, быстрее там освобождайся, — согласился я, — а то выпить хочется и не с кем...

Друг вернулся в редакцию, а я неторопливо вышел на морозный воздух. Ждать мне пришлось недолго и, вскоре я увидел, как поэт поспешно сбежал с крыльца общежития, увидев меня под уличным фонарём, направился туда.

В начале ноября распивать водку за углом или в глухом углу городского парка - было холодно, потому на мой вопрос, а где мы раздавим «пузырёк», Димка пригласил меня к себе домой:

— Знаешь, Василий, а поехали ко мне, правда, у меня там и теща и тёща, - ну ничего, плеснём им по сто грамм, и они будут счастливы. Они любят на халяву это дело...

Я согласился. По дороге к их жилищу, он рассказывал мне, как Борис сначала хотел подать на меня заявление в суд, но Сашка убедил его не делать этого, и дал понять, что Борис сам виноват в произошедшем.

— По сути дела, он сам же спровоцировал драку, — пояснил мне Митя, — а вообще, Василий, ты правильно сделал, что врзал ему, уж больно он высокого мнения о своей персоне.

Он рассмеялся и начал подробно рассказывать, как Боря после ухода милиции, пытался оправдать перед ними своё поведение. Он хотел всех убедить, что ты человек, которого надо всё время держать от нормальных людей в изоляции, но его никто не поддержал, и он грозился дело довести до суда. А дня через два, немного успокоившись, убедился, что мы не собираемся вставать на его сторону.

Потом начался рассказ о первых впечатлениях на новом рабочем месте:

— Конечно, работу в газете с заводом не сравнишь, — говорил он, — но на заводе я чувствовал себя гораздо увереннее. Там я человек свой, а здесь заходишь к начальнику в кабинет, чтобы у него интервью взять, а душа подсказывает, что этот тип, сидящий передо мной, такая сволочь, - а мне приходится улыбаться ему, и задавать дежурные вопросы, на которые он явно отвечает, кривя душой.

— Знаешь, Василий, как я людей чувствую, я сразу же с первого взгляда могу

определить: хороший человек передо мной или плохой. Вот я уже две недели работаю в газете, четыре статьи написал о людях, о наших долбанных руководителях, а удовлетворения от этого не чувствую.

— А почему?

— Да потому, что я написал о них неправду.

— А ты взял бы и написал, всё как есть.

— Э-э, Василий, оказывается нельзя этого делать.

— А почему?

— Сашка повёз номер газеты в партком на подпись. А секретарь, прочитав мою первую статью, тут же вычеркнул её из номера и сказал Сашке, чтобы больше ничего подобного он не видел. А мне пришлось статью переделывать и не очень хорошего человека так расхвалить, что самому до сих пор тошно.

Митька замолчал, видимо, обдумывая свои мысли по поводу высказанного. Я сидел рядом с ним, смотрел то на друга, то в окно автобуса и мне почему-то стало жалко его. Я прекрасно понимал его внутреннее состояние. Он думал, что, работая в газете, у него будет возможность донести до людей всё, что он видит вокруг себя, и всё, что он думает по этому поводу, но не тут-то было! А перестраивать себя и петь под чужую дудочку, он ещё не был готов и очень страдал, особенно в последние дни.

...Когда я снова увидел Маню, и наши взгляды встретились, меня бросило в жар, и душа моя разволновалась. Женщина смотрела на меня, не скрывая восторга, и в то же время в её взгляде я уловил осуждение. Если признаться честно, я соскучился по её большим глазам, по её милой улыбке но, чтобы не искушать себя, я решил не встречаться с ней. Иначе, - как потом смотреть своему другу в глаза, если неожиданно всё раскроется, и он узнает о нашем грехопадении. Митя, посмотрев на Маняшу и, перехватив мой смущённый взгляд, почувствовал что-то недоброе в наших взаимоотношениях и, стараясь быть весёлым, негромко проговорил:

— Это чего вы друг на друга глазами-то зыркаете, или между вами чёрная кошка пробежала. Василий, ты случайно клинья к моей жене не подбиваешь? — спросил он, приглашая к столу.

— Лесков, — возразил я, — да как ты можешь об этом думать? Или мне свободных женщин в городе не хватает?!

— Тебе-то, может быть, и хватает, а вот моя жена влюблена в тебя, того и гляди, с ума сойдёт.

— Не может быть! — возразил я, делая удивлённое лицо.

— Всё может быть, — смеясь, ответил друг, — она сама мне об этом сказала.

От неожиданности я ошарашен и не знал, - садиться мне за стол или убираться восвояси, пока дело до драки не дошло.

— Ну, чего ты растерялся, к столу не проходишь, — смеясь, проговорил Лесков, — проходи и садись, я пошутлю.

Я облёгчённо вздохнул, и несмело подошёл к столу. Присев на стул я снова взглянул на Маню и понял, что, и она была напугана нелепой шуткой своего мужа. Она, наверное, подумала, что я проболтался, а я подумал, что она сама всё ему все рассказала. А Митька, доставая из серванта хрустальные рюмки, довольный своей шуткой, загадочно улыбался.

После второй рюмки душа моя согрелась, и напряжение улетучилось. Я старался, как можно меньше смотреть в сторону Мани и нажимал на закуску. А вскоре к нашему застолью присоединились родители хозяйки. И бутылки оказалось мало. Рассказав несколько новых анекдотов, я предложил сходить ещё за бутылочкой. Митя вопросительно посмотрел на жену, та - на своих родителей, а её родители на меня, и хозяйка дома дружно кивнув головами, согласилась.

— Гулять, так гулять! — воскликнул Семён Николаевич и, вытащив, из кармана пиджака утаённый от жены трояк, бросил его на стол.

— Василий, одевайся - за вином ходим, а то одному в такую пору ходить по городу опасно, - скомандовал Митька.

Я вылез из-за стола, поспешно надел свою куртку, нахлобучил шапку, и мы вышли на улицу. По дороге в магазин Лесков почему-то вспомнил молодого поэта Слажевича и начал расхваливать его стихи:

— Ты знаешь, Василий, — немного захмелевшим голосом говорил он, — в нашем городе появился молодой и очень талантливый человек. На днях он заходил к нам в редакцию, и показывал нам новые стихи. Они просто изумительные. Я уговорил Сашку некоторые из них опубликовать. Тиханов согласился, а когда мы подготовили литературную страницу, секретарь парторганизации запретил эти стихи печатать.

— А почему?

— А, чёрт его знает! Сашка говорит, что они всякого рода стишки считают пустым делом, им оказывается нужны документальные очерки о достойных коммунистах, которые преданы идеям революции. А стихи, какие бы они не были, им не нужны. Сволочи! Что они понимают в поэзии? А Слажевич молодец. На глазах растёт. Ты знаешь, какие у него стихи начали получаться, просто чудо!

Я слушал полупьяного друга и немного ревновал. Совсем недавно он так же расхваливал и мои стихи, а теперь, оказывается, в городе появился поэт еще талантливее, чем я и все остальные.

— А чего он в последнее время на литературное объединение не приходит? — спросил я, чтобы как-то поддержать разговор.

— Не знаю, — пожимая плечами, ответил тот и, немного помолчав, неожиданно спросил, — Василий, а ты не желаешь завтра вместе со мной в гости к Еловой сходить, она вчера меня пригласила. Ты у неё еще не был?

— Нет, не пришлось.

— Вот и хорошо, а то мне одному как-то неудобно и боязно, у неё муж говорят слишком ревнивый. Так ты пойдёшь?

— Вообще-то, предложение хорошее. Она женщина интересная и стихи хорошие сочиняет.

— Вот и прекрасно, сегодня ты у меня заночуешь, а завтра часиков в десять мы к ней и рванём.

— А я стеснять-то вас не буду?

— Да нет, мы с Маней на полу ляжем, а тебе на диване постелим. А то завтра я не смогу из дома вырваться, а с тобой она хоть на край света отпустит, ты понял?

Я кивнул, и мы с ним зашли в магазин.

Незапланированный праздник у нас затянулся до глубокой ночи. Митька, изрядно захмелев, то порывался читать стихи, то начинал высказывать своё мнение по поводу жизни своего тестя и тёщи...

— Давай-ка, Василий, еще выпьем! — вдруг неожиданно воскликнул мой друг.

Он чокнулся со мной рюмкой и, никого не дожидаясь, выпил уже явно лишнюю, потом, пытаясь зачем-то встать из-за стола, рухнул на пол.

— Дофилософствовался! — многозначительно сказал Семён Николаевич, допивая свою рюмку и, ставя её на стол, — Маня, давай затаскивай своего мужа в переднюю, а то на холодном полу и простыть недолго.

— Вася, помоги мне его на диван положить, — обратилась за помощью хозяйка.

Пошатываясь, я подошёл к Митьке, засунул свои руки ему подмышки и, с трудом оторвав от пола, поволок в переднюю избу.

— Васька! — бормотал пьяный, — Ты никуда не уходи, ночуй у нас, нам завтра с тобой в гости ехать надо.

— Хорошо! Хорошо! — соглашался я, укладывая его на диван.

Он заснул мгновенно, родители Маняши вскоре так же ушли в другую комнату на покой, а мы ещё некоторое время сидели с ней за столом, и пили чай. Женщина

полушёпотом рассказывала, как Лесков всё время воюет с её родителями, особенно когда напьётся.

— А чего они делят между собой?

— Ему не нравится, что мой папа всю пенсию пропивает, а мой отец, как напьётся, начинает его жизни учить...Сегодня только, видимо, тебя постеснялся. А вы куда завтра с ним собираетесь?

— К Тиханову, — не зная, что сказать, соврал я, — у него завтра день рождения, он литераторов приглашал.

Маня понимающе кивнула головой и, продолжая мило улыбаться, тихо проговорила:

— Ну что, Василий, время уже позднее, пора, наверное, и на покой. Я тебе рядом с нашим диваном на полу постелила, ты уж не обессуди, свободной кровати у нас нет, ещё не разбогатели. — и, немного помолчав, добавила, — Вообще-то Митя дом собрался строить. Папа выделяет ему место на огороде. И мы хотим купить старый дом на слом, и перенести его в свой сад. А то под одной крышей с родителями жить тяжело...

Сняв с себя верхнюю одежду и, оставшись в майке и трико, я забрался под одеяло, уложил голову на подушку, вытянул ноги и расслабился. Маняша выключила свет, но в наступившей темноте я слышал, как она поспешно сняла платье и, повесив его на стул, осторожно нырнула под бок к спящему мужу. Некоторое время я лежал в темноте, прислушиваясь к сонной тишине. Митька, отвернувшись к стене, негромко похрапывая, спал сном праведника, а жена его, такая тёплая, желанная, нежная, была рядом со мной. Стоило протянуть руку, и я мог коснуться её...

Когда глаза привыкли к темноте, я разглядел при тусклом свете уличного фонаря, который проникал в не зашторенное окно, лицо Мани. Она лежала на спине, укрывшись лёгким одеялом. Глаза были открыты и она, как мне показалось, чего-то ждала.

От водочки мозги были слегка затуманены, мне в эти минуты было на всё наплевать и, совсем не думая о последствиях, я сел возле дивана, осторожно начал гладить её руку, которая лежала поверх одеяла. Женщина молчала, но я видел, как она смотрит на меня широко раскрытыми глазами. Моё сердце забилося, как синичка в клетке. Моя ладонь скользнула по её горячей руке, и вот - я уже ласкаю её обнажённое плечо, рука забирается под одеяло, моя ладонь ощущает её горячую грудь. Я начинаю осторожно поглаживать её. Маня от удовольствия закрывает глаза, но руки уже потянулись ко мне. Она обнимает меня, притягивает ближе, мы замираем в долгом и сладком поцелуе!

...Утром первым проснулся Лесков. Сначала заскрипел диван, потом по деревянному полу прошлёпали босые ноги, потом на кухне звякнула крышка ведра. Он зачерпнул кружкой воды и начал жадно пить. Вслед за ним поднялась и жена, она быстрыми движениями надела платье, выскользнула в кухню. Супруги начали о чём-то шептаться и, прислушавшись, я понял, что Маня посылает друга в магазин за пивом.

— У нас же семь рублей до получки осталось! — услышал я ответ друга.

— Да нет, у меня ещё небольшая заначка есть на чёрный день, — ответила женщина, — мы вчера явно перебрали, и теперь головы болят у всех. Так что немного похмелиться надо и сразу же полегчает.

Хозяин согласился, я слышал, как он одевался и вскоре, хлопнув дверью, он вышел во двор. Женщина вошла в комнату, подошла к окну и, приподняв занавеску, посмотрела на улицу. Я слышал, как скрипнула калитка, догадался, что Митя уже за пределами ограды. И тотчас Маняша, подбежав ко мне, нырнула под одеяло, обнимая, начала жадно целовать меня.

— Василек, милый, пока мужа-то моего нет, - обними меня, и поцелуй, я хочу быть твоей, ты меня вчера своими ласками чуть с ума не свёл!

Я был ошарашен её внезапным нападением, и не знал что делать, - удовлетворять наше обоюдное желание - было стыдно. Я боялся, что рано или поздно Лесков может узнать об этом, да и старики в любую минуту могут зайти в комнату. Но жаркая женщина была в это мгновение так неотразима, что я, воспользовавшись её минутной слабостью, опрокинул Маню на спину, и мы слились с ней в одно целое. Она начала негромко стонать, кусать мои губы, её руки обвили мою шею, и мне казалось, что она вот-вот задушит меня. Я начал торопиться, мне казалось, что я вор, который попал в чужой курятник. Но тут я почувствовал чей-то посторонний взгляд, и раскрыв глаза, увидел в дверях Митькину тещу. Испугавшись, я скатился с любовницы и спрятался под одеялом.

— Что случилось? — прошипела Маня.

— Твоя мать нас застукала! — ответил я и от стыда мне стало под одеялом жарко и душно.

Маняша подняла голову и посмотрела в сторону двери.

— Бестыжая! — слышал я голос её матери, — Первый муж тебя из-за этого бросил, и второму начала рога наставлять?

— Мама! Это не твоё дело! И вообще, прежде чем в комнату входить, постучаться надо!

Старушка выругалась и, махнув рукой, удалилась в свою комнату. Я лежал под одеялом и не знал, что делать.

— Да-а-а! — вздохнула женщина, поднимаясь с моего матраса, — Трудно любовью заниматься, когда нет определённых условий...

Умывшись под рукомойником я вытер лицо, руки и, повесив полотенце, присел к столу на кухне, не зная что делать дальше, но в это время распахнулась дверь и в комнату ввалился Митька. Одной рукой он растирал ухо, которое прихватило утренним морозом, а в другой держал сумку набитую бутылочным пивом.

— О-о-о! Василий! Ты уже проснулся! Это хорошо, принимай пиво, сейчас опохмеляться будем.

Я подхватил сумку с пивом и начал выставлять бутылки на стол, а Лесков, раздевшись и, отогревая руки своим дыханием, весело приговаривал:

— Холодно сегодня на улице! Печку надо бы затопить, а то и в доме прохладно уже стало. Маня! Печку бы затопить?!

— Неси дрова и заатапливай, а я пока селёдку почищу, — ответила та, расчёсывая распущенные волосы.

Отогрев руки, Митька принёс с улицы охапку берёзовых дров, и минут пять копошился возле печи, растапливая её. А когда дрова разгорелись, вымыл руки и, улыбаясь во весь рот, присел к столу:

— Маняша! — воскликнул он, — Ну, где твоя обещанная селёдка? Давай её сюда и присоединяйся, мы начинаем пиво пить.

Женщина вышла из-за перегородки и, поставив перед нами тарелку с очищенной селёдкой, присела к столу, виновато улыбаясь, проговорила:

— Разливайте, я готова разделить с вами компанию.

— Родителей-то позовём? — спросил хозяин, обращаясь к жене.

Маня скривиланемного припухшие губы и отрицательно закачала головой.

— Пусть спят, а то напьются с утра пораньше и опять скандалить начнут.

— Ну, и ладно, — согласился тот и начал разливать пиво.

Опохмелившись и закусив селёдочкой, я напомнил Мите, что нам надо ехать в новый город. Друг взглянул на часы и заторопился:

— Да-да! Пока соберёмся, пока доберёмся, - время будет в самый раз, — и, обращаясь к жене, добавил, — Маня, мы сейчас уезжаем, а ты особо не скучай. Мы тебе пиво оставляем, если хочешь и родителей можешь угостить, а нам пора.

— А надолго исчезаешь?

— Не знаю, - ответил тот, - но часов в девять вечера вернусь обязательно.

(Продолжение следует)

Артем ГОРШЕНИН

Чёрный ящик

(Эссе)

Объяснить название довольно просто - после крушения самолёта уполномоченные лица ищут чёрный ящик, находящийся на его борту и записывающий всё, что произошло до крушения, позволяя тем самым понять: из-за чего этот самолёт до пункта назначения не долетел, и кто в этом виноват. А сие произведение - мой чёрный ящик, и только оно может рассказать то, о чём я уже рассказать не смогу. Здесь мои мысли, мои чувства, моё ВСЕ. Тот, кто знал меня при жизни только с одной стороны, в этих записках может увидеть совершенно другого человека.

Почему у нас не одинаковые голоса, не одинаковые лица, почему думаем мы не одинаково? Потому что все люди разные. И разные художники не пишут одинаковые картины, потому что художники разные. Каждый стремится самовыразиться по-своему, у каждого свои мысли, свои эмоции, свои желания. И мне просто необходимо свое самовыражение. Не могу я сидеть и смотреть чужие фильмы, читать чужие книги, слушать чужую музыку. Это как в известной песне "...А нам бы лишь смотреть чужие сны..." Не хочу! Пусть никто этого не прочтает, зато мне будет легче. Хоть себя порадовать. Гы-гы-гы! Ничего полезного мне это не принесёт, пустая трата времени.

А прав был профессор. Прав. Алкоголь убивает творчество. Примерно месяц трезвости необходим мозгу, чтобы начать творить. Это и объясняет, почему в детстве некоторые писали стихи, а теперь не пишут. Ходишь ты маленький, алкоголь не употребляешь, мозг твой светел и чист, ни одного тёмного пятнышка. Хочется тебе творить, душа просит. А потом ты пробуешь алкоголь. Ну, ты понял?! А попробуй месяца два не попить. Голова трезвая, чистая, мозг так и ищет, во что выплеснуть свой потенциал. Берегите себя, люди, берегите. И ты береги. Ты.

Ты думаешь
живёшь ты
правильно?
Наутро
в похмельном бреде
Трёшь ты рожу
полотенцем
вафельным,
В бело-кафельном
туалете.
Ну и что же
сделал
для мира ты?
Вызываешь лишь отвращение!
Ты - в яме,
тобою ж вырытой,
Теперь
вырыдай
прощение!

Нет смысла рассказывать, кто я и что было со мной до этого дня. Ни одна книга не уместит и одного дня человека, не вберёт в себя все его мысли, чувства, переживания. Остаётся лишь излагать факты, даже те, которые только приходят в мою больную голову - даже они не имеют ничего общего с реальностью, потому что именно реальность нам чувствовать и мешает. А чувства в свою очередь мешают нам находиться в реальности. Америку не открыл. Жизнь - это дерьмо. Чем больше живёшь - тем больше дерьма. Можно терпеть, но не долго. Можно умереть. Тоже - не долго. А можно жить. Никто не знает цену жизни, лишь перед самой смертью, за мгновенье, а то и меньше, понимает человек, что он теряет. Проносится перед глазами жизнь, но это не совсем верно. Проносится то, что могло ещё быть в этой жизни. Нужно быть сильным. Нужно пережить всё дерьмо и радоваться. Радоваться, что живёшь, радоваться, что дышишь. Радоваться, что свободен.

А может, нет мира? Из чего состоит твоя жизнь? Из того, что ты видишь и чувствуешь. И может, нет всего остального, скрытого от твоих глаз и других рецепторов мироощущения? Может, всё вокруг нарисовано только для тебя? Все эти липы, поля, озёра? Твой личный Художник рисует для тебя то, что ты видишь и чувствуешь. А ты позволяешь ему отдыхать, заставив нарисовать лишь твою квартиру и вид из окна. Он получает в кассе лёгкие деньги, и многие другие художники ему завидуют. Они исписали бесчисленное множество картин, истерли миллиарды кистей. Художники постоянно путешествующих людей, людей, не сидящих дома, не прячущихся от счастья за бетонные стены.

Нельзя всё увидеть и всё узнать? А почему нельзя? Тебе кто-то мешает?

Остановись же на минуту, человек! Посмотри на землю, усыпанную пестрыми листьями разных сортов и форм. Подними голову и посмотри на небо, кое-где скрытое от глаз кронами деревьев. Посмотри вдаль и, наверняка, ты увидишь там лес. Сколько миллиардов людей, лишенных такого пейзажа? А ты это не ценишь. Неужели нельзя пронести обёртку от Snickers'a пару метров до ближайшей урны? **ХОЧЕШЬ ИЗМЕНИТЬ МИР? НАЧНИ С СЕБЯ!**

Бывает, идут люди мимо очередной свалки мусора, которые не так редко встречаются, и говорят: "Вот, насорили, свиньи, не берегут природу!" И т.д., т.п. А сами, ма-а-аленькую этикетку, бумажечку кидают, куда ни попадя. На траву, на дорогу, куда угодно, но не в урну. Или кинут бутылку в неё, но не попадут. Так она и лежит рядом, мечтая попасть внутрь. Ведь весь мусор на наших улицах не сам собой появился. Его люди туда притащили. Такие же, как ты и я. Глупее? Хуже?

Зелёный цвет на лицах людей - это хорошо. Отражение природы, полей, лесов, трав. Я не продукт этого общества. Я сторонюсь его, пытаюсь сломать его рамки. Это общество больно. Это общество не способно воспитать гения. Гений должен встречать препятствия на своём пути, а сейчас всё развито и распланировано. Господи! Если есть ты, отзовись! Ибо, не жить мне больше здесь! Вырываюсь из сознания собственного, проникая в чужие мечты. Кто мне покажет выход к звёздам? Где взять мне силы на прощенье Божье? Кто отыщет мне мазь от всех невзгод? Я болен, опасно болен. Понял я это, когда впервые слушал: «Zoo York Poul'a Oakenfold'a». Я открыл глаза и через секунду услышал звон двух монет, упавших на пол. Я встал и огляделся. Моя квартира преобразилась. На комод повесили белую простыню. На столике у зеркала, которое тоже было занавешено, стояла моя фотография, а рядом в кружке с солью горела свеча.

Вчера разговаривал с Осенью. Не вербально, конечно, я ведь не сумасшедший. Купил в столовой сок и булочку, и сел за маленький столик у окна, лицом к окну. Тут солнце засветило мне прямо в лицо, я зажмурился, а когда открыл глаза, обнаружил на стуле напротив себя Осень. Не буду объяснять вам, как она выглядит, наверно каждый из вас видел свою осень.

В чём смысл жизни? “Вот для меня эта жена, там - детей две штуки, машина там, дача...” Всё это не то, всё это глупо и неинтересно. В чём глобальный смысл всех людей? Ну, нарожал ты детей, и, чё? В чём смысл жизни? Потомство! И, чё? В чём смысл их жизни? Так же муравьи сами воспроизводят себя, не зная смысла сей функции. Они просто размножаются и размножаются, пока какой-нибудь придурок не сожжёт их муравейник. И всё. В чём был смысл их жизни? А если он и был, то где он сейчас? В пепле. А люди? Пусть я, ярый противник сигарет, не курю всю жизнь, и, чё? Ну, дыхалка там, все дела, спорт... А спорт зачем? В чём ЕГО смысл? В чём смысл ВСЕГО?! Быть может, познание нового, неизведанного?

На Земле мы уже всё знаем, может, время нам встретиться с новыми расами с новых Земель? Пусть покажутся они нам необычными, чуждыми, однако, сама эта чуждость и даёт хоть какой-то смысл. Ведь как для нас звёзды кажутся лишь неизбежно далёкими точками, так и наша Земля для кого-то точка лишь, да и не Земля вовсе. И - пофиг им, - сколько у тебя детей и какая у тебя машина, а вот прибыть к ним и рассказать - это достижение!

- Подумаешь, - сказал он вслух, хотя кроме него в комнате никого не было.
- Кому не снились странные сны?

А сон, действительно, был странный. Будто стоит он в лесу. Ночь. Звёзд почти не видно из-за раскинувшихся крон сосен и лип, мрак, крошечная тьма кругом. Ему страшно, ему, маньяку, расправившемуся с десятком невинных женщин, девочек, девочек. Ему, убийце, держащему в страхе весь город, охоту на которого ведут не только правоохранительные органы, но и отцы, сыновья и мужья его жертв. Ему, за чью голову обещана награда, гигантская для их маленького городка. Ему страшно в лесу.

А напротив стоит девочка, маленькая девочка, с голубыми, как небо глазами, с мягкими, как шёлк волосами, бережно заплетёнными кем-то в косичку. Она там же, в лесу, в десяти шагах от него, но ни намёка страха нельзя прочитать на её румяном личике. Она смотрит ему в глаза без боязни и спокойным, ангельским голосом говорит:

- Ты не виноват, я знаю. Я приду к тебе и утешу тебя...

“Просто сон” - подумал он, встал с кровати и пошёл в ванную.

Правда ли, что цель любого человека в жизни - это достижения счастья? Но если это так, то у некоторых людей счастье ассоциируется с дозой наркотика либо с бутылкой водки? Или они медленно убивают себя, забываются, потому что потеряли надежду на обретение счастья, не видят смысла жизни? Словарь говорит нам, что счастье - это состояние высшей удовлетворённости жизнью, чувство глубокого довольства и радости. Материальная обеспеченность, любимый человек, семья, дети, работа, которая не только высоко оплачивается, но и с которой после рабочего дня не хотелось бы бежать сломя голову. Допустим, достиг ты счастья, есть у тебя всё вышеперечисленное. Но есть ли состояние ВЫСШЕЙ удовлетворённости? А у соседа машина лучше, чем у меня! Я глубоко несчастлив! Ведь чем больше мы имеем, тем больше нам хочется. И человек ДОЛЖЕН стремиться к лучшему, во всех его делах и занятиях

должен быть прогресс. Перевод на работу, оплачиваемую меньше предыдущей - это не нормально. Не нормально и то, что человек этого не понимает.

Как придётся, может быть,
Мне в тот мир уйти, -
Вы не смейте хоронить, -
Вы кремируйте...

Бывает так, что человек рождается не в то время и не в том месте, в которое должен. На фабрике жизни его либо отправляют слишком рано, либо слишком поздно, и совсем не по тому адресу. Такие люди не могут влиться в окружающий их мир, чувствуют себя некомфортно в обществе. Зачастую именно они, находя себя в искусстве, становятся великими художниками, музыкантами, поэтами. В наше время их единицы, но и это чудо, ибо современное общество не способно воспитывать гениев. Вполне возможно, что современному обществу гении и не нужны, как не нужно и искусство. Смотрит ли спешащий на работу бизнесмен, в одной руке которого мобильный телефон, а в другой папка с бумагами, - на радугу, на воркующих голубей? Вдыхает ли он прохладу утра, запах дождей, прислушивается ли к шуму крон деревьев перед грозой, к жужжанию майского жука, медленно перелетающего от одной ветки сирени к другой?

Нет в современном обществе романтики, нет любви к прекрасному, - все заняты повседневными делами и мелкими хлопотами. Людей же, не забывающих о душевной красоте можно пересчитать по пальцам и поставить каждому из них памятник.

Хроники, события, факты

Избранник Музы

Исполнилось 195 лет со дня рождения великого русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова. Почему мы вспоминаем эту дату? Да, потому, что Лермонтов имел непосредственное отношение и к нашему краю. Конечно, родился он в Москве, воспитывался в имении своей бабушки Елизаветы Алексеевны Арсеньевой в Тарханах, где и по сей день в семейном храме хранится саркофаг с телом поэта, но неумный характер, особенности воинской службы заставляли Лермонтова колесить по России. Он бывал в Саратове, Пензе, Тамбове, в Москве и Санкт-Петербурге, довольно хорошо знал Северный Кавказ и Крым...

Для нас же в дни его юбилея особенно важно знать, что великий русский поэт побывал и в наших симбирских краях. Если в детстве в Саратове ему приходилось гостить в доме, принадлежавшем древнему роду Столыпиных, следует отметить родство Лермонтова с ними. Афанасий Алексеевич Столыпин был братом его бабушки Е.Арсеньевой, а Михаилу Юрьевичу приходился двоюродным дедом. В столице юного поэта опекал его «двоюродный брат», фактически – дядя, чиновник Министерства иностранных дел Николай Аркадьевич Столыпин. Некоторые историки считают, что, бывая в наших краях, Лермонтов мог гостить в Симбирске у еще одного дяди – Петра Аркадьевича Столыпина, какое-то время жившего здесь, – впоследствии – министра внутренних дел, премьер-министра и реформатора российского...

Еще одно пересечение с нашими земляками состоялось у Лермонтова с графом Владимиром Александровичем Соллогубом, 195-летье со дня рождения которого мы тоже отмечаем в первом выпуске альманаха. Да-да, с тем самым, который за год до роковой гибели А.С.Пушкина был вызван тем на дуэль по причине «оскорбительного замечания» Соллогуба в адрес жены поэта Н.Н.Гончаровой. Слава Богу, тогда же и выяснилась нелепость всей ситуации. Соллогуб просил у Гончаровой извинения, и они с Пушкиным примирились. Хотя наш земляк граф Соллогуб (ему принадлежало имение в Никольском-на-Черемшане, где он создал многие свои произведения), твердо решился не стрелять в Пушкина на дуэли, понимая все величие того для России...

Так вот, в повести советской писательницы Лидии Обуховой «Избранник», посвященной 170-летию со дня рождения М.Ю.Лермонтова, есть глава, посвященная взаимоотношениям уже между ним и... графом Соллогубом:

«Литератор граф Соллогуб льнул к Лермонтову. Был очарован его сосредоточенным взглядом настолько, что, оставшись наедине, старался и сам смотреть вглубь зеркала как власть имеющий, без суетливой улыбочки и любезного помаргивания век.

- Ты нынче угрюм, Лермонтов? – сказал Соллогуб, с обычной ужимкой, которой тщились выразить сочувствие и понимание, но довольно натянуто. – Вижу, карандаш твой что-то изобразил? О, да это наводнение.

На листе острые гребни волн захлестывали оконечность Александровской колонны с венчающим ее ангелом.

- Видал высокую воду, с детства напуган, но такой не бывало!

- Будет, - недобро пообещал Лермонтов, продолжая на рисунке вздывать Неву все яростнее, - Ты думаешь, кроме чухонки-молочницы да петербургских лихачей-извозчиков в России другого народа нет? Ты где рос, в имении?

- Нет, - с сожалением проронил Соллогуб. – Мы уже порядком порастрастались к моему рождению. Квартировал у бабушки Архаровой на даче в Павловске, вблизи от дома вдовствующей императрицы...

Соллогуб хотел было по привычке козырнуть близостью своей семьи к высоким лицам; ведь Александр Первый заходил к его матери запросто, гуляя, но по пути, а он, мальчиком, задавал царю наивные вопросы. Но чутко уловил совсем иное настроение у Лермонтова, тотчас присобрал на лбу задумчивые складки.

-Еще в малолетстве моем поехали мы большим обозом в симбирскую деревню, ну, сам знаешь, как путешествует наше дворянство? Со своими поварами, няньками, дядьками, горничными, лекарем, а папенька прихватил еще и художника: снимать окрестные виды. Не помню где и когда, но стало входить в меня на том подорожье сознание, что кроме мира придворного, светского и французского, кроме мира моей благодушной бабушки, есть мир совсем иной, коренной русский, простонародный и имя ему – громада...

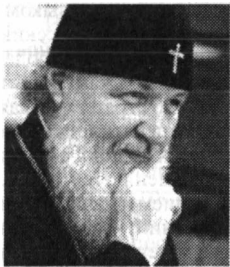
-Ты прав, - подхватил Лермонтов. – Сызмала, еще когда бабушка велела упражнять меня во французском, я знал про себя, что в песнях наших больше поэзии, чем во всей французской словесности. Досадно, право, чувствовать себя подчас не струей в общей волне, а лишь сором и накипь поверх нее... - Угрюмая задумчивость вновь овладела Лермонтовым. – Свет это куча мусора!»...

После гибели Лермонтова В.Белинский ставил Соллогуба на второе место среди современных писателей – сразу за Н.Гоголем.

Большая дружба связывала М.Ю.Лермонтова с еще одним нашим земляком, помещиком и меценатом, дворянином В.Н.Поливановым, в имении которого в Поливанове и Акшутском музее искусств и дендропарке поэт бывал наездами. В этом же музее Поливанов хранил и автографы своего погибшего друга...

Великого русского поэта не стало в грозовой день - 15 июля 1841 года, ровно 168 лет назад. Власть и Двор мстили ему за вольнодумство и великий талант. Он, как и его кумир - А.Пушкин, пал от подлой руки наемника на дуэли. Успев выдохнуть в лицо своим недругам:

Презренные убийцы! Неужели
Не будет им ни мщенья, ни кары
И неужели нет меж нас достойных
Поднять оружие, коим он сражался,
Чтоб выстрелом на выстрел отвечать!
Мы все ничтожны, все рабы, все трусы
И неужели мы извечно будем
Холопами Европы и царя?!

Патриарх Кирилл

КИРИЛЛ (в миру - Владимир Михайлович ГУНДЯЕВ). Местоблюститель Патриаршего Престола РПЦ (2008 г.), митрополит Смоленский и Калининградский, заместитель Главы Всемирного Русского Народного Собора. Родился 20 ноября 1946 в Ленинграде (ныне Санкт-Петербурге), в семье священника.

6 декабря 2008 года на экстренном заседании Священного Синода Русской Православной Церкви в связи с кончиной Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II митрополит Кирилл тайным голосованием избран Местоблюстителем Патриаршего Престола.

Сторонник активного вмешательства Церкви в светскую жизнь и в политику, в том числе ее влияния на власть с позиции "Священство выше Царства"

С 1995 года по субботам ведет телепередачу "Слово пастыря" на ОРТ.

Награжден церковными орденами св. равноапостольного князя Владимира II степени, преподобного Сергия Радонежского I и II степени, св. благоверного князя Даниила Московского I степени, св. Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского, II степени, святителя Алексия Московского II степени, орденами многих Поместных Православных Церквей; другие церковные награды: памятная панagia (1977), именная панagia (1988).

Имеет государственные награды: орден Дружбы народов (1988, к 1000-летию Крещения Руси), орден Дружбы (1996), «За заслуги перед Отечеством» III степени, медали «50 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов», «300 лет Российскому флоту», «В память 850-летия Москвы»; награжден общественным орденом Св. Георгия I степени (1998, от Российской палаты личности).

Царствие погани

(Отклик)

Вот и снова (в который уж раз!) в Россию пришла нечистая сила. Не скрывая злорадства, опьяневшая от вседозволенности и безнаказанности, она измывается, издевается над её простым человеком... Беззастенчиво, уже в открытую, сбросив с себя демократическую, чёрную вуаль, за которой скрывала свою сатанинскую морду, эта погань занимается грабежом государственной собственности, созданной непосильным трудом нескольких поколений. Практически всё она прихватила в свои грязные лапы: и малые и крупные заводы и фабрики, и транспорт, и природные ресурсы, и лучшие земельные угодья, и крупные средства информации, цинично показав тем самым непристойный жест простым людям. Вот, дескать, тебе, было, - мизерная зарплата и смешотворная пенсия, который уж никак не дотянуться до постоянно поднимающихся цен на товары. А всё остальное: пропитание, одежда, жильё, учёба, отдых это, - изволь, - твои проблемы, чернь. И с заумным видом спекулятивно вслух размышляет об удочке, которой нужно каждому самому ловить рыбу. Захватив, образно выражаясь, всю китобойную флотилию, легко заниматься словоблудием, предлагая в качестве альтернативы удить виртуальной удочкой в замелевшей речушке, которую давно уже и захудалый ёрш покинул. Зато сколько хвалебного крика о достоинствах рыночной экономики, то бишь, - капитализма! И вспоминается финская поговорка: «Много шума, а шерсти мало, сказал чёрт, остригая кошку».

Весь этот шабаш мерзости нестерпимо больно видеть и ощущать. Но особенно страшно становится, когда зараза фарисейства и лицемерства, как именoval её Иисус Христос, распространяется на души и поступки молодых людей. Бесы ликуют: чем больше духовно опустошённых, больных людей, тем вольготнее, разнужднее они себя чувствуют. А потому и подливают с удовольствием в свой полыхающий трупный костёр горящий ядохимикат насилия, жестокости, полового извращения, хамства и наглости. Погань царствует...

И особенно страдает от неё русский народ. Пика сатаны направлена в него в первую очередь, потому что он обладает тысячелетней православной верой, высокой культурой, богатым, сочным, колоритным разговорным и литературным языком, славным историческим прошлым. Ядовитая пика сатанистов направлена в русский народ ещё и потому, что он является магнитным стержнем всего российского народа. Стоит его уничтожить и распадётся многонациональный народ России. Его, как считает нечистая сила, следует добить. И тогда зло восторжествует навечно. Это стратегическая цель чертей, радующихся своему новому пришествию. В последние десятилетия ими делается многое, чтобы снизить значимость русских людей в самых разных сферах российской жизнедеятельности. Приёмы и формы при этом применяются самые изощрённые. То что, например, происходит с уродливым произношением и написанием ряда русских слов, извращением стилистики, спряжений и склонений, - трактуется как дань современной сленговой моде. Разводя руками и пожимая плечами, делается вид, что это, якобы, - пустяшное, не имеющее особого значения явление. Хотя многие понимают, что размывание, засорение, опощение национального языка ведёт к постепенной деградации любой народности. Опубликованная в альманахе «Совершенно не секретно» заметка в «День народного единства», верно и волнующе отмечает проблемы положения русских людей и их самосознания. «Русское самосознание, - пишет автор, - во многом опирается на ощущение русских побед». Несомненно, исторические победы оставляют глубокий след в духовной общности любого народа. Однако, на взгляд автора этих строк, русское самосознание определяется в первую очередь историческим укладом жизни, сложившейся традиционной культурой взаимоотношений и мировосприятия, тесно связанного, кстати, с Православием, а также обострённым чувством справедливости. В заметке совершенно верно сказано, что: «Нет воссоединения сегодня и русской элиты, которая могла бы побудить наш народ проснуться и посмотреть на себя «со стороны».

Возникает вопрос, а почему его нет? Да потому, что как раз этому препятствуют сатанинские силы. Много ли найдут наши сограждане печатных изданий, радио и телевизионных передач, где обсуждались проблемы русских в стране? Конечно же, нет. Видимо, власть имущих считает, что таких проблем не существует. Но то, что считают «слуги народа» - это одно, а как действительно думают русские люди - это другое. А задумываются они, помимо всего прочего, и вот ещё над чем. Как известно, все республики, входящие в состав России, имеют свою территорию, свою столицу, свою законодательную и исполнительную власть, своего руководителя. И похвалено, так и должно быть. Но возникает вопрос, а где у русских свои: административно-территориальное определение на карте мира, своя столица, своя власть, своя экономика, культурно-историческое самоопределение, национальное самоуправление, свой президент? Парадокс, - в мире существует два государства для евреев (Израиль и Еврейская автономная область), а вот у русских, одной из многочисленных наций мира, даже одного нет!

Кто-то, возможно, заметит, что это принципиально не важно, ибо русские расселены на всей территории и не только России. Но ведь и другие народы проживают на громадной площади России. Однако они всё же имеют свою «малую» государственность, а некоторые сегодня - аж две. Это: азербайджанцы, армяне, таджики, узбеки, казахи, немцы, литовцы, молдаване, украинцы, белорусы, поляки, болгары, грузины. ... Они воссоединились в каждом из многонациональных регионов России во «вторую государственность» - национально-культурные АВТОНОМИИ! Чего не скажешь о русских. И это принципиально важно. О чём говорят и сами высокие представители некоторых республик. Помнится, после военных действий в Чечне, в Грозном на одном российском телеканале, бывший депутат государственной Думы от Дагестана - Р.Абдулатипов с гордостью говорил, что через его родной Дагестан не проехал ни один российский танк в Чечню. Дескать, - его родина не позволила тяжёлой военной технике пройти на территорию братского народа. Таким образом, чеченцам подбрасывалась мысль о непричастности дагестанцев, (где проживает более пятидесяти малых народов и народностей), к военному вторжению в их республику. Стало быть, иск предъявляйте Москве, русским или бог знает кому, но только не им. Пусть это останется на совести Абдулатипова!

И всё же, факт остаётся фактом, что юридически у дагестанца Абдулатипова есть свой, родной Дагестан. И, слава Богу! Честь и хвала и Абдулатипову, и всем дагестанцам, (не унижающим своего национального достоинства тем, что их обозвали «РОССИЯНАМИ», а осознающими себя только: аварцами, лезгинами, даргинцами, ногойцами, кумыками, акинцами и т.д.), что у них есть ИХ прекрасный Дагестан, а в нем СВОИ районы или аулы. Честь и хвала татарам, башкирам, осетинам, евреям и многим, многим народностям, имеющим СВОЮ родину! Вот русским ещё бы иметь своё Русское государство, а не признавать тоже себя безликими россиянами, родства не помнящими. ...

Многие последние годы добиваются русские, что бы в паспортах наших была восстановлена графа, где указывалась бы национальность каждого гражданина России. Безуспешно. Воз и поныне там. А вот в Татарстане добились, чтобы не только их национальная принадлежность указывалась в российском паспорте, но и на родном татарском языке отмечалась личность владельца самого главного общегосударственного документа. И всё это было достигнуто благодаря юридическому существованию республики Татарстан, со всеми гражданско-правовыми институтами, включая и самого Президента Шаймиева. А сделано это было из самых лучших побуждений в национальном самосознании и сохранении татар от ассимиляционных процессов в мировой этнографии, - так как на территории Татарстана и граничащих с ним регионах проживает до 40% татар-кряшенов. Тех, кто принял православие или был крещен русскими именами еще во времена царствования Ивана Грозного. Но и они теперь имеют возможность документально причислить себя к своему титульному народу, увеличить, возвеличить, облагородить татарскую нацию своим в ней участием.

Вот это и пример для решения одной из проблем русских людей. Странно как-то

получается... Многочисленная нация русских, некогда живущая в Великой Руси, Русской Империи, - ныне проживает тоже в великом, но – Российском, образованном большевистской партией интернационалистов, мечтавших о Мировой революции и стирании граней меж народами, государстве. Зато евреи-«россияне» теперь гордятся тем, что у них есть еще одна «родина» - в Израиле, где их права уж точно всегда защищены. Умный народ, ничего не скажешь. Читают свои Свитки Эстера, отмечают уже третье тысячелетие свой победный и кровавый праздник Пурим, который, как опешивает в одном из своих воззваний главный раввин России Берл Лазар, - повторился в России уже в 20 веке, - и нет у них проблем с нечистой силой. Может быть, им повезло, в отличие от русских, с Сатаной. Не знаю. А может быть,... Да что тут гадать? Одному Всевышнему известно, почему так с русскими происходит.

В конце заметки в альманахе, автор, рассуждая, что же делать русским людям, задаёт сам себе и читателям вопрос: «А не пора ли русским тоже создать свою автономию, автономизировавшись от уже действующих?». Не буду комментировать сущность этого вопроса, не буду говорить о фантастических проблемах реализации подобной автономии. Просто лишний раз хочется заметить, что автономия – это общность, единство. На этом следовало бы мне поставить последнюю точку в своих размышлениях. Но коль мы подошли к этим важным понятиям, не могу не удержаться, чтобы не процитировать верные, правильные слова по этому поводу Берла Лазара, имеющего гражданства, к слову сказать, сразу нескольких стран:

«Наша община, наше единство – вот что всегда придавало евреям силу, вот что даёт нам возможность решать проблемы сейчас. Чем больше община, тем глубже единство – тем мы сильнее. Так, дай Бог, чтобы эта сила всегда оставалась с вами, помогая преодолевать препятствия, преуспевать в жизни, обеспечивать будущее детям».

Вдумывайтесь, очень серьёзно, глубоко вдумывайтесь, настоящие русские люди, в эти исключительно мудрые понимания предназначения нации. Только следуя преемственности русского единства, развивая русское самосознание, понимая свою ответственность перед будущим русским поколением, мы сможем одолеть царство поганы в России. Объединившись, проявляя солидарность и постоянно укрепляя своё единство, мы, как и евреи, сможем преуспевать в жизни и обеспечить лучшее будущее своим детям.

Александр Надыктов, русский публицист.

Короткой строкой

26 сентября 2009 года состоялось общее собрание членов общественной организации: «Димитровградское писательское отделение Ульяновской областной писательской организации Союза писателей России». На нем был решен ряд принципиальных вопросов. Членами писательского отделения (ДПО) были утверждены А.Горшенин, А.Зайцева, А.Надыктов, Н.Семин, С.Синяев, А.Челышев.

На общем собрании было принято обращение от писательской общественности к Главе города, председателю Димитровградской городской Думы народных депутатов Н.А.Горшенину с предложением рассмотреть вопрос о финансировании писательского издания – литературно-публицистического, патриотического альманаха «Совершенно НЕ секретно» в 2010 году.

Было также принято решение о возобновлении ежегодного, традиционного поэтического «Дня памяти поэта Дмитрия Лескина», павшего 25 лет назад от рук убийц-рецидивистов.

17 октября в зале библиотеки НИИАРа состоялся «День памяти поэта Дмитрия Лескина», собравший всех помнящих его друзей, писателей, литераторов, при участии руководства библиотекой и членов клуба любителей литературы «Эхо», работников краеведческого музея в лице поэта, члена ДПО В.Зиновьева.

Со своими произведениями и воспоминаниями о Лескине, его талантливом творчестве выступили: В.Гордеев, А.Надыктов, А.Никонов, Ф.Касимов, В.Манухин, В.Волконская, А.Горшенин, М.Панкратова, Е.Парфенова, В.Сысуев, А.Челышев и другие. В исполнении А.Зайцевой со сцены прозвучали замечательные романсы.

Мы могли бы также отметить 95-летие со дня рождения Ивана Дмитриевича Хмарского – талантливого прозаика, художника, ученого, публициста, одного из первых руководителей литературного объединения «Черемшан».

83-й свой день рождения отметил старейшина нашей писательской организации, плодовитый и талантливый поэт, прозаик, публицист, песенник, сценарист – член Союзов писателей СССР и России, автор десятков книг, один из руководителей литобъединения «Черемшан» и ДПО, единственный в Ульяновской области писатель-участник Великой Отечественной войны, Почетный гражданин Димитровграда, лауреат многих литконкурсов Евгений Степанович Ларин. Счастья, многих лет жизни, здоровья и творческого не увядания наш друг и учитель!

Юбилей – 60-летие отмечаем мы нашему поэту-сатирику, члену ДПО Владимиру Владиславовичу Зиновьеву. С датой вас, коллега!

Юбилейные поздравления и пожелания праздничного настроения адресуем прозаику и поэте, члену ДПО Екатерине Рудольфовне Сорокиной (Сорри). Вечной творческой и житейской молодости, успехов в литературном труде, тебе, Катя!

В эти дни, когда выходит новый номер нашего альманаха «Совершенно НЕ секретно» дни рождения празднуют наши коллеги по «литературному цеху» - Василий Стрючков (Василь) и Инга Гаак. Мы сердечно поздравляем их и присоединяемся к самым доброжелательным откликам и пожеланиям их читателей.

11 декабря отмечается в России как День памяти журналистов, погибших при исполнении служебных обязанностей

Такой жертвой преступления против личности, исполнявшей служебные обязанности, стал 16 сентября 2002 года член нашего писательского отделения, член союзов журналистов и писателей России, талантливый молодой прозаик, поэт, публицист, сценарист и песенник, служивший в органах юстиции, а затем – руководителем пресс-службы ГУВД Вячеслав Первушин.

Он нес службу по охране общественного порядка в День города. Собирался идти домой отдыхать и... пропал без вести! Его тело нашли только спустя четыре месяца, закопанное в подполе дома предполагаемого убийцы. До сих пор в деле о гибели Первушина много «белых пятен», непонятного, не доследованного, много других, не менее таинственных смертей...

Мы хоронили Славу накануне его сорокалетия промозглым январским днем все вместе: друзья и родные, писатели, милиционеры. Так по воле негодного рока в нашей областной писательской организации не стало еще одного таланта. Он служил в частях морской пехоты, оканчивал факультет журналистики Казанского университета. Работал в прессе Татарстана, Якутии и Прибалтики, его, как телерепортера хорошо знали на областной студии телевидения. Он был лауреатом всесоюзного песенного конкурса «Телешанс», работал с интернациональной рок-группой «Зодиак». Его рассказы и повести получили высшее одобрение на семинаре российских литераторов и на заседании выездного секретариата Правления Союза писателей России, где его первым мэтры российской словесности рекомендовали безоговорочно к приему в наш Союз. В Саратове вышла его книга «Прощание на двоих», публикации его произведений были в литературных журналах, альманахах, общих сборниках Татарии, Ульяновской и Саратовской областей, в нашем журнале «Черемшан». А после его гибели в свет вышла книга избранного «Иль это я приснился этой жизни...», составленная его друзьями, родными.

Говоря о ранней кончине нашего товарища, нельзя не заметить и трагических «ноток» в его необычных рассказах, повестях, стихах, какой то предопределенности судьбы автора. Даже в названиях его книг... Недаром говорится, что Господь всегда, на самом взлете забирает из этого грешного мира наиболее талантливых, а значит – уязвимых...

СОДЕРЖАНИЕ

Рождественская поэзия для литераторов и читателей	5
День работников органов безопасности. Структура ФСБ	10
Лубянка-люкс	26

ДЕМБЕЛЬСКИЙ АЛЬБОМ

Вводу советских войск в Афганистан, посвящается	29
Из фотоархива воина-интернационалиста Николая Николаева	35
В.Гордеев. «Беспокойся, сердце!». Поэма	38
Вводу российских войск в Грозный, посвящается «Честь имею!»	47
27 ноября – День морской пехоты. «Морпех Владимир Елизаров»	53

КРАЕВЕДЕНИЕ

«Полезные сведения из истории России»	58
В.Сысуев. «Версии». Заметки краеведа	64
Ю.Сергеев. «Воспоминания и размышления...»	71
В.Устинов. «Воздушные асы земли мелекесской» Очерк	77

ПОЭЗИЯ

А.Челышев. «Строки мои боевые»	82
В.Волконская. «Чудовищная память»	88
А.Зайцева. «Я вас любил...»	90

ПРОЗА

А.Никонов. «Я иду к тебе, сынок!». Отрывок из романа	96
Е.Парфенова. «И так бывает». Рассказ	121
А.Надыктов. «Русский олигарх». Повесть	124
В.Коробков. «Литераторы. Роман (продолжение)	152
А.Горшенин. «Черный ящик». Эссе	164

ХРОНИКИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ	168
-------------------------------	-----

Литературно-публицистический альманах
Димитровградского писательского отделения Союза писателей России,
Ульяновского регионального благотворительного общественного
Фонда поддержки ветеранов и офицеров запаса КГБ, ФСБ, МВД
«ЭГИДА»

Издается с декабря 2008 года при содействии и поддержке
депутата Димитровградской городской Думы первого созыва

М.Б.ВОРОНОВА

ЗАО «Промсервис» (ген.директор А.А.МИНАКОВ)

ООО «ДПЗ» (директор В.В.ДЕГТЯРЁВ)

Редакция выражает им глубочайшую благодарность.

Шеф-редактор альманаха -
член Союза писателей России Александр НИКОНОВ

В выпуске принимали участие:
Литературный редактор - член Союза писателей России В. ГОРДЕЕВ
Фотомастера - В. ЗИНОВЬЕВ, Н.НИКОЛАЕВ
Компьютерная верстка - Т. БЕРЕНДЕЕВОЙ

Посад
Мелекес

ISBN – 5-85658-028-1

Адрес редакции:
433512, Ульяновская обл., г. Димитровград, пр. Ленина, д.30, оф. 24.
Телефон: 3-37-44.

Произведения авторов альманаха публикуются на безгонорарной основе.
Возможна публикация произведений самодельных авторов,
не заказанных редакцией. На договорной основе.
Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

Выпуск отпечатан в Димитровградской типографии:
433510, Ульяновская обл., г. Димитровград, ул. Юнг Северного флота, 107.

Подписано в печать 15.11.09. Формат 60х90\16. Печ.л. 11,0.
Печать офсетная. Тираж 400 экз. Заказ № 5514. ЦЕНА СВОБОДНАЯ.